

МИГРАНТЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ РЕГИОНА

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Институт социологии РАН
Южный научный центр РАН

Г.Д. ГРИЦЕНКО
А.В. ДМИТРИЕВ
Т.Ф. МАСЛОВА

**МИГРАНТЫ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
РЕГИОНА**

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

Под редакцией члена-корреспондента РАН
М.К. ГОРШКОВА

Москва ■ «Альфа-М» ■ 2009

УДК 314.7.044
ББК 66.5(2Рос)
Г85

Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В., Маслова Т.Ф.
Г85 Мигранты в социокультурном пространстве региона.
Социологические очерки / Под ред. чл.-корр. РАН
М.К. Горшкова. — М. : Альфа-М, 2009. — 176 с.

ISBN ISBN 978-5-98281-158-5

Монография содержит материалы социологических исследований (2000–2007) по региональным проблемам миграции. Рассматриваются характеристики принимающего мигрантов региона, особенности вынужденной и трудовой миграции, социальное самочувствие населения и факторы развития региона под воздействием миграционных процессов. Уникальность монографического исследования заключается в том, что оно охватывает несколько исследовательских программ и методик, позволяющих наиболее полно и достоверно осветить миграционную проблематику региона, испытывающего повышенную миграционную нагрузку. Публикация подготовлена в рамках исследовательского проекта «Разработка теоретико-методологических основ региональной конфликтологии» программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям». Исследование также выполнено при поддержке РГНФ.

Для научных работников, практикующих политиков, преподавателей, аспирантов и студентов.

УДК 314.7.044
ББК 66.5(2Рос)

ISBN 978-5-98281-158-5

©Институт социологии РАН, 2009
©Южный научный центр РАН, 2009
© Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.,
Маслова Т.Ф., 2009
© «Альфа-М». Оформление, 2009

ВВЕДЕНИЕ

Северный Кавказ занимает в Российской Федерации особое место, что отчасти обусловлено его геополитическим положением и известной степенью этнической напряженности. На протяжении последних лет эскалация межнациональных противоречий и этнической напряженности в северокавказском и закавказском макрорегионах превратили все принимающие территории, в том числе Ставропольский край, в территории для миграции, что актуализировало рассмотрение миграционных проблем на данных территориях как в управленческо-прикладном плане, так и в научно-теоретическом.

В условиях затяжного этнополитического конфликта на Северном Кавказе наиболее привлекательным для вынужденных мигрантов стал Ставропольский край. Ставрополье заняло одно из первых мест по числу вынужденных переселенцев, прибывших в край на постоянное место жительства из «горячих точек». Их стихийное вхождение в новый социум усложняло проблемы адаптации прибывших к новым условиям и их интеграции в незнакомое сообщество. В связи с этим возникла необходимость исследования тенденций приспособления и вживаемости вынужденных переселенцев в местное сообщество, способов достижения взаимоприемлемого взаимодействия мигрантов и старожилов, устойчивости переселенцев в местном сообществе. В частности, вопросам интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество были посвящены многочисленные исследования ставропольских социологов¹. Один из авторов (А.В. Дмитриев) провел самостоятельное изучение последствий иммиграции в 2007–2008 гг. («Этническая иммиграция в России. Конфликтное измерение», проект 06-06-80202А РФФИ).

Своеобразным продолжением этих работ стало исследование «Интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество»,

---

¹ См., например: *Рязанцев С.В.* Современный демографический и миграционный портрет Северного Кавказа. Ставрополь, 2003; *Белозеров В.С.* Этнодемографические и миграционные процессы на Юге России // Современный Кавказ. Пятигорск, 2006; *Белозеров В.С., Панин А.Н.* Атлас социально-политических рисков Юга России / Под ред. акад. Г.Г. Матишова. Ростов н/Д, 2006; и др.

выполненное в 2007 г. при поддержке РГНФ (проект 06-03-00152). Его цели и задачи включали оценку изменений показателей интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество по сравнению с уровнем и характером интеграции, зафиксированной в 2000 г., а также уточнение тенденций и механизмов адаптации вынужденных переселенцев в новое для него сообщество. Объектом исследования выступили вынужденные переселенцы, проживающие на территории Ставропольского края, а предметом — сама динамика интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество. В качестве основного метода исследования было избрано анкетирование, в качестве дополнительного — контент-анализ ответов вынужденных мигрантов. Было опрошено 592 человека в территориях, где доля вынужденных переселенцев в 1995—1997 гг. была наибольшей, составляя 30 % общего числа прибывших в регион.

Заметим, что в последнее время значимое место в миграционном потоке региона стала занимать трудовая миграция, что определило интерес к изучению качества трудовой миграции как интегрального показателя развития региона. В частности, в 2007 г. было проведено самостоятельное исследование «Трудовая миграция как фактор развития региона». Здесь предметную область исследования составила трудовая миграция как социально-экономическое и социокультурное явление, характерное для Ставропольского края.

Основные идеи исследования обусловлены состоянием трудовых ресурсов не только в Ставрополье, но и в Российской Федерации в целом. Давно известно, что интенсификация потоков капитала, товаров и услуг невозможна без параллельных потоков людей, в частности трудовой миграции, которая способствует передаче самого ценного ресурса — человеческого капитала как совокупной энергии и социальных качеств мотивированной на миграцию личности. С позиции миграционного поведения самоорганизующимся потенциалом личности трудового мигранта выступают не столько объективные, внешние факторы (военные действия, националистические настроения отдельных групп людей, природные катастрофы и др.), сколько субъективные, личностные (желание изменить свой социальный статус, стремление улучшить материальное положение, потребность в самореализации и т.д.). Именно здесь возникает необходимость определения тех качеств личности трудового мигранта, которые способствуют

преодолению трудной жизненной ситуации, позволяют выстоять им в жестких рыночных условиях, улучшить свои и своих близких жилищные условия. Кроме того, необходимо оценить существующую миграционную политику, призванную формировать благоприятную среду взаимодействия трудовых мигрантов и местного населения, а также выявить положительные последствия трудовой миграции в регионе.

Таким образом, основные задачи исследования можно кратко сформулировать следующим образом:

- ◇ определить тенденции развития субъектов трудовой миграции;
- ◇ изучить самооценку психологического и физического состояния индивида в условиях трудовой миграции;
- ◇ выявить ожидания индивидов в отношении перспектив своей дальнейшей жизни.

Эмпирическое решение исследовательских задач осуществлено методом анкетирования с выборкой 397 человек, прибывших на работу в Ставропольский край и работающих в районах с повышенной миграционной нагрузкой.

Авторы исходили из того факта, что в регионе обостряется проблема социального самочувствия как коренных жителей края, так и мигрантов. В рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» и подпрограммы ЮНЦ РАН «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе» в 2006 г. было проведено исследование с целью выявления уровня социальной адаптации населения к социально-экономическим и политическим трансформациям на Ставрополье. В ходе его реализации решались следующие исследовательские задачи:

- ◇ определение тенденций социального самочувствия населения;
- ◇ выявление наиболее значимых региональных проблем;
- ◇ оценка уровня межэтнической напряженности;
- ◇ описание самоидентификации населения (локальной, региональной, общероссийской и т.д.);
- ◇ рассмотрение реализуемых населением Юга России стратегий адаптации и степени их распространенности;
- ◇ определение ожиданий индивидов в отношении перспектив своей дальнейшей жизни, степени социального оптимизма/пессимизма и др.

Выборка была многоступенчатой, квотной. В качестве квот были взяты: тип населенных пунктов, этническая и миграционная специфика населения, его половозрастные параметры. Объем выборки составил 1055 жителей Ставропольского края.

На наш взгляд, представленный в монографии обширный исследовательский материал может быть широко вовлечен в научный оборот и позволит читателю сформировать целостное представление о миграционных процессах на Ставрополье.

Авторы выражают свою искреннюю признательность и благодарность за содействие в подготовке книги Светлане Викторовне Бирюковой, Наталье Николаевне Кобозевой, Василию Петровичу Целовальникову.

ГЛАВА 1 ПРИНИМАЮЩИЙ РЕГИОН В СИТУАЦИИ МИГРАЦИИ

Принимающий регион¹, или регион въезда, представляет собой специфическое географическое, экономическое, геополитическое и социокультурное пространство, привлекательное для мигрантов. Они пополняют экономически активное население региона, становясь его частью, занимают конкретные ниши на рынке труда и при определенных обстоятельствах, включая стихийность миграции, создают конкуренцию на местном производственно-трудовом рынке и, следовательно, заметно влияют на социокультурные взаимодействия в региональном социуме. Регионом, для которого наиболее типичны миграционные проблемы, выступает Ставропольский край, принимающий в последние годы большое число мигрантов.

1.1. Геополитическое положение Ставропольского края

Геополитическое положение исследуемого региона как его местонахождение по отношению к внешним границам, зонам вооруженных и скрытых конфликтов, к военным организациям и блокам обусловлено спецификой всего Кавказского региона, а именно: он имеет важнейшее военно-стратегическое расположение, является ключевым транспортным узлом, обладает значительными запасами природных ресурсов, через его территорию проходят экспортные нефтепроводы, в частности из Азербайджана и Казахстана, что особенно значимо, так как противоречия с Украиной и странами Балтии затрудняют транзит «черного золота» по традиционным трубопроводам, железным дорогам, через порты этих государств.

---

¹ См., например: *Акинин П.В.* Будущее России в глобальном мире и социально-экономические, политические противоречия на Северном Кавказе // Юг России в перекрестье напряженности // Южнороссийский регион: потенциал и перспективы. Краснодар, 2004. С. 25–42; *Белозеров В.С., Магомедов К.А.* Экономическая и социальная география Ставропольского края. Ставрополь, 1996; *Экономика Ставропольского края / П.В. Акинин, С.В. Рязанцев и др.* Ставрополь, 2007; *Ставропольский край в цифрах: Статистический сборник.* Ставрополь, 2005; *Ставропольский край в цифрах: Статистический сборник.* Ставрополь, 2007.

Усиление интереса России и других стран к Кавказу обусловлено также тем, что нефтяные запасы Западной Сибири исчерпаны на 90 %. Кроме того, исламская революция в Иране вывела значительные запасы нефти из-под контроля крупнейших нефтяных корпораций. Наконец, после распада СССР некоторые западные страны стремятся захватить новые сферы влияния в странах Каспийского региона для получения прибыли от эксплуатации нефти. Таким образом, Ставропольский край находится в эпицентре обостряющегося международного соперничества за нефть Каспия и маршруты ее экспорта.

Помимо «нефтяного» контекста геополитического положения Ставропольского края важно отметить его превращение из глубинного региона в приграничный. О «приграничности» Ставрополя говорит не столько наличие непосредственных границ с другими странами, сколько выход к республикам, где крайне нестабильна политическая обстановка. Из зон конфликтов на территорию Ставропольского края не просто направлен исход беженцев и вынужденных переселенцев, но осуществляется несанкционированный транзит оружия и наркотиков, нелегальных нефтепродуктов и водки, а также актуализируется проблема захвата заложников, имущества и скота.

1.2. Экономико-географическая особенность Ставропольского края

Ставропольский край — один из центральных регионов Северного Кавказа, занимающий территорию 66,2 тыс. кв. км. На севере край граничит с Ростовской областью и Республикой Калмыкия, на востоке — с Республикой Дагестан и Чеченской Республикой, на юге — с Северной Осетией–Аланией, Кабардино-Балкарией, Карачаево-Черкесией, на западе — с Краснодарским краем. Протяженность границ Ставропольского края составляет около 1753,5 км (см. рис. 1.1).

Центральное положение Ставрополя в Предкавказье превращает его в своеобразный этномиграционный перекресток. Удачное сочетание природно-климатических условий с плодородными землями и обширными пастбищами, положение Ставропольского края на стыке равнинной и горной зон, различающихся характером хозяйственной специализации, трудовыми навыками

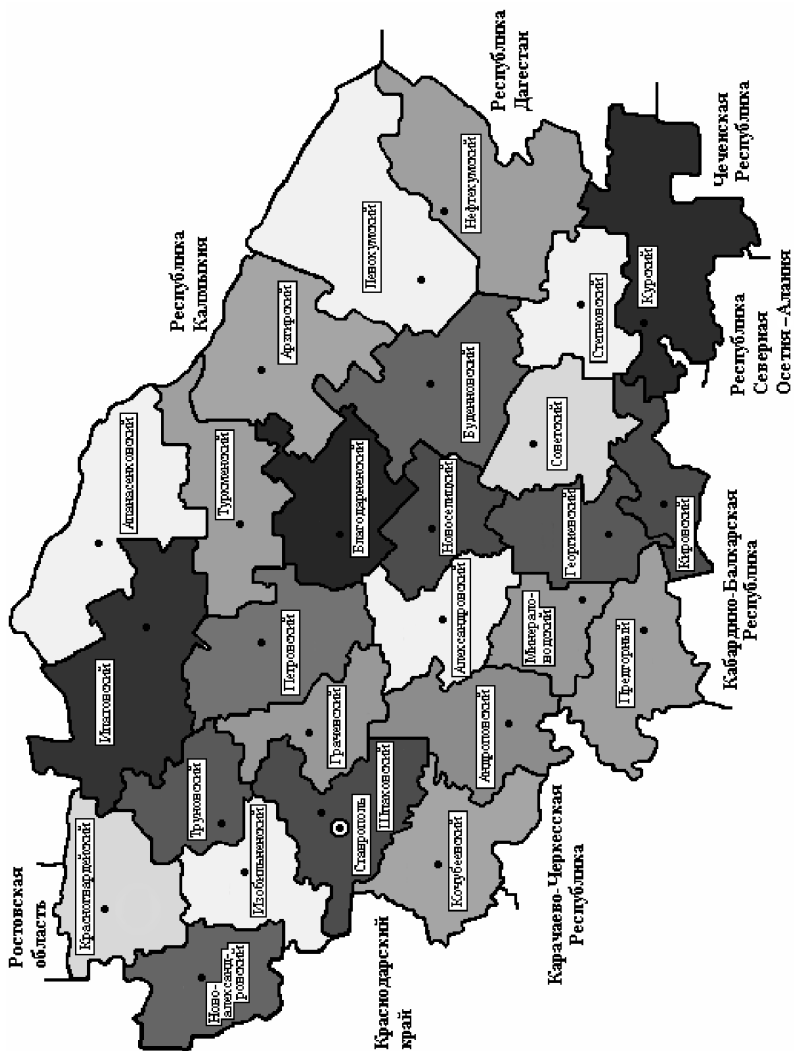

Рис. 1.1. Ставропольский край: административно-территориальное деление

населения, этническим составом и типами воспроизводства, создают предпосылки для развития миграционных связей.

Ставрополье — типичный российский Юг с теплым климатом и плодородными почвами — состоит из 26 районов. Край относительно плотно заселен, за исключением засушливого востока, и имеет густую сеть крупных сельских поселений — 283 сельские администрации. Процессы урбанизации начались в крае существенно позже, чем в России, поэтому доля городского населения (56,5 %) значительно ниже, чем в среднем по стране. Здесь преобладают в основном малые и средние города: 7 рабочих и курортных поселков, 9 городов районного подчинения и 10 — краевого подчинения. Малые и средние города края — это в основном центры со слаборазвитой социальной инфраструктурой и небольшими предприятиями пищевой промышленности.

Особенность края проявляется в том, что здесь сформировались две достаточно крупные городские агломерации, т.е. «двоецентрие»: моноцентрическая агломерация вокруг краевой столицы г. Ставрополя, где проживает 359,7 тыс. человек, располагается на периферии, в степной зоне, и полицентрическая агломерация — в предгорьях сформировался второй «сгусток» довольно больших городов курортной зоны Кавказских Минеральных Вод (города Пятигорск, Ессентуки, Кисловодск, Железноводск, Минеральные Воды). По сути Пятигорск стал вторым, неофициальным, центром края, где размещаются некоторые краевые учреждения и организации. Именно в этом городе сформировался крупнейший на Северном Кавказе региональный торговый рынок, обеспечивающий товарами не только Ставрополье, но и большую часть республик региона. И здесь, по данным краевой статистики, наиболее густо проживают трудовые мигранты.

Традиционно на территории Ставропольского края в зависимости от особенностей экономического развития и природного потенциала выделялись четыре экономико-географических района (субрегиона):

- ◇ Западный, в состав которого входят восемь районов и два города краевого подчинения; он специализируется на энергетике, продукции машиностроения, химической и пищевой промышленности, а также на производстве некоторых видов сельскохозяйственной продукции. Ставрополь выполняет столичные функции в пределах края. Крупнейшим транспортным узлом является Невинномысск;

- ◇ Центральный, который включает девять районов и один город; его экономический профиль определяет крупный химический комбинат АО «Ставропольполимер» в г. Буденновске. Здесь развиты пищевая промышленность и сельское хозяйство;
- ◇ Восточный, созданный пятью районами, для которого характерны добыча нефти и сельское хозяйство;
- ◇ Кавказские Минеральные Воды, образованный четырьмя районами и семью городами. Это – всероссийский курорт. Здесь развиты многие отрасли сельского хозяйства. В последние годы значительное распространение получил банковский сектор. Минеральные Воды – крупнейший транспортный узел на Юге России.

Такая характеристика четырех зон Ставрополя свидетельствует о том, что и в настоящее время край во многом остается аграрным. Наиболее крупным по территории является Центральный экономико-географический район, а по численности населения – Западный, где проживает около 40 % жителей края.

1.3. Экономическое развитие Ставропольского региона

При характеристике экономики региона значимым показателем является уровень развития территории – синтетический показатель, включающий в себя несколько составляющих. *Валовой региональный продукт* (ВРП) представляет собой стоимость конечных товаров и услуг, произведенных на данной территории всеми предприятиями вне зависимости от форм собственности. Так, в 2006 г. ВРП Ставропольского края достиг 180 829,5 млн руб. В среднем на одного жителя края ВРП равен 66,8 тыс. руб. в год. Это соответствует 31-му месту среди субъектов РФ по объему ВРП и 67-му месту – по объему ВРП на душу населения, что составляет только 48,5 % среднероссийского уровня.

Отраслевая структура экономики региона – вторая составная часть уровня развития территории. Согласно данным 2004 г., на Ставрополье на долю промышленного производства приходилось 18,7 %, сельского хозяйства – 14,8 %, на долю строительства – 7,7 %, на производство услуг – 50,7 %.

По численности занятых по отраслям ведущей отраслью в Ставропольском крае выступает сельское хозяйство – 21,6 %, оптовая, розничная торговля и общественное питание – 18,5 % и затем промышленность – 15,1 %.

В *секторной структуре экономики* региона выделяют «первичный» сектор (сельское хозяйство и добывающая промышленность), «вторичный» (промышленность и строительство) и «третичный» (непроизводственная сфера и услуги). По этому показателю Ставропольский край характеризуется как «первичный». Доля «вторичного» сектора экономики примерно соответствует среднему уровню России. Однако отсутствует доля услуг производителям, что указывает на неразвитость рыночной инфраструктуры.

Уровень и качество жизни населения — важнейший показатель экономического развития региона. По этому показателю Ставрополье отстоит далеко от развитых регионов: более половины населения края имеет доходы ниже прожиточного минимума. Средняя заработная плата (6733 руб. в 2006 г.) значительно ниже среднероссийского уровня. Денежные доходы на душу населения в 2006 г. составили 6587,3 руб. (что свидетельствует о достижении уровня среднедушевого дохода в России в 2003 г., который равнялся 6295,8 руб.) при прожиточном минимуме в крае 2984 руб. в месяц.

В связи с происходящими в мире процессами глобализации большое значение имеют показатели открытости экономики региона, среди которых наиболее значимыми считаются показатели внешнеторговой, экспортной и импортной квот. Пока Ставропольский край относится к регионам с низкой степенью открытости наряду с такими регионами ЮФО, как Адыгея, Карачаево-Черкесия, Кабардино-Балкария.

1.4. Региональный рынок труда и занятость населения

В Ставропольском крае на протяжении 1990-х гг. и до настоящего времени численность экономически активного населения постоянно увеличивалась и в 2006 г. составляла 47,9 % численности населения региона. В структуре экономически активного населения преобладают мужчины — 50,6 %, хотя их доля постоянно сокращается за счет выхода на рынок труда женщин, ранее бывших домохозяйками.

Предложение на современном рынке труда Ставропольского края несколько превышает спрос на рабочую силу, в результате чего отмечается определенный уровень безработицы; доля безработных в экономически активном населении постепенно снижа-

ется и в 2006 г. остановилась на уровне 8,9 % экономически активного населения. Однако в некоторых районах безработица достигает 30 %. Зонами повышенного уровня безработицы являются юго-восточный (Курский и Кировский районы) и северо-западный (Красногвардейский, Изобильненский и Шпаковский) районы.

Скрытая безработица представляет собой довольно распространенный феномен, составляя 2–3 %, а в некоторых районах (Георгиевский, Труновский, Шпаковский и Советский районы) — 4–5 % экономически активного населения. Уровень безработицы на селе выше, чем в городе, и в 2006 г. составил 10,1 %; среди мужчин — больше, чем среди женщин, и в 2006 г. был равен 9,4 %.

Уровень регистрируемой безработицы в Ставропольском крае равен 2,6 % численности экономически активного населения, что превышает среднероссийский показатель, равный 1,4 %. Средняя продолжительность безработицы на Ставрополье составляет в среднем от 5 до 6 месяцев и она больше в городах, чем в сельской местности, выше среди женщин, чем среди мужчин.

Численность занятых в экономике Ставрополья в летне-осеннее время увеличивается на 2–3 %, что обусловлено возрастанием объемов работ в строительстве, сельском хозяйстве и иных отраслях экономики.

Большая часть трудовых ресурсов занята на крупных и средних предприятиях. В последнее время растет число работающих в мелком и среднем предпринимательстве; так, в 2006 г. их доля составила 31,2 % занятых в экономике края.

В некоторых районах и городах Ставропольского края кроме традиционной (официальной) занятости в последнее время получили распространение новые формы занятости населения, которые позволяют получать дополнительные источники доходов и выживать в условиях рыночной экономики. Среди них можно выделить вторичную занятость, стихийную, выездную, неофициальную, скрытую.

1.5. Демографическая ситуация на Ставрополье

Население края за период между переписями 1989 и 2002 гг. увеличилось с 2,4 млн до 2,7 млн человек и в 2006 г. достигла 2701,2 тыс. Такое увеличение произошло в основном за счет массового притока мигрантов из стран СНГ и северокавказских

республик. С 1995 г. по 2006 г. в крае поселились на постоянное место жительства почти 150 тыс. вынужденных переселенцев и беженцев. Растет численность жителей отдельных поселений в сельской местности и небольших городов, несмотря на депрессивное состояние их экономики. Это приводит к изменению статуса населенных пунктов. Последним подобным административным изменением стало преобразование в 1999 г. села Шпаковское в город Михайловск. Данный рост держится на ресурсах внешней миграции, которая пока перекрывает миграционный отток, представленный прежде всего местной молодежью (табл. 1.1).

Таблица 1.1. Миграция населения в крае, тыс. человек

	Общая миграция	В том числе внешняя	В % к итогу
<i>1995</i>			
Прибыло	85,1	53,8	63,2
Выбыло	60,8	29,5	48,5
<i>2000</i>			
Прибыло	53,5	28,0	52,3
Выбыло	48,9	23,4	47,9
<i>2001</i>			
Прибыло	50,5	23,7	46,9
Выбыло	49,4	22,6	45,7
<i>2002</i>			
Прибыло	50,3	24,3	48,3
Выбыло	46,5	20,5	44,1
<i>2003</i>			
Прибыло	55,3	25,5	46,1
Выбыло	50,5	20,7	41,0
<i>2004</i>			
Прибыло	46,7	20,8	44,5
Выбыло	45,6	19,7	43,2
<i>2005</i>			
Прибыло	46,9	20,9	44,6
Выбыло	45,3	19,3	42,6
<i>2006</i>			
Прибыло	45,1	20,2	44,8
Выбыло	44,5	19,6	44,0

Кроме того, с 1993 г. естественный прирост имеет отрицательное значение: смертность в 1,4 раза превышает рождаемость (по России в 1,7 раза).

В 2004 г. Ставропольский край занимал 46-е место среди регионов Российской Федерации по показателю естественного прироста. Более высокий уровень рождаемости на Ставрополье обусловлен большей, чем в России в целом, долей в населении края народов Кавказа, для которых характерны многодетные семьи. Так, в 2001 г. удельный вес данных этносов в общей численности населения России составил 4,2 %, а в крае – 6,1 %.

В то же время глубина естественной убыли населения края пока меньше не только, чем в регионах Центральной России, но и в соседних регионах равнинного Предкавказья, где эта проблема появилась раньше и выражена глубже. Однако с каждым годом масштабы депопуляции в Ставропольском крае все менее отличаются от соседних регионов: в 2006 г. коэффициент естественной убыли в крае составлял 5,1 ‰, в соседнем Краснодарском крае – 5,8 ‰, в среднем по стране – 6,5 ‰.

В городской местности проживает 56,5 % населения края. Соотношение мужчин и женщин в общей численности населения составляет: 46,6 % : 53,4 %. Причем по городской местности «нехватка» мужчин проявляется острее: здесь женщин на 18 % больше, чем мужчин.

Доля лиц пожилого возраста составляет 17,5 % населения края, в то время как, согласно классификации ООН, население государства считается старым, если доля людей старше 65 лет в общей численности жителей превышает 7 %. Высокий уровень старения обусловлен прежде всего сокращением доли детей в численности населения края из-за быстрого снижения рождаемости.

Среди населения края преобладают люди возрастной группы 17–26 лет (более 30 %), на втором месте возрастная группа 41–50 лет (свыше 25 %) (рис. 1.2). Плотность населения на Ставрополье составляет 40,8 человек/кв. км, что более чем в 5 раз превышает среднероссийский показатель.

По образованию в крае преобладают люди с высшим образованием (46,9 %) и со средним специальным (27,9 %).

В 2004 г. Ставропольский край занимал 17-е место среди российских регионов по числу браков и 22-е место – по числу разводов. Сейчас положение в крае несколько улучшилось (табл. 1.2).

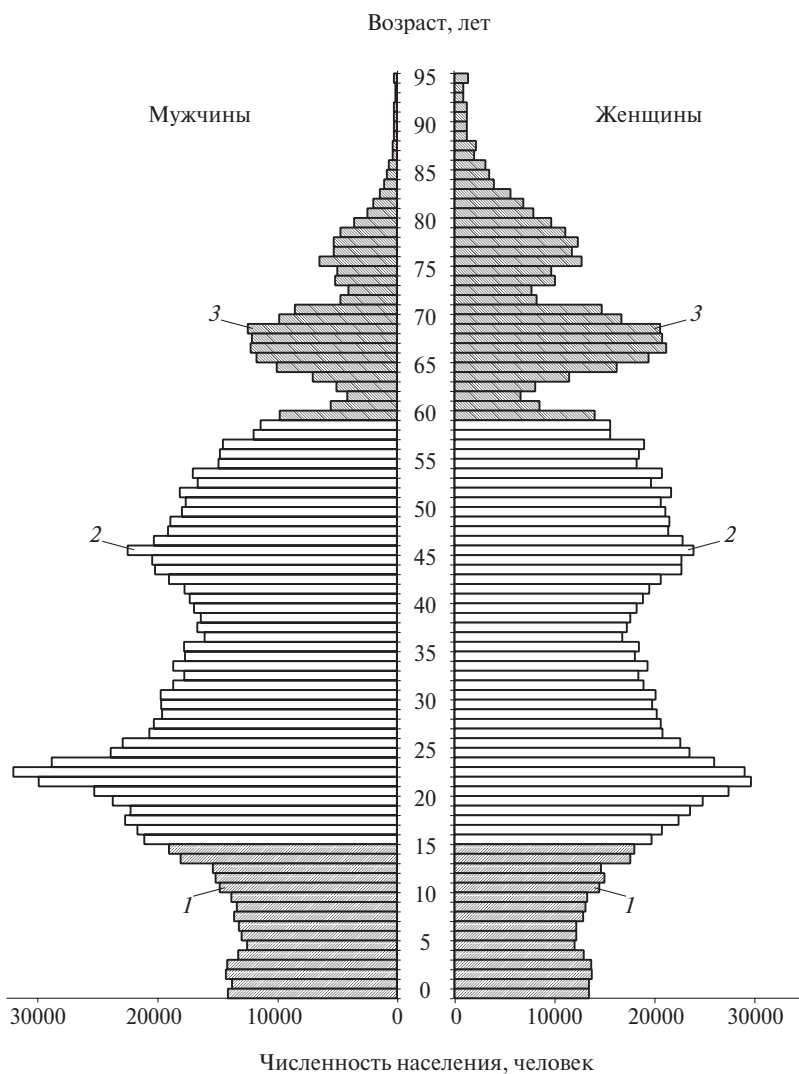

Рис. 1.2. Половозрастная структура населения Ставропольского края на 1 января 2007 г.:

1 – возраст моложе трудоспособного; 2 – трудоспособный;
3 – старше трудоспособного

Таблица 1.2. Показатели естественного движения населения: браки и разводы

Год	Зарегистрировано	
	браков	разводов
1995	21522	11861
2000	16523	10708
2001	18181	13222
2002	18349	14417
2003	20034	13782
2004	17989	10952
2005	18513	9973
2006	20048	10711

Больше половины семей (67,8 %) имеют официально оформленные отношения, и около половины семей (47,5 %) воспитывают двух-трех детей. Однако сохраняется высокий уровень разводов семей, имеющих несовершеннолетних детей (табл. 1.3).

Таблица 1.3. Динамика разводов, зарегистрированных супружескими парами, имеющими несовершеннолетних детей

Год	1995	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006
Число разводов супружеских пар, имеющих несовершеннолетних детей	7452	6435	7868	8252	7697	6077	5782	6274
Доля в общем числе разводов, %	62,8	60,1	59,5	57,2	55,8	55,5	58,0	58,6
Число детей у этих пар	10240	8351	10315	10594	9827	7577	7203	7866

Наблюдается рост внебрачной рождаемости. Ее удельный вес по краю возрос с 17 % в 1991 г. до 26,1 % в 2006 г. Причем только около половины рожденных вне брака детей (43,0 %) признаются отцами. Если за последнее пятилетие общее число рождений возросло на 10,0 %, то число рождений в зарегистрированном браке выросло на 9,8 %, а внебрачных – на 10,5 %.

Ставропольский край, как и другие южные регионы, имеет естественное преимущество – благоприятный климат, способст-

вующий большому долголетию. Ожидаемая продолжительность жизни населения края была и остается выше средней по стране. Так, мужчины в крае живут 62,4 года, женщины – 74,4 года, а в среднем по стране – 58,9 и 72 года соответственно. Можно сказать, край представляет собой своеобразную переходную зону между европейскими территориями РФ с низкой продолжительностью жизни и южными горными регионами с долголетием.

Под влиянием миграции изменяется возрастной состав населения края. Более быстрый рост численности лиц старших возрастов обуславливает изменение среднего возраста населения Ставрополья: в 2000 г. он составлял 35,2 года, а в 2006 г. – 36 лет (при среднероссийском показателе 36,2 года).

Коэффициент миграционного прироста в крае в течение 1990-х гг. был в 5 раз выше среднего по стране и в 3 раз выше, чем по Северному Кавказу. Одновременно происходило перемещение населения приграничных районов Ставрополья в глубь территории края. Выросло число районов края с отрицательным сальдо миграции. В 2006 г. их было почти половина общего числа.

1.6. Этническая стратификация населения

Демографические и миграционные процессы привели к трансформации национального состава населения Ставропольского края. В силу миграции, а также естественного движения численность русского населения увеличилась на 10,3 %. Но если в городах она возросла на 46,8 %, то в сельской местности, наоборот, сократилась на 9,8 %. В целом доля русских в составе населения уменьшилась на 2,4 %. При этом увеличились доли армян, греков, азербайджанцев, грузин, татар, осетин и некоторых других народов (табл. 1.4).

Увеличение численности отдельных этносов и их компактное проживание на территории края позволили им образовать свои национальные диаспоры. Наиболее крупными являются диаспоры армянская, азербайджанская, даргинская, греческая.

В начале 1990-х гг. на Северном Кавказе приобрело широкий размах движение за политическую реабилитацию и возрождение казачества. Примерно 120 тыс. человек на Ставрополье идентифицируют себя с казаками.

Таблица 1.4. Изменение численности отдельных национальностей за межпереписной период

Народ, этнос	По данным ВПН-1989		По данным ВПН-2002		2002 г. в % к 1989 г.
	человек	%	человек	%	
Все население	2410379	100,0	2735139	100,0	113,5
Абазины	2905	0,1	3300	0,1	113,6
Аварцы	5976	0,2	7167	0,3	119,9
Азербайджанцы	8520	0,4	15069	0,6	180
Армяне	70171	2,9	149249	5,5	200
Белорусы	14666	0,6	11343	0,4	77,3
Греки	26828	1,1	34078	1,2	127,0
Грузины	5469	0,2	8764	0,3	160
Даргинцы	32213	1,3	40218	1,5	124,9
Евреи	4144	0,2	2925	0,1	70,6
Кабардинцы	5448	0,2	6619	0,2	121,5
Казахи	1947	0,1	1779	0,1	91,4
Карачаевцы	13210	0,5	15146	0,6	114,7
Корейцы	4567	0,2	7095	0,3	160
Кумыки	5850	0,2	5744	0,2	98,2
Лакцы	2194	0,1	2561	0,1	116,7
Лезгины	4774	0,2	6558	0,2	137,4
Молдаване	2551	0,1	2112	0,1	82,8
Мордва	2502	0,1	1946	0,1	77,8
Немцы	12374	0,5	8047	0,3	65,0
Ногайцы	15569	0,6	20680	0,8	132,8
Осетины	5436	0,2	7772	0,3	143
Поляки	1486	0,1	1262	0,0	84,9
Русские	2024068	84,0	2231759	81,6	110,3
Казаки	...	...	3902	0,1	...
Табасараны	3662	0,2	5477	0,2	149,6
Татары	10455	0,4	12981	0,5	124,2

Окончание табл. 1.4

Народ, этнос	По данным ВПН-1989		По данным ВПН-2002		2002 г. в % к 1989 г.
	человек	%	человек	%	
Турки	1348	0,1	7484	0,3	560
Туркмены	11133	0,5	13937	0,5	125,2
Украинцы	62881	2,6	45892	1,7	73,0
Цыгане	12617	0,5	19094	0,7	150
Черкесы	2054	0,1	2097	0,1	102,1
Чеченцы	14528	0,6	13208	0,5	90,9
Чуваши	1722	0,1	1404	0,1	81,5
Прочие	17111	0,7	19955	0,7	116,6

1.7. Уровень жизни и доходы населения Ставрополя

В крае наблюдается антисоциальная динамика дифференциации населения по уровню доходов. Так называемый децильный коэффициент (разница между доходами 10 % наиболее обеспеченного населения и доходами 10 % наименее обеспеченного населения) вырос с 8 в 1992 г. до 17 в 2002 г. по краю. В 2006 г. разрыв между доходами 20 % наиболее обеспеченного населения края и доходами 20 % наименее обеспеченного населения составил 7,7 раза.

Среднедушевой доход в крае равен 2,2 прожиточного минимума. По определению Всероссийского центра уровня жизни, Ставропольский край занимает 56-е место среди регионов страны. В Ставропольском крае доля населения с доходами ниже прожиточного минимума к началу 2007 г. составила 21,6 % общей численности. Более 80 % всех денежных доходов население тратит на приобретение товаров (в большей части продовольственных) и оплату услуг.

Однако следует иметь в виду, что значительная часть населения получает существенную долю доходов в натуральной форме — продукты питания с приусадебного участка, личного подсобного хозяйства и т.п. В городской местности такие доходы составляют 3 % общей суммы доходов, в сельской местности — 15,6 %.

Жилищные условия населения Ставропольского края типичны для южных регионов с растущим населением, вследствие чего они отличались более низкой обеспеченностью жильем. Еще одна особенность южных регионов — более высокая доля «частного» жилья в собственности граждан (86 % в Ставропольском крае при 70 % в среднем по РФ) из-за значительной доли сельского населения, живущего преимущественно в индивидуальных домах. Уровень благоустройства жилищного фонда в крае близок к среднему по стране, при этом различий между городом и селом меньше, чем в других регионах.

1.8. Социальное самочувствие населения Ставрополя

В последнее время Ставрополье часто упоминается в официальной прессе как регион, в котором произошли события, имеющие нежелательные последствия. Во-первых, поражение партии «Единая Россия» на выборах в Государственную Думу Ставропольского края в 2006 г., которое привело к противостоянию законодательной и исполнительной ветвей государственной власти. Во-вторых, несанкционированные выступления молодежи весной—летом 2007 г., поводом для которых стали проблемы в сфере межнациональных отношений. В-третьих, проявление терроризма в г. Невинномыске, на Кавказских Минеральных Водах. Неблагополучие в Ставропольском крае нашло отражение в социальном самочувствии жителей края как индикаторе адаптированности людей к социальным переменам. Так, согласно результатам социологического исследования, проведенного осенью 2006 г. отделом социально-политических проблем Кавказа ЮНЦ РАН совместно с учеными Ставропольского государственного университета в четырех территориях-ключях, социальное самочувствие населения Ставрополя было самым неудовлетворительным (более 70 % респондентов) среди обследованных регионов (Краснодарский край, Республика Дагестан и Карачаево-Черкесская Республика).

По данным указанного опроса, на социальном самочувствии ставропольчан отрицательно сказывается состояние межнациональных отношений, которые в настоящее время выдвигаются на первое место в числе проблем, угрожающих безопасности Юга России (рис. 1.3).

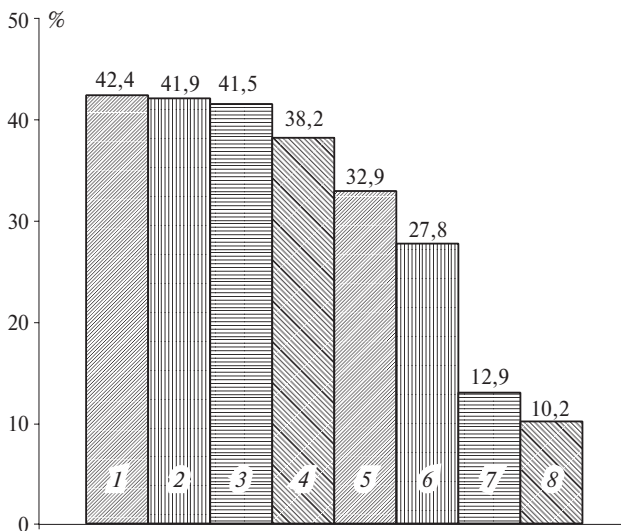

Рис. 1.3. Угрозы безопасности Ставропольского края:

1 – межнациональные конфликты; 2 – нестабильность экономики страны; 3 – резкое расслоение общества на богатых и бедных; 4 – опасность терроризма; 5 – борьба различных политических сил за власть; 6 – опасность разрастания вооруженных конфликтов на Северном Кавказе; 7 – состояние Вооруженных Сил России; 8 – возможность религиозного экстремизма

Вопрос о межэтнических отношениях ставропольчане тесно связывают с проблемами миграции. Более 40 % участников опроса убеждены, что взаимодействия местных жителей и мигрантов нередко выступают источником напряженности и конфликтности, которые приобретают межэтнический характер. Именно поэтому значительная часть респондентов (30 %) в Ставропольском крае рассматривают миграцию как причину напряженности в сфере межнациональных отношений.

Каждый третий (35,3 %) житель Ставропольского края утверждает, что взаимоотношения представителей различных национальностей выступают источником напряженности в регионе; всего 13,6 % ставропольчан не согласны с таким утверждением, а 51,1 % не задумывались над этим вопросом.

По мнению значительной части респондентов, напряженность между людьми различных национальностей обусловлена многими причинами, в частности 24,2 % полагают, что есть «хорошие» и «плохие» нации, хотя 7,5 % не согласны с этим утверждением, а 68,5 % вообще не задумывались над этим.

Кроме этого, 39 % участников опроса на Ставрополье испытывают напряженность и дискомфорт, когда слышат вокруг себя чужую речь, но 49,3 % не испытывают таких чувств и всего 11,7 % не задумывались над этим вопросом.

Неудовлетворенность жителей Ставропольского края межнациональными отношениями сказалась на убежденности людей в том, что каждый народ должен жить на своей исторической родине. Такой точки зрения придерживаются 37,7 % опрошенных в Ставропольском крае; правда, 12,5 % не согласны с этим мнением, а 49,8 % не задумывались над этим вопросом.

В этой недостаточно благополучной ситуации участники опроса не выразили оптимизма относительно позитивного развития межнациональных отношений в ближайшие 2–3 года.

Межнациональные отношения:

Улучшатся	7,1
Останутся без изменений	38,7
Ухудшатся	22,2
Затрудняюсь ответить	29,7

Негативное социально-психологическое настроение людей проявляется и в том, что от 10 до 25 % респондентов испытывают тревожность, страхи, напряженность, уныние и другие отрицательные эмоции.

Таким образом, при характеристике принимающего мигрантов региона важно учитывать как объективные показатели, дающие представление о состоянии дел в регионе, так и субъективные, раскрывающие отношение местного населения к мигрантам. При относительно благоприятных социально-экономических условиях миграции существует настороженное отношение местного населения к «приезжим», что может отрицательно сказаться на степени адаптивности людей к новым условиям.

ГЛАВА 2 **ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ**

2.1. Вынужденные переселенцы как социальные интегранты

Проблемы миграции, происходящей в результате насильственных мер и являющейся безвозвратной для большей части людей, сменивших место постоянного проживания, актуализируют рассмотрение вынужденных переселенцев в качестве субъектов, т.е. и индивидуальных и групповых социальных акторов адаптации и интеграции в новое сообщество, иначе говоря как интегрантов. Их активность проявляется прежде всего относительно внешних условий, событий, связанных с интеграцией в новое сообщество, воспроизводится на основе осознания событий и самосознания, регулирующего социальные взаимодействия. Именно условия и события, характеризующие вынужденную миграцию, определяют диспозиции ее основных участников.

Неопределенность и стихийность миграционного процесса осложняют выявление основных параметров субъектности мигрантов, определяемых в науке как состояние познавательного отношения к объекту, знание его свойств, состояние ценностного отношения к объекту, состояние волевого решения (целеполагание), превращение мотивов и побуждений в установку самоконтроля и контроля за ходом процесса и т.д.¹

Включившись в процесс адаптации, мигрант постепенно переходит из позиции социального актора в позицию социального субъекта, участвуя в формировании двух типов отношений – материально-практических, характеризуемых реальным участием переселенца в преобразовании местного сообщества и духовно-практических, включающих в себя его познание и оценку. Это происходит в совершенно новых для человека условиях, лишаящих их прав на нормальную жизнь. В.Н. Петров отмечает, что пе-

---

¹ См.: Резник Ю.М. Введение в социальную теорию. М., 1999. С. 238.

реселенцы потеряли прежнюю территориальность и поэтому для многих из них свойственно временное или постоянное «поражение в правах»¹. В этой ситуации вынужденный переселенец переживает снижение или даже потерю социального статуса, что обостряет чувство несправедливости.

Как полагает Г.У. Солдатова, на фоне усиления роли этничности в структуре социальной идентичности, характерного в 1990-х гг. для значительной части населения России, нарушение механизмов этнической идентификации у вынужденных переселенцев резко сокращает возможности их «вживания» в другую культуру. Для переселенцев из стран ближнего зарубежья основным агентом адаптации стала культура титульных наций тех республик и стран, где они родились и выросли, и утверждение переселенцев «мы другие русские» отражает их культурные отличия в родной этнокультурной среде. Несмотря на то что вынужденные перемещения больших групп стихийно происходит по этническому признаку (русские из конфликтных зон бегут в русские центры), материальная зависимость и обездоленность, огромный психический ущерб от пережитого, этническое родство и другая культурная среда заставляют вынужденных мигрантов чувствовать себя «чужаками» вне зависимости от их нового места жительства². В этой ситуации обостряется потребность управления миграционным процессом.

По оценкам Т.Н. Юдиной, вследствие методологического индивидуализма неоклассических подходов и юридического позитивизма бюрократов миграцию не рассматривали как коллективный процесс, основанный на потребностях и стратегиях социальных групп. Вынужденная миграция постсоветского периода происходила без создания условий, необходимых при переселении людей (предоставление жилья, средств к существованию), правовая база и организационные механизмы формировались параллельно. Но оказалось, что юридические и бюрократические препятствия миграционным перемещениям и их регулирование не являются абсолютными барьерами для мигрантов³. Они были

---

¹ См.: *Петров В.П.* Миграция населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, 2004. С. 124.

² См.: *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998. С. 346.

³ См.: *Юдина Т.Н.* Миграционные теории для изменяющегося мира // Российское общество и социология в XXI веке: Социальные вызовы и альтернативы: Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе. М., 2003. Т.3. С. 448.

вынуждены находить более безопасное место в условиях ограничений государственного управления и отсутствия возможностей строить лучшее будущее.

Масштабы миграции, ограниченные права на нормальную жизнь в новых условиях вызывают сопротивление мигрантов неблагоприятным обстоятельствам их жизни, что ставит их в позицию социальных акторов, основным атрибутом которых является активность в целях своей защиты и гармонизации отношений в новом сообществе.

Анализируя особенности личности мигранта, исследователи отмечают факторы, стимулирующие ее активность. Новое место и сама ситуация переселения актуализируют ресурсы энергии. На новом месте нет прежних пут и накатанных направлений действия, которые связывают индивида с детства. Кроме того, на новом месте мигрант может установить новые отношения с учетом прошлого опыта, преодолевая феномен инерции восприятия индивида окружающими в привычной среде¹. По мнению Е.А. Нагайцевой, необходимо обращать внимание на позиции и ресурсы участников миграционных процессов, на усиление роли моделей устойчивых взаимодействий между людьми (социальных сетей) и т.д.²

На новом месте жительства мигрант выдерживает большие адаптивные нагрузки при установке множества новых связей, выработке оценок новых объектов, процессов, явлений, переоценке прежнего опыта, установлении благоприятных для жизни отношений с новыми людьми и выработке определенного отношения в целом к реалиям новой жизни, новых жизненных привычек и т.д.

Как отмечают исследователи, чтобы мигрант мог достичь равновесия со средой, ему нужно своевременно перерабатывать значимую информацию, не утрачивая собственного Я, достичь соответствия внутренней картины окружающим его реалиям. В условиях миграции большое значение могут иметь и временные параметры жизни мигрантов на новом месте — темп жизни, сменяющиеся друг друга события, к каждому из которых приходится приспосабливаться отдельно³.

¹ См.: *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Миграция. Сущность и явления. М., Воронеж, 2004. С. 164.

² См.: *Нагайцева Е.А.* Некоторые методологические особенности современного изучения миграции в России // *Российское общество и социология в XXI веке: Социальные вызовы и альтернативы: Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе.* М., 2003. Т.3. С. 450.

³ См.: *Бондырева С.К., Колесов Д.В.* Указ. соч. С.181–182.

С учетом сложившихся в науке представлений о дифференциации активности в исследовании активность вынужденного мигранта как социального актора связывается с понятиями: адаптивной активности (жизнедеятельность), преобразовательно-адаптивирующей активности (деятельность) и реабилитационной активности¹.

Адаптивная активность социального актора как интегранта в условиях вынужденной миграции определяется содержанием деятельности по переезду в новое место, удовлетворенностью таких насущных потребностей переселенцев, зависящих от стратегии мигранта, как сохранение жизни, определение места жительства, поиск источников питания, средств обустройства, имеющих первостепенное значение на начальных этапах вхождения в принимающее сообщество.

Преобразовательно-адаптивирующая активность вынужденного переселенца определяется содержанием его деятельности по формированию коммуникационных сетей, социальных связей и взаимодействий, способов и стратегий жизнедеятельности.

Реабилитационная активность вынужденного переселенца обуславливается деятельностью, направленной на восстановление не только моральных и материальных утрат, но и прав в соответствии с новым статусом.

Специфика вхождения мигрантов в новый социум определяет некий континуум позиций, на одном конце которого индивиды и общности более активны, а на другом менее активны или даже пассивны. При некоторых условиях вынужденность и стрессовый характер миграции гасят изначальную активность, при других, наоборот, раскрывают ее. Последнее дает основание для поиска основ устойчивости актора в процессах адаптации и интеграции в сообщество.

В нашем понимании свойства социального актора как интегранта характеризуются восприятием (опосредованным и непосредственным) и воспроизведением системного, социального и жизненного миров, составляющих поле их интеграции в местном сообществе. Данное представление отражает рис. 2.1.

Системный мир, социальный мир и жизненный мир «замыкаются» на интернационализирующихся ценностях, ресурсах и механизмах социального актора, находящегося под воздействием

¹ См.: Резник М.Ю., Смирнов Е.А. Жизненные стратегии личности. М., 2002. С. 231; Солдатова Г.У. Указ. соч. С. 245.

существующих в окружении многообразий социокультурных образов бытия. В результате определяются особенности и типы социальных акторов. В то же время социальные акторы как взаимодействующие и взаимозависимые между собой и социальной системой индивиды, социальные группы, личности выражают индивидуальные, групповые ориентации, которые переходят в социальные и культурные. Например, по мнению О.В. Щедриной, процесс интеграции сегодня заключается в формировании некой новой культурной идентичности, приемлемой и для мигрантов, и для доминирующего, принимающего большинства¹. Таким обра-

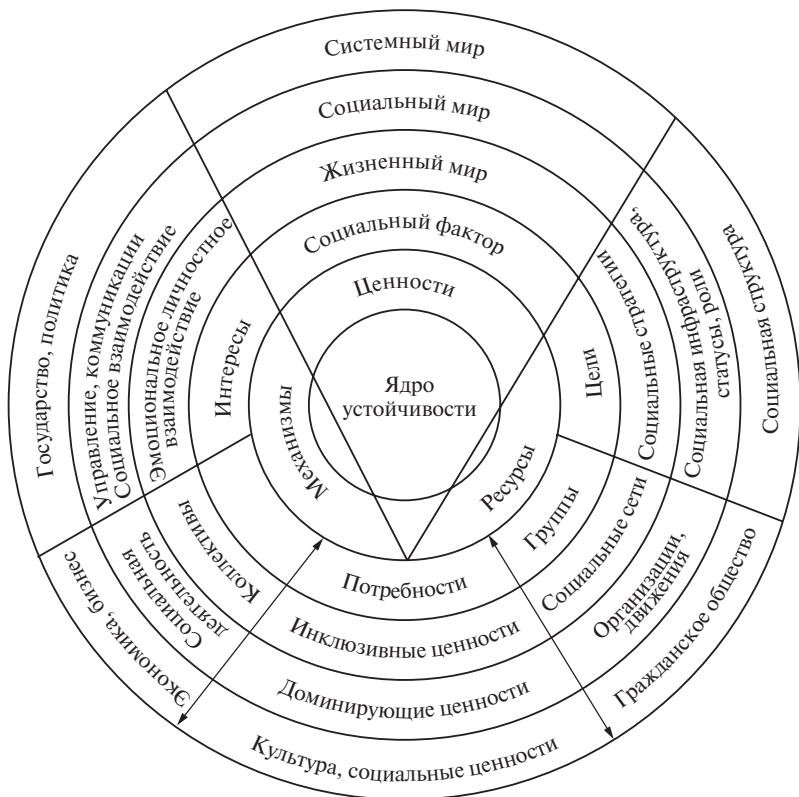

Рис. 2.1. Интеграционно-адаптивное поле социального актора-интегранта

¹ См.: Щедрина О.В. Возможна ли мультикультурная модель интеграции мигрантов в России // Социс. 2004. №4. С. 67.

зом, мигранты как социальные акторы-интегранты детерминируют модель сообщества и одновременно детерминируются их признаками (характеристиками).

В процессах адаптации и интеграции вынужденных переселенцев протекающие при неадекватных условиях все три вида активности в той или иной мере соотносятся с его притязаниями на жизнь в новом сообществе, в течение которой интегранты переходят из позиции социального актора в позицию социального субъекта.

Это довольно четко просматривается при выделении этапов адаптации и интеграции: активность, связанная с потребностью выезда, затем с адаптацией в новом социуме, с преобразованием собственных стратегий и социальных взаимодействий.

С учетом этого нами условно выделены следующие этапы адаптации и интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество: предварительный, начальный (адаптационный), модификационный (преобразовательный), результирующий.

Предварительный этап протекает за рамками собственно интеграционного процесса, но именно здесь проявляется активность будущего вынужденного переселенца, которая обеспечивает ему этот статус. На этом этапе формируются условия, которые детерминируют интеграционный процесс в дальнейшем.

Говоря об активности мигрантов по реализации интересов и потребностей, обратим внимание на понятие безопасности жизни и социальной безопасности. Речь идет о наличии факторов, в первом случае угрожающих жизни (физическое уничтожение), во втором – нарушающих установленный порядок, который обеспечивает приемлемый уровень социальной напряженности в социальном или политическом пространстве¹. В этой ситуации безопасность означает защиту от угроз благополучию людей. Причем отсутствие безопасности стимулирует рост насилия.

Оказавшись в ситуации угрозы личной безопасности, человек встает перед необходимостью определения новой жизненной стратегии. Реакцией на внешнюю угрозу становится решение о переезде. Вынужденный переселенец, не представляя своих реальных перспектив, принимает решение, которое, согласно его предположениям, улучшит или стабилизирует его положение. Таким образом, безопасность выступает как фактор сохранения ви-

¹ См.: Угрозы безопасности России на Северном Кавказе / Под ред. П.П. Медведева, П.В. Акинина. Ставрополь, 2005. С. 49.

тальных, социальных и духовных сил мигранта, его главная ценность; поиск безопасного места рассматривается в качестве первого шага к адаптивности и интегрированности вынужденного мигранта в принимающем регионе.

На *адаптационном этапе* интеграции ярко выраженные позиции мигрантов характеризуются условиями того сообщества, которое они для себя определили как прибежище.

Попадая в ситуацию «непрошеного гостя», вынужденный мигрант оказывается в позиции «чужого», сущность которой отражается в феномене эксклюзии¹. Местное сообщество не имеет возможности воспроизводить ресурсы и преодолевать эксклюзии только собственными силами, особенно если оно на уровне управления не готово принять большие группы мигрантов. Главными условиями воспроизведения ресурсов являются поддержание активных контактов между индивидами, их ориентация на инклюзии, возможность сохранения наработанных ресурсов (финансовых, материальных, интеллектуальных и т.д.)². Это наиболее полно отражается в содержании формируемых ими социальных сетей, которые отображают структуру связей между акторами, присущих хозяйственной, семейно-бытовой и духовной сферам.

Сети мигрантов (мигрантские сети), включая межличностные отношения мигрантов, бывших мигрантов и т.п., поддерживают процесс их интеграции в общество при прохождении некоторого критического порога³.

Для подавляющего большинства мигрантов на адаптационном этапе характерна хозяйственная активность. Мигранты включаются в традиционные для принимающего региона виды личного подсобного хозяйства. Это прежде всего обусловлено необходимостью обеспечить определенный уровень безопасности. Активность социальных акторов, связанная со стремлением адаптироваться к новым социокультурным условиям, переводит их в статус субъектов интеграции.

В социально-статусной сфере протекает процесс выстраивания отношений в социально-экономической, социокультурной, социально-психологической, правовой сферах, способствующий

---

¹ См.: *Бородкин Ф.М.* Социальные эксклюзии // Социологический журнал. 2000. № 6. С. 8–13.

² Там же.

³ См.: *Петров В.Н.* Миграция населения и этнические мигранты в современной России. Краснодар, 2004. С. 23.

формированию устойчивости вынужденных переселенцев во взаимодействии с местными жителями. В индивидуальном плане в жизненном пространстве вынужденного мигранта преобладают его взаимодействия с соседями, коллегами, работниками учреждений социальной сферы. В иерархии взаимодействий доминируют социальные агенты, способствующие адаптации и реабилитации вынужденного переселенца (жилищное обустройство, трудоустройство, досуговая деятельность и т.д.).

Преобразовательный этап адаптации и интеграции характеризуется более организованной активностью мигрантов. Это связано с тем, что в поисках социальной защиты, устойчивости своего положения, путей осуществления определенных видов активности, а также с целью социального, экономического и психологического объединения, индивиды стремятся установить принадлежность к той или иной группе (или группам). Действительно, отмечает Солдатова, без определенного союза с некоторыми людьми невозможно достижение поставленных целей. Кроме того, существует ряд важнейших социальных потребностей (в поддержке, одобрении, дружбе, статусе и т.д.), которые удовлетворяются только через межличностные отношения и в союзе с другими людьми¹.

На преобразовательном этапе вынужденные переселенцы проявляют активность не только в трудовой сфере местного сообщества, но и гражданской. В этот период определяются группы, объединяющие активную часть переселенцев в общественные некоммерческие организации (НКО).

Первые НКО мигрантов в Ставропольском крае и на Юге России были зарегистрированы в 1993 г. Массовый процесс их юридического оформления обозначился в 1998 г. Большинство НКО было создано в 1999–2000 гг. Следует отметить, что если первыми мотивами создания таких организаций являлись потребности в общении, сопереживании и поддержке, обмене чувствами и опытом, преодолении болезненных последствий вынужденного переселения, в защите своих прав и интересов, то в скором времени НКО мигрантов стали представлять интересы вынужденных переселенцев в местном сообществе, выступали посредниками между мигрантами и местной властью. По мере институционализации НКО они начали заполнять «ниши» по оказанию социальной помощи, предоставлению мигрантам юридических, реабилитационных и иных услуг. Наблюдение за процессом интеграции показы-

---

¹ См.: Солдатова Г.У. Указ. соч. С. 29.

вает, что активное поведение мигрантов во всех сферах – хозяйственной деятельности, работе в НКО, участии в обучающих программах, в жизни местных сообществ, выполнении социальных проектов – значительно сокращает сроки адаптации, реабилитации. Эти процессы становятся более понятными для участников и управляются ими¹.

Главную опасность для интеграции представляет изоляция мигрантов от внешней среды, местного сообщества, «капсулирование» самих мигрантов, их НКО, концентрация внимания одной или нескольких организаций на принятии решений в пользу мигрантов.

Поэтому на этапе развертывания адаптивирующей и реабилитационной активности вынужденных переселенцев как интегрантов формируются социальные связи, включающие властные структуры, от которых зависит восстановление не только материальных утрат, но и прав мигрантов. Для этого разрабатываются программы помощи мигрантам, ориентированные на раскрытие и использование активного личностного и группового начала мигрантов. Не сбрасывая со счетов значимость активности и «интегративного» настроения лидеров НКО мигрантов, необходимо признать, что в течение долгого времени главную роль, определяющую продуктивность деятельности мигрантов в третьем секторе, играла социально-политическая и финансовая деятельность международных доноров. Их подходы, методы и процедуры работы во многом являлись образцом для мигрантов, что налагало особую ответственность на тех членов мигрантских организаций, которые принимают решения для установления связи с местным сообществом. Актуализация такой взаимосвязи обусловлена не только остротой проблем, но и нежеланием переселенцев следовать образу жизни или образцам нормативного поведения, характерного для местных жителей.

Результурующий этап интеграции предполагает выделение содержания и форм, иллюстрирующих ее итоги. Незавершенность, характерная для процесса интеграции вынужденных мигрантов в новое сообщество, сложность его оценки позволяют говорить лишь об обстоятельствах, которые определяют результаты активности мигрантов, противостоящих трудной жизненной ситуации.

---

¹ См.: Шаповалов В.К., Жогин Б.Г. Интеграция вынужденных мигрантов в местное сообщество: выводы, замечания, предложения // Миграция на Юге России: Материалы научно-практической конференции. Ростов н/Д., 2002. С. 92.

На результаты интеграции влияет ее необратимость. Это обуславливает необходимость формирования и развития форм и механизмов социального взаимодействия мигрантов как индивидуальных и групповых интегрантов. На начальном и преобразовательном этапах доминируют первичные социальные взаимоотношения с местными жителями, которые на результирующем этапе трансформируются во взаимоотношения социальных субъектов.

Данные особенности адаптации и интеграции вынужденных переселенцев раскрывают содержание результирующего этапа. Важнейшим фактором, влияющим на формирование результатов интеграции вынужденных переселенцев как социальных акторов в сообщество, по нашим оценкам, выступают стратегии переезда и обстоятельства вхождения в социум, которые определяют неоднозначность результатов интеграции.

В зависимости от обстоятельств выезда, реализуемых мигрантами в ходе интеграции в местное сообщество, наиболее распространенными выступают три стратегии: 1) выезд практически в одиночку, без связей и знакомств; 2) выезд к тем, кто выехал раньше; 3) заранее подготовленный выезд и последовательное обустройство на новом месте. Данные стратегии определяют активность переселенцев как социальных акторов и реальный результат их интеграции в местное сообщество или ее отсутствие.

В первой стратегии («выезд в одиночку») преобразовательный период характеризуется такими показателями, как отсутствие работы, бедность, нужда; поиск возможностей трудоустройства и самореализации с постепенным нивелированием профессии и утратой профессиональных навыков. В такой ситуации мигрант пытается приобрести параллельные, востребованные средой знания и навыки. Он готов на так называемую стихийную занятость («на любом месте»), стремится найти себя в новом деле, опираясь главным образом на личные ресурсы, образование, помощь близких, соседей, личную активность, сохраняя при этом надежды на лучшее будущее и успех в новом сообществе.

Для второй стратегии («выезд к тем, кто выехал раньше») характерно отсутствие возможностей трудоустройства по профессии при возможности реального решения бытовых вопросов в ущерб своей профессии, отсюда занятость «чуждыми» видами деятельности. В данной стратегии мигрант может рассчитывать на поддержку и помощь друзей, коллег, а также на личный оптимизм. Этой стратегии свойственно меньше сопровождающих не-

гативных факторов, что, возможно, связано с небольшими притязаниями или/и осознанием неизбежности ситуации. Как и в первой стратегии, здесь происходит утрата специальности. Мигрант как интегрант ведет активный поиск «позитивного» для себя в окружении. В результате расширяются возможности для успехов в новых видах занятости, для повышения социального статуса.

Третья стратегия («заранее подготовленный выезд») характеризуется осмыслением ситуации, предвидением последствий, планомерностью переселения, установлением деловых контактов в месте переселения. При этом трудовая траектория мигрантов не претерпевает больших изменений, поскольку трудовая деятельность «разворачивается» хотя и в новых условиях, но с прежними нередко значительными ресурсами. Результатами реализации данной стратегии являются повышение социально-профессионального статуса, рост благосостояния.

Конечно, такая оценка результатов интеграции, определяемых обстоятельствами выезда, условна, так как изменение ресурсов и смену стратегий акторов-интегрантов определяют множество субъективных и объективных обстоятельств.

Отношение к мигрантам местных выступает важным показателем результирующего этапа интеграции. Г.С. Витковская подчеркивает, что вынужденные мигранты становятся объектом общественного внимания и взаимоотношения в местах притока переселенцев складываются не между отдельным мигрантом (или семьей мигранта) и принимающей общиной, а между местным сообществом и пришлым. Реальные социальные, межэтнические конфликты, разного рода фобии и мифологемы возникают не в межличностных отношениях, а именно в межгрупповых¹. Можно выделить три стадии развития отношений местного населения к вынужденным переселенцам: 1) сочувствие и участие (1989–1991); 2) недовольство и негативное отношение (1992–1996); 3) привыкание и равнодушие (1997–2000). Наблюдается следующая закономерность: местные относятся более терпимо к попавшим в их среду чужакам до тех пор, пока абсолютная и относительная численность последних не достигнет некоторого предела, после которого терпимость обычно сменяется отторжением. Это означает, что социальная среда местного сообщества содержит

¹ См.: Витковская Г. Вынужденная миграция и мигрантофобия в России // Нетерпимость в России. Старые и новые фобии. М., 1999. С. 172.

культурно-психологические предпосылки, которые определяют результаты интеграции вынужденных переселенцев, оцениваемые через степень устойчивости социальных акторов-интегрантов. По нашему мнению, этими предпосылками могут быть характер восприятия действительности и оценка местным населением своего положения, т.е. его социальное самочувствие. Негативные черты социального самочувствия, такие, как неудовлетворенность своим материальным положением, качеством жизни, местного сообщества налагаются на негативные черты социального самочувствия вынужденных мигрантов. Поэтому результирующий этап социокультурной интеграции вынужденных переселенцев связывается с состоянием социального самочувствия, носителем которого являются и они, и местные жители.

Важной характеристикой результирующего этапа является оформление неких типичных черт у вынужденных переселенцев, приобретаемых ими в процессе социокультурной интеграции. Исследователи отмечают наличие обобщенных черт вынужденных переселенцев, которые наиболее полно проявляются на результирующем этапе интеграции. Например, интеграция на уровне личности интерпретируется как переворот в жизни индивида со всеми ее оттенками и многообразием. Каждая личность имеет свою уникальную историю, что позволяет исследователю выделить основные модели культурных трансформаций¹.

У мигрантов как интегрантов, объединенных в группы с примерно одинаковыми статусными позициями, идентичных в основных условиях и образе жизни, возможностях и способах удовлетворения жизненных потребностей, отмечает Ю.Е. Волков, возникают общие интересы или по крайней мере предпосылки для единства на основе общих интересов². Однако процесс интеграции порой «разводит» его участников и группа становится внутренне дифференцированной по главным показателям активности – трудовой и профессиональной.

На результирующем этапе интеграции воспроизводятся итоги реализованных эмпирических проектов, мигранты создают новые формы жизнеустройства, культурно-преобразовательные практики. Сами мигранты в той или иной мере превращаются в активных

¹ См.: *Аарелайдт-Тард А.* Проблемы адаптации к новым культурным реалиям в зеркале биографического метода // Социс. 2003. № 2. С. 60.

² См.: *Волков Ю.Е.* Социальные отношения и социальная сфера // Социс. 2003. № 7. С. 14.

участников этого процесса¹, становятся и акторами, и субъектами интеграции. Субъектные качества вынужденных переселенцев утверждаются в ходе «оформления» материально-практических и духовно-практических отношений с местным сообществом. В данный период формируется определенный уровень познания принимающей стороны и ее оценки и на этой основе институционализируются виды практической деятельности (познавательной, преобразовательной и оценочной) и отношений переселенцев в местном сообществе.

Институционализация социально-экономических, правовых, социокультурных отношений с другими субъектами проявляется в том, что в процессе интеграции вынужденные переселенцы формируют мигрантские сети в общем процессе коммуникации, более рациональные практики жизнеустройства, демонстрируя способность сознательного и мобильного выбора линии поведения с другими субъектами.

Вынужденные переселенцы как акторы и субъекты процесса интеграции характеризуются довольно высокой стратегической мобильностью. Так, на начальном этапе интеграции их стратегии, планы и действия связаны с потребностями в безопасности и жилье, затем актуализируются потребности в восстановлении материальных потерь, своих социальных прав, координации взаимодействия с сообществом, а также потребности в благосостоянии и инклюзии. Неудовлетворенность данных потребностей в течение длительного периода является фактором депривационного возбуждения, напряжения, конфликтных действий и конфликтов.

Для формирования вынужденных переселенцев как субъектов, интегрирующихся в местное сообщество, значимо то, что в негативных, неблагоприятных для жизни условиях они должны преодолевать неопределенности, создавая тем самым «рисковые» траектории действия и взаимодействия в местном сообществе. В повторяющейся ситуации риска, способной оказать отрицательное влияние на жизненные возможности человека, неопределенность жизнедеятельности становится естественным способом существования, закрепляясь в качестве нормы у многих переселенцев и пополняя тем самым «нормы риска», свойственные современному российскому обществу. Можно предположить, что риск, рискованное поведение становятся приоритетными в страте-

¹ См.: Габдрахманова Г.Ф. Этничность и миграция: становление исследовательских подходов в отечественной этносоциологии // Социс. 2007. №1. С. 120.

гих людей, сформировавшихся в стороне от «культы рациональности», на котором воспитывалось западное общество. Для российского общества характерна «культура затрат и вложений», а ситуация вынужденной миграции еще более этому способствует. Вынужденные переселенцы занимают здесь особое место, формируя ценностные установки риска как доминирующие в сообществе, но не всегда «срабатывающие» в достижении целей индивидов и групп.

Данные обстоятельства наряду с другими создают «депривационную ауру» в обществе, ведут к появлению и увеличению социально уязвимых групп, «социально неустойчивых» социальных акторов или маргинальных групп, к которым относятся и вынужденные переселенцы.

Отметим, что понятие неустойчивости относительно социальных групп шире принятого в социологии понятия маргинальности. Под маргинальностью понимается промежуточное положение индивида (группы) между социальными слоями, поэтому данные индивиды (группы) не полностью включены в социальные образования. Маргинальная группа находится на границе двух культур или субкультур и имеет некоторые черты, идентифицирующие ее с каждой из них. Она отвергает определенные ценности и традиции той культуры, в которой возникает, и утверждает промежуточную систему норм и ценностей¹. Вынужденные переселенцы представляют собой обе стороны — и маргинальность, и депривацию, пополняя социально неустойчивые группы.

Социально неустойчивые социальные акторы и субъекты не могут активно и целенаправленно влиять на трансформационные процессы в результате ограничений в воспроизводстве социальных и жизненных ресурсов, налагаемых социальной системой. Как отмечает В.П. Малахов, они являются носителями реального социального неравенства по следующим причинам и обстоятельствам: во-первых, они не могут реализовать свои цели, проявлять удовлетворенность взаимодействием; во-вторых, их цели и интересы при организации общественного жизнеустройства подавляются или игнорируются; в-третьих, их социально-экономические условия не являются фактором достижения целей и удовлетворения основных потребностей, обеспечиваемых общественными институтами; в-четвертых, социальные институты (семья, образование, гражданское общество и др.) ограничивают выбор мигрантов и делают его вынужденным.

¹ См.: Малахов В.П. *Философия права*. М., 2003. С. 42.

Такие группы становятся представителями субкультуры, несущей в социум разрыв интересов и ценностей, несоизмеримость ценностей и целей общества и социальных акторов. Ограничения в возможностях достижения социальной равнозначности и равнодоступности к ресурсам стимулируют процесс социальных эксклюзий («выталкивания», исключения), который порождает внеконвенциональный (маргинальный) тип социальных акторов и субъектов.

В то же время социальные акторы и субъекты могут приобретать на этапах интеграции признаки устойчивости в конкретном сообществе:

- ◇ способность к сохранению параметров своих ценностей, интересов, ресурсов и к их соизмерению с внешними изменениями;
- ◇ установление связи с принимающей средой — восприятие социальных ценностей, норм, традиций, моделей поведения, институтов и т.д.;
- ◇ оказание влияния на структурно-функциональные характеристики социального окружения в интересах акторов-интегрантов;
- ◇ достижение равноценности (ценность присутствия), равнозначности (значение ресурсов) и равноправности (равенство возможностей) относительно притязаний взаимодействующей личности и социального окружения;
- ◇ включенность в систему институциональной поддержки, выражающей интересы социальных акторов как субъектов социокультурной интеграции;
- ◇ позитивное интегральное социальное самочувствие как субъективное восприятие реальности и себя в ней, основанное на взаимосвязи уровня притязаний и возможности их удовлетворения.

В зависимости от степени преодоления ограничений и приобретения признаков устойчивости в процессе интеграции в социум социальные акторы могут быть с той или иной мерой вероятности отнесены к двум полюсам, объединяющим их как конвенциональные (принципиально согласительные) и внеконвенциональные типы. Вне зависимости от этого отношения с вынужденными мигрантами, оказавшимися на периферии социально-экономической и политической жизни, складываются предельно инструментально, включая в себя только минимум непосредственных контактов. В поле социального действия между мигрантами и принимающим населением, по оценке К.С. Мокина, оказываются лишь «буферные точки» — индивиды либо небольшие группы

индивидов, которые пользуются относительным доверием и выступают своего рода информационными посредниками¹, способствующими интеграции.

В процессе интеграции одни вынужденные переселенцы становятся полноправными членами нового общества, другие — маргиналами, или группами риска. По мнению А.В. Дмитриева, группы или отдельные индивиды, обладающие «всеми политическими и социальными правами, включаются в глобальную систему. В то же время группы и отдельные индивиды, которые не отвечают необходимым требованиям, исключаются, а иногда лишаются некоторых основных гражданских прав, например права на труд»².

Таким образом, мигранты могут рассматриваться как конвенциональные акторы, объединенные на основе ценностей, целей, интересов сообщества, условий и способов совместной деятельности, которые осуществляются при взаимодополняемости ресурсов сообщества и акторов, координирующихся практик и т.д.

Внеконвенциональные (маргинальные и/или социально неустойчивые) социальные акторы отличаются тем, что их ценности формируются как не входящие в систему ценностных координат сообщества, что в конечном итоге ведет к их ценностной разобщенности.

Мигранты как представители вынужденной стрессовой миграции, ставшей «визитной карточкой» постсоветской России, в той или иной мере относятся к числу наиболее характерных представителей этой группы. Действительно, в отсутствие сколько-нибудь прочной всеобщей этической среды и социально-экономических условий формирование механизмов регулирования социальных отношений осуществляется сегментированно³. Внутренние этические нормы переселенцев и местного сообщества существенным образом различаются по устойчивости и эффективности.

Таким образом, интеграция не обязательно ведет к утрате мигрантами самобытности, но она через улучшение взаимопонимания создает условия как для более эффективного взаимодействия между мигрантами и местным населением, так и для развития местного сообщества в целом.

---

¹ См.: Мокин К.С. Трудовые мигранты: неинтегрируемое сообщество? // Социальная политика и социология. 2006. № 3. С. 227.

² Дмитриев А.В. Конфликтность миграции: глобальный аспект // Социс. 2004. № 1. С. 6.

³ См.: Дюкин Е.И. Социальные ресурсы развития России. Куда идет Россия? М., 1998. С. 115.

2.2. Динамика вынужденных переселенцев в принимающем регионе

Ставрополье имеет глубокие миграционные традиции. Особенность современного миграционного потока в крае в его ярко выраженном полиэтническом характере. Ныне принято говорить о трех группах мигрантов на территории Ставрополья.

Первая группа мигрантов включает славянские народы, ищущие убежище на других территориях вследствие выталкивания их с прежних мест проживания в ходе суверенизации как отдельных российских республик, так и некоторых республик бывшего Советского Союза.

Вторая группа миграционных народов – армяне, азербайджанцы, греки, татары, начавшие активное переселение на новые территории в результате экономического спада и межнациональных конфликтов или, как считают некоторые из них, на «исконно родные» территории.

Третья группа народов, участвующих в миграционных процессах, – это те народы, которые включились в процесс этнической консолидации за пределами Ставрополья. В нее входят немцы, евреи, чеченцы, народы Дагестана, которые в условиях изменившегося геополитического положения и последовавших за этим социально-экономических потрясений «потянулись» на историческую и этническую родину.

Самая большая миграционная волна в Ставропольском крае пришла на 1992 г.: более 200 тыс. человек обратилось в миграционную службу для получения официального статуса вынужденных переселенцев; из них его получили лишь 77,8 тыс. Хотя с 1995 г. приток вынужденных переселенцев стал постепенно сокращаться, острота проблемы продолжает оставаться ощутимой по своим последствиям и по-прежнему влияет на облик края, судьбу сообщества, включающего местных жителей и «пришлых».

Исследование проблем интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество можно разделить на два этапа – исследование 2000 г.¹ и исследование 2006 г.². В ходе сравнительного

¹ См.: Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф., Шаповалов В.К. Интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество. Ставрополь, 2002.

² См.: Гриценко Г.Д., Маслова Т.Ф., Косов Г.В., Шульга М.М. Динамика интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество. Ставрополь, 2006. [В рамках гранта РГНФ 06-03018011е.]

анализа полученных данных были выявлены особенности, характерные для вынужденной миграции в Ставропольском крае.

Первая особенность связана с длительностью проживания вынужденных мигрантов в местах выбытия и обстоятельствами их миграции в край.

При анализе результатов первого и второго этапов исследования о длительности проживания респондентов на прежнем месте жительства было выявлено, что почти половина участников опроса (47,1 %) постоянно проживали на предыдущем месте жительства и 39,9 % – большую часть своей жизни. Наличие коренной связи переселенцев с покинутой «малой родиной», где прожита большая часть жизни, придает миграционной ситуации значительную напряженность. В этом и проявляется основная особенность, характеризующая вынужденных переселенцев на Ставрополье, попавших в трудную жизненную ситуацию в связи с миграцией.

Показательны в этом смысле причины, которые заставили людей оставить «насиженные» места. Согласно результатам исследований 2000 и 2006 гг., главную, точнее, системную, причину представляют трансформации, произошедшие после распада Советского Союза. В о - п е р в ы х, военные действия и связанные с ними угрозы для жизни; на них указали 73 % опрошенных. В о - в т о р ы х, неблагоприятные условия, неустойчивость социально-политической ситуации на прежнем месте жительства, обусловленные политикой самоопределения бывших союзных республик; их отметили 47,8 % респондентов. В открытых ответах о причинах и обстоятельствах своего отъезда из мест постоянного проживания даны следующие формулировки: «агрессивные действия титульных наций», «закрытие школ русского сектора», «незащищенность», «опасность для жизни», «угроза убийства из-за квартир», «отношение как к второсортному» и т.п.

Вторая особенность вынужденной миграции обусловлена социальным и материальным положением прибывших в край.

По данным исследований 2000 и 2006 гг., более 50 % респондентов в обоих опросах указали на утрату при переезде большей части своего имущества, свыше 40 % опрошенных отметили, что они лишились всего имущества в результате насильственного выталкивания их с «насиженных мест» и лишь около 5 % участников опроса, по их оценкам, потеряли незначительную часть имущества. Но для многих переселенцев наиболее значимы потери, кото-

рые не поддаются исчислению, — потеря родных, разрыв прежних связей и отношений: «ушли из жизни те, кого любили», «разорваны многие родственные и дружеские связи», «живу на чужой территории» и т.п. Таким образом, у абсолютного большинства вынужденных переселенцев произошло резкое ухудшение их социального и материального положения, что выступает второй особенностью данного вида миграции.

Третья особенность определяется характером расселения и закрепления мигрантов на территории края.

Поскольку переселенцы обосновались практически на всей территории края, то такое расселение можно назвать дисперсным. Согласно результатам опроса 2000 г., большинство вынужденных мигрантов поселилось в сельской местности, хотя многие из них ранее проживали в городах. Это создало серьезные трудности, связанные со сменой образа и стиля жизни. Основными причинами такого поселения респонденты назвали «проживание на данной территории родственников или друзей», «надежду на выполнение обещаний близких о помощи», «место рождения кого-то из близких», а также «дороговизну жилья в городе», «недостаточность средств для перемещения», «выезд с религиозной общиной» и др.

В исследовании 2006 г. установлено, что ситуация по расселению переселенцев несколько изменилась: город стал реально более притягательным местом жительства для мигрантов. Около половины (47,0 %) опрошенных, живших в момент опроса в городской местности, и до миграции проживали в городской местности; каждый пятый (20,8 %), живущий в настоящее время в городской местности, до миграции жил в селе; 20,9 % респондентов всегда были сельскими жителями и лишь 9,6 % участников опроса, проживающих в селе, ранее жили в городе.

Сравнительный анализ результатов исследований позволил выявить, что решение остаться на постоянное место жительства в крае у значительной части мигрантов укрепилось с течением времени. Если в 2000 г. лишь немногим более 40 % участников опроса твердо решили остаться на новом месте жительства, то в 2006 г. — около 60 %. Покинуть данное место жительства планирует незначительное число респондентов: 6,8 % респондентов намерены переехать в другой регион России (в 2001 г. 4,6 %); 2,4 % — желают вернуться на прежнее место жительства (в 2001 г. — 3,2 %). Таким образом, стала очевидной тенденция интеграции вынужденных

переселенцев, начавшаяся с выбора места жительства и установки на закрепление в крае в качестве постоянного члена местного сообщества.

Дальнейший анализ ответов респондентов, особенно на открытые вопросы, дает возможность уточнить содержание этой тенденции. Хотя решение «остаться здесь» является твердым, оно скорее связано с вынужденностью, чем с оптимизмом и уверенностью в то, что на новой территории открываются хорошие профессиональные или жилищно-бытовые перспективы; это, несомненно, создает внутриличностные противоречия, скрытые и явные проблемы. Объективная невозможность изменить место жительства понятна из таких ответов респондентов, как, например: «нет перспектив», «вынужден привыкать», «а куда переезжать при таких возможностях?!», «если в ближайшем городе появится возможность жилищного обустройства, то перееду, а пока будем жить здесь» и т.п.

Кроме того, более половины участников опроса полагает, что если бы им пришлось начать сначала, то они, вероятно, не приняли ли бы решение переехать в данное место для постоянной жизни. При этом 42,4 % респондентов затруднились ответить на этот вопрос, а 14,9 % ответили «нет».

Следует отметить, что среди тех, кто «твердо решил остаться здесь жить», 80,9 % указали на ухудшение своего имущественного положения за последние 3–5 лет.

Таким образом, обстоятельства и условия миграции переселенцев постсоветского времени позволяют конкретизировать характер и особенности перемещения и оседлости мигрантов в крае, связанные с неблагоприятной миграционной ситуацией.

Подведем некоторые итоги:

1. Большинство вынужденных переселенцев (87 %) всю или большую часть жизни прожили в покинутом месте жительства. Интегрированность их в местное сообщество края имеет вынужденный характер.
2. Угроза жизни и стремление ее сохранить — главный повод для миграции, сопровождающейся значительными личностными, имущественными, социально-статусными и иными потерями.
3. Состав вынужденных мигрантов с учетом территории прежнего проживания не изменился. Это в значительной мере переселенцы из Чечни и частично из других республик бывшего СССР. Хотя расселение продолжает оставаться дисперсным, город в послед-

нее время стал более притягательным местом жительства для мигрантов.

4. Главным фактором определения переселенцами места размещения на территории края являлись родственные связи.
5. Число мигрантов, намеренных остаться на постоянное жительство в крае, увеличилось. Но решение «остаться здесь» вынужденно и часто сопровождается чувством неуверенности.

2.3. Уровень жизни и доходы вынужденных мигрантов

Судя по ответам участников опроса 2006 г., структура источников дохода вынужденных переселенцев в определенной степени соответствует структуре доходов местных жителей и почти не изменилась по сравнению с 2001 г. (табл. 2.1).

Таблица 2.1. Структура доходов вынужденных переселенцев (ВП) в сравнении с местными жителями (МЖ), %¹

Источник дохода семьи	ВП		МЖ	
	2006	2000	2006	2001
Заработная плата	68,1	65,4	63,3	81,1
Пенсия	26,4	37,2	25,5	31,3
Пособия	18,4	25,2	14,8	20,3
Стипендия	1,2	3,8	1,1	4,5
Прошлые сбережения	—	1,8	—	1,6
Доходы от предпринимательства	3,7	5,8	10,3	7,4
Доходы от торговли	17,2	3,4	4,2	4,1
Доходы от личного подсобного хозяйства	18,1	16,3	22,8	20,3

¹ См.: Ставропольский край в цифрах: Статистический сборник. Ставрополь, 2007. С. 73.

Из таблицы видно, что среди вынужденных переселенцев произошло незначительное увеличение доли респондентов, у которых заработная плата выступает основным источником дохода (68,1 % в 2006 г. и 65,4 % в 2000 г.). За прошедший период, по всей видимости, все мигранты исчерпали прошлые запасы. Среди мигрантов стало больше тех, кто своим источником дохода избрал торговлю: на доходы от торговли указали 17,2 % в 2006 г. и 3,4 % в 2000 г.

Учитывая небольшую и достаточно условную разницу в ответах 2000 и 2006 гг. относительно доходов от личного подсобного хозяйства, отметим, что это далеко не освоенный ресурс дохода и жизнеобеспечения мигрантов, поскольку лишь немногим менее трети опрошенных (32,1 %) имеют личное подсобное хозяйство, а у 72,1 % нет возможности реализовать потребности в ведении собственного подсобного хозяйства. При этом 57,9 % ответили, что их намерения заняться личным подсобным хозяйством пока не осуществились, 15,2 % респондентов смогли реализовать этот источник доходов лишь частично. В 2000 г. такие ответы дали соответственно 16,7 и 1,2 % респондентов. Данные опроса позволяют констатировать, что в настоящее время у переселенцев отсутствуют необходимые условия для развития собственного подсобного хозяйства. В то же время результаты исследования говорят о том, что доходы от подсобного хозяйства позволили бы вывести основную массу вынужденных переселенцев из группы риска по показателям материального обеспечения. Именно поэтому лидеры переселенческих организаций высказались за возобновление практики микрокредитования, которое было осуществлено Датским советом по беженцам в Ставропольском крае в 1998–1999 гг.¹ Почти 65 % участников программы по микрокредитованию ответили, что микрокредиты стали основой для развития личного подсобного хозяйства и тем самым способствовали повышению их материального благополучия².

Как показывает опрос 2006 г., имеет место отрицательная динамика материального (имущественного) положения вынужденных мигрантов и их доходов (табл. 2.2).

¹ См.: Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф., Шаповалов В.К. Интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество. Ставрополь, 2002. С. 27.

² См.: Положение вынужденных переселенцев в Ставропольском крае: Материалы круглого стола: Архив Ставропольского краевого общественного фонда развития деловой поддержки, инноваций и культурных инициатив «Содействие-Юг». [01.11.06.]

Таблица 2.2. Изменения материального положения вынужденных переселенцев по уровню дохода, %

Характер изменений имущественного положения / Характер изменений дохода	2006	2000
Материальное положение скорее ухудшилось / Уровень дохода снизился	81,9 / 87,2	70,6 / 74,2
Положение осталось практически без изменений / Уровень дохода остался прежним	8,6 / 6,8	19,3 / 14,5
Имущественное положение скорее улучшилось / Уровень дохода повысился	9,0 / 5,6	9,3 / 10,0
Не ответили / Не ответили	0,5 / 0,4	0,8 / 1,3

Если судить по росту доли респондентов, указавших на ухудшение своего материального положения и снижение уровня семейного дохода, социально-экономические проблемы средне-статистического вынужденного переселенца не решаются на протяжении долгого времени. Как в 2000 г., так и в 2006 г. на ухудшение материального положения указывает более 70 % опрошенных, в 2006 г. даже больше (81,9 %). Примерно такие же пропорции составляют показатели, подтверждающие снижение уровня дохода.

О серьезности проблемы свидетельствуют и ответы респондентов на вопрос: «К какому слою населения Вы себя относите?». К низкообеспеченному слою относят себя 46,3 % участников, так как у них «денег хватает в основном на питание, жилье, товары первой необходимости», 36,0 % — к необеспеченному, поскольку «денег не хватает даже на питание»; 11,7 % — к среднеобеспеченному, ибо им «денег хватает на питание, жилье, образование, здоровье, отдых, товары длительного пользования»; только 1,4 % респондентов относят себя к высокообеспеченному слою; остальные — затруднились ответить. Следует отметить, что только 6,8 % местных жителей отнесли себя к категории необеспеченных, что значительно меньше, чем среди вынужденных переселенцев.

О негативной динамике материального положения вынужденных переселенцев свидетельствуют данные об увеличении числа тех, у кого выросли затраты на питание из общего дохода по сравнению с имевшими место в 2000 г. (табл. 2.3).

Таблица 2.3. Динамика доли семейного дохода, затрачиваемой на питание

Доля затрат на питание от дохода, %	10,0	25,0	50,0	75,0	100,0
Доля респондентов, %					
2006	0,7	2,7	13,5	40,4	41,6
2000	0,5	10,0	30,0	40,0	15,0

Так, в 2006 г. у 40,4 % респондентов доля семейных затрат на питание составила 75 %, у 41,6 % – все 100,0 %, что говорит о сокращении возможностей у вынужденных переселенцев по удовлетворению других своих насущных потребностей.

Примечательно, что ухудшение материального положения мигрантов практически не зависит от года их выезда из прежнего места жительства. Так, доля таких респондентов составляла 76,2 % среди мигрировавших до 1995 г.; 89,8 % среди выехавших в 1995 г.; 86,7 % в 1996 г.; 98,0 % в 1997 г.; 70,4 % в 1999 г. Только среди приехавших в край в 2000–2002 гг. несколько меньше тех, у кого материальное положение ухудшилось (50,0 % участников опроса 2006 г.).

Данные о неблагоприятной ситуации в сфере материального положения вынужденных переселенцев дополняются сведениями о неудовлетворительном состоянии жилья. Несмотря на то что мигранты реализуют свое формальное, юридическое, право на место постоянного проживания (более 80 % опрошенных в 2006 г. имеют прописку по месту жительства), жилищная проблема остается одной из наиболее острых. Формально 52,6 % участников опроса имеют собственное жилье: «частный дом», «временка», «квартира», только 4,1 % проживают в специальном жилищном фонде миграционной службы и 1,0 % – в центре временного размещения.

Однако значительная доля мигрантов в своих ответах указала на некачественное состояние их жилья, что особенно красноречиво выражено в информации, данной в ответах на открытые и полужакрытые вопросы. По интенсивности дополнений, содержащихся в «открытой информации», лидируют именно ответы на вопросы о качестве жилья. Так, значительная часть респондентов использует сезонное, временное, малоприспособленное жилище, а именно: «живем на даче», «снимаем квартиру в общежитии», «живем в жилище, построенном общественной организацией», «живем в вагончике», «живем в оборудованном гараже», «живем в организации, где работаю», «живем в бараке» и т.п.; треть участников опроса использует ресурсы родственников или дружеских свя-

зей, в частности: «живем у родственников», «живем у знакомых», «живем у друзей» и т.п.

Таким образом, жилищные вопросы остаются в стадии решения и образуют в настоящее время довольно тугой «узел» социально-экономических проблем вынужденных переселенцев.

Подведем некоторые итоги:

1. Социально-экономические показатели жизнедеятельности вынужденных переселенцев, свидетельствующие прежде всего о семейном бюджете, источниках доходов, обеспеченности имуществом и жильем, не имеют положительной динамики.
2. Основная масса вынужденных переселенцев по социально-экономическим показателям (финансовым и имущественным) продолжает оставаться группой риска, которая характеризуется социально-экономической неустойчивостью в силу невосполнимости материальных потерь, понесенных ими в новом социуме.
3. Структура источников дохода мигрантов в основном соответствует структуре доходов местных жителей; она лишь незначительно изменилась по объему источников доходов, в частности несколько больше переселенцев стало заниматься торговлей.
4. Обозначилась тенденция роста доли мигрантов, у которых произошло увеличение затрат на питание.
5. За прошедший период (2000–2006) у мигрантов исчерпаны прошлые материальные, финансовые и иные запасы.
6. У вынужденных переселенцев не развиты или утрачены ресурсы личного подсобного хозяйства как возможного источника повышения их материального уровня.
7. Жилищная проблема обострена не только невозможностью иметь собственное жилье, но и плохим качеством того жилья, в котором проживают переселенцы.

2.4. Трудовая занятость и безработица среди вынужденных переселенцев

Трудовая деятельность является необходимым условием для удовлетворения разнообразных насущных потребностей человека. С одной стороны, это источник дохода, а с другой – основа для самореализации личности. Вынужденная миграция заметно нарушает эту взаимосвязь, усиливая депривированные факторы в жизни людей и их нисходящую мобильность.

Более половины опрошенных вынужденных переселенцев (53,5 %) в 2000 г. и свыше 40 % респондентов (42,1 %) в 2006 г. не работают по профилю деятельности, которой занимались до миграции, хотя вынужденные переселенцы представляют довольно подготовленную в профессиональном плане группу. Среди респондентов и первичного исследования (2000), и повторного (2006) около 60 % имеют высшее и среднее специальное образование. Однако, согласно сравнительному анализу данных этих исследований, за последние пять лет не произошло позитивного изменения профессионального статуса и не появились перспективные возможности профессионального роста (табл. 2.4).

Таблица 2.4. Изменения профессионального статуса и возможностей профессионального роста вынужденных переселенцев, %

Вариант изменений	2006	2000
Статус повысился	9,5	–
Статус остался прежним	18,9	–
Статус стал ниже	34,2	–
Перспективы для роста есть и уже реализуются	11,3	17,7
Возможности для роста не изменились	7,6	28,4
Перспектив для профессионального роста нет	37,0	50,7
Примечание. В исследовании 2000 г. данные варианты ответов не были предусмотрены.		

Полученные результаты говорят о том, что среди опрошенных лишь у небольшой доли мигрантов за прошедший период отмечена положительная динамика в области профессионального роста и самореализации (если в 2000 г. на это указали 17,7 %, то в 2006 г. – 11,3 %), а также повышение профессионального статуса (9,5 %). Более трети участников опроса не смогли повысить свой социально-профессиональный статус (34,2 %) и не увидели перспектив для роста (37,0 %). Причины карьерной стагнации во многом обусловлены ситуацией в сфере трудовой занятости, которая также мало изменилась.

Ответы на вопросы о трудовой занятости мигрантов приведены в табл. 2.5.

Таблица 2.5. Характер трудовой занятости вынужденных переселенцев, %

Трудовая занятость	2006	2000
Имеете ли вы работу:		
◇ да	65,8	60,2
◇ нет	34,2	24,9
◇ не ответили	—	14,9
Если «да», ваша работа:		
◇ временная	48,2	35,9
◇ постоянная	51,8	64,1
Вы работаете:		
◇ по найму	37,0	86,3
◇ имеете собственное дело	4,4	5,0
◇ на условиях кооперации	5,6	6,0
◇ другое	53,0	2,7

Как видно, с 2000 г. по 2006 г. несколько возросло число тех (на 5,6 %), кто имеет работу. Однако доля лиц, имеющих постоянную занятость, сократилась на 12,3 %. Значительно снизилась доля респондентов, работающих по найму: с 86,3 % в 2000 г. до 37,0 % в 2006 г. Такое положение вынужденных переселенцев в сфере занятости сложно оценить однозначно, поскольку, видимо, часть респондентов работает в бюджетных организациях, занятость в которых не воспринимается как работа по найму.

Для понимания особенностей трудовой занятости интересны пояснения опрошенных относительно характера своей занятости. Многие участники опроса отмечают случайность и временность трудовой деятельности: «временные заработки», «случайные заработки», «изредка мелкая подработка», «подработка в свободное время» и т.п.

Можно отметить, что по стилю социально-трудового поведения основной массе мигрантов соответствует тип, характеризующийся позицией решения сиюминутных насущных жизненных потребностей¹. Отсюда – низкие, нестабильные доходы как фак-

¹ См.: *Голенкова Т.З., Игитханян Е.Д.* Профессионалы – портрет на фоне реформ // Социс. 2005. № 2. С. 32.

тор формирования социальной уязвимости и маргинализации социально-профессиональных групп мигрантов. Далеко не все мигранты имеют работу. По данным опроса 2006 г., из тех, кто не имеет работу, 8,3 % не имеют работу с момента переезда; 14,2 % имели работу, но впоследствии ее потеряли. В то же время правом на получение пособия по безработице воспользовались лишь немногие: 63,2 % не получали пособия в связи с утратой места работы по месту выезда; 19,9 % не получали пособия, хотя и имели статус безработного. Это свидетельствует об изъянах в социальной и миграционной политике по отношению к вынужденным переселенцам, существенно отличающимся от других категорий не только населения, но и мигрантов.

Действительно, еще в ходе изучения в 2000 г. проблем помощи ищущим работу слабозащищенным категориям граждан в Ставропольском крае, куда включались вынужденные переселенцы, представители многодетных семей, матери-одиночки, молодежь (всего 500 человек), было выявлено, что вынужденные переселенцы – категория трудоспособного населения, которая на рынке труда имеет в большей степени, чем другие категории, неофициальный статус безработного¹. Только 31,2 % из числа неработающих респондентов являются официально безработными, остальные – неофициально. Для сравнения: среди представителей местных многодетных семей 48,3 % имеют официальный статус безработного; среди матерей-одиночек из местных – 51,9 %.

Кроме того, среди мигрантов больше тех, кто ищет не только работу, но и дополнительный заработок. Так, из 53,0 % опрошенных переселенцев, имеющих работу, 44,8 % ищут другую работу или подработку (среди матерей-одиночек и многодетных соответственно – 38,2 и 35,5 %). Можно предположить, что вынужденные переселенцы довольно широко включены в трудовые отношения как официальные, так и неформальные. Это в немалой степени обусловлено низким социально-экономическим и главным образом материальным положением переселенцев и их семей.

Участники опроса 2006 г. занимают практически то же место в структуре трудовой занятости, что и вынужденные переселенцы,

¹ См.: Исследование выполнено в рамках проекта ТАСИС ЛИЕН «Социально-экономическая интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество». TL-152, 1995–2001 гг.

опрошенные в 2000 г., а именно: невысокий социально-профессиональный статус, слабость и неразвитость социальных связей, слабая информированность о потребностях рынка труда, надежда преимущественно на себя и таких, как они. Целевое поведение на рынке труда направлено в основном на получение материального достатка, причем независимо от вида занятости: это может быть занятость на отхожих промыслах, предпринимательство, вторичная занятость и т.д. Следовательно, для вынужденных мигрантов становятся более значимыми высокая трудовая мобильность, опыт (в основном негативный) поведения на теневом рынке, а не профессиональный опыт. В системе ценностей «работа» становится в первую очередь средством достижения материального достатка, источником дохода и лишь во вторую – потребностью в работе по профессии, в самореализации, потребностью «взять реванш у жизни». Последняя потребность актуализируется тем, что многие переселенцы потеряли властные полномочия, которые у них были ранее в профессиональной сфере (до выезда 28,0 % и после переезда 3,7 %) или в общественно-политической (до миграции 12,8 % и после переселения 0,2 %). Этот факт миграционной жизни переселенцев выявлен и другими исследователями¹.

Таким образом, вынужденные переселенцы – это особая категория, обладающая весьма высоким уровнем трудового потенциала, который нередко не используется или используется частично. Такая ситуация в немалой степени обусловлена возможностью игнорировать трудовые права вынужденных переселенцев в результате правового пробела в этой сфере общественных отношений. Из этого следует, что необходимо учитывать не только формальные, правовые меры, распространяющиеся на всех граждан в сфере трудоустройства, но и те особенности, которые характерны именно для определенной группы нуждающихся в работе – вынужденных мигрантов.

Подведем некоторые итоги:

1. Модели социально-трудоустройства мигрантов соответствует тип, характеризующийся низкими, нестабильными доходами, социальной уязвимостью и социально-профессиональной маргинализацией.

¹ См.: *Ефимов Ю.Г.* Политическое сознание вынужденных мигрантов // Политическая миграциология: Сб. науч. статей. Ставрополь, 2006. Вып. 1. С. 35.

2. Затруднено утверждение социально-статусной позиции с выработкой индивидуальной стратегии в сфере занятости, способствующей консолидации и интеграции вынужденных переселенцев.
3. На рынке труда вынужденные переселенцы представляют специфическую группу ищущих работу, но в результате ущемления их трудовых прав не имеющих возможности использовать трудовой потенциал в полном объеме.
4. Динамика трудовой занятости, профессионального статуса и профессионального роста вынужденных переселенцев имеет слабо выраженную позитивную направленность, что обусловлено нарушением прав переселенцев в области трудовой и профессиональной деятельности.
5. Властные полномочия, в том числе в трудовой сфере, являющиеся одной из составляющих социального статуса личности, у переселенцев практически отсутствуют.

2.5. Образование и карьера

Ущемление реальных прав переселенцев на получение работы — далеко не единственный вопрос, связанный с вынужденной миграцией и усилением социальной депривации той части населения края, которую представляют вынужденные переселенцы. Судя по результатам исследований, образование вытесняется из мотивационной сферы переселенцев в результате несформированности условий для удовлетворения образовательных потребностей, в которых учитывались бы особенности положения данной категории населения. Это происходит, хотя вынужденные переселенцы имеют достаточно высокий образовательный статус: у 20,0 % участников опроса высшее образование, у 13,2 % — незаконченное высшее, у 37,7 % — среднее специальное.

В исследованиях 2000 и 2006 гг. отмечались проблемы профессиональной переподготовки, профессионального образования, необходимых мигрантам на новом трудовом рынке. Ответы респондентов показали, что особенно остро эта проблема стояла у респондентов на начальном этапе миграции в силу ограниченности возможностей «профильной» занятости и «ухода» в сферу неквалифицированной деятельности: 52,6 % в 2000 г. и 35,7 % респондентов в 2006 г. ответили, что у них «нет необходимости» в профессиональной переподготовке. Хотя обстоятельства не-

сколько изменились в лучшую сторону, но по-прежнему значительная часть переселенцев испытывает затруднения в своей профессиональной карьере: 26,4 % опрошенных в 2006 г. (против 17,5 % в 2001 г.) отметили, что «необходимость есть, но дорого»; 20,4 % (против 8,0 %) указали, что «на это нет времени»; 6,4 % (6,6 % в 2001 г.) сказали, что не знают, как это сделать, и т.п.

Образовательные услуги для многих переселенцев не доступны. Так, за время миграционной жизни повысить уровень образования смогли лишь 4,7 % респондентов, получить дополнительное образование – 6,9 %, второе образование – 2,2 %. Почти половина (40,5 %) участников опроса обеспокоены тем, что у них нет возможности дать своим детям высшее или среднее специальное профессиональное образование, а среди тех, кто смог дать своим детям профессиональное образование, большая часть (26,3 %) смогли дать лишь среднее специальное и (22,8 %) начальное профессиональное образование. Только у каждого десятого переселенца – участника опроса (11,3 %) дети получили высшее профессиональное образование.

Негативным в образовательном контексте является также тот факт, что если, по данным опроса 2000 г., доля тех, кто не смог осуществить свои намерения относительно образования детей, составляла 5,2 % общего массива опрошенных, то в 2006 г. доля данной группы респондентов достигла 32,1 %. Это является одним из следствий материальной несостоятельности вынужденных переселенцев, которая проявляется уже на этапе школьного образования детей. Как сказали около 70 % респондентов, имеющих детей школьного возраста, трудности в обучении детей связаны с материальными проблемами семьи, что квалифицируется как «детская бедность».

Подведем некоторые итоги:

1. Проблемы профессиональной переподготовки обусловлены тем, что повышение профессионального образования доступно малой части опрошенных переселенцев.
2. Наблюдается тенденция сокращения возможностей для осуществления намерений дать образование детям.
3. Образование постепенно вытесняется из мотивационной развивающей сферы вынужденных переселенцев на фоне ухудшающихся материальных условий для удовлетворения образовательных потребностей. Отсюда – структурно-статусное восполнение сообщества за счет вынужденных переселенцев является, скорее, нисходящим.

2.6. Культурно-коммуникативные и психологические особенности вхождения вынужденных переселенцев в местное сообщество

Необходимость вживаться в местное сообщество и актуализация возможностей считать себя его частью делают неотъемлемым качеством мигрантов образ и оценки реалий жизни, продолжающейся в новых условиях. Это находит отражение в их идентификациях, ценностных приоритетах, отношениях, стратегиях поведения и взаимодействия в местном сообществе, формируемых механизмах устойчивости в нем.

На «образ будущего» значительное влияние оказал тот факт, что и прибывшие, и местные, являясь представителями одного этноса, были объединены границами одной многонациональной страны, которую они утратили, – Советского Союза. Это вселяло переселенцам надежду на ту или иную меру благополучия жизни в новом сообществе как части некогда единого, идеологически и экономически скрепленного, знакомого социального пространства. Согласно типичным высказываниям, ожидания были связаны с тем, что «после переезда произойдут какие-то положительные изменения...», так как «...мы стремились в Россию. Мы русские, надеялись, что нас встретят такие же русские, как мы»¹. Однако на пути к желаемому образу будущего и беспрепятственному вхождению в новый социум встали трудности, обусловленные обстоятельствами миграции и определившие как собственно культурные, так и коммуникативные особенности интеграционного процесса.

Один из основных вопросов исследования в данной части анализа процесса интеграции связан с вопросом о самоидентификации представителей двух основных групп сообщества – мигрантов и местных жителей.

По данным опроса 2006 г., в личных идентификациях большинство респондентов-мигрантов не указывает прямо на принадлежность к социуму, выделяя в разных пропорциях приверженности следующие статусы: русский – 52,9 %, переселенец – 51,5 %, гражданин – 46,5 %, семьянин – 44,6 %, родитель – 42,4 %, человек – 35,8 %, россиянин – 35,5 %, труженик – 24,3 %, безработ-

¹ Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф., Шаповалов В.К. Указ. соч. С. 196.

ный – 12,8 %, крестьянин – 10,8 %, общественный деятель (активист) – 3,5 %, создатель нового – 1,3 %. Как видим, «русский» и «переселенец» явно преобладают в идентификациях более чем половины опрошенных. Такие оценки составляют отличия мигрантов в социокультурном пространстве местного сообщества, которое сложилось ранее и подтвердилось данными исследования, проведенного в 2000 г.

Учитывая, что успешность интеграционного процесса во многом зависит от того, какие социальные роли и статусы приписывает себе сам человек, как выглядит идентификационная матрица взаимодействующих субъектов и акторов, мы сравнили статусы, определяемые вынужденными переселенцами и местными жителями.

Согласно результатам опроса, у вынужденных переселенцев и местных жителей первые четыре ранга получили сходные социальные статусы: большая часть опрошенных в обеих группах ощущает себя человеком, русским, родителем. Значительная доля мигрантов (71,2 %) оценивает свою идентификацию как беженец-переселенец. В сравнении с результатами опроса 2000 г. доля таких оценок в среде опрошенных мигрантов снизилась на 20 %. Есть основания предположить следующее: трагедии, которые пережили вынужденные переселенцы, способствовали занижению их самоидентификации как россиян.

Интересно, что «процентные веса» рангов как у вынужденных переселенцев, так и у местных жителей разделили 16 статусных позиций на две группы. У вынужденных переселенцев первую из них составили 10 позиций: беженец и переселенец, этническая принадлежность, родитель, человек, семьянин, гражданин, труженик, россиянин, безработный. Процентный вес этих рангов колеблется от 44,9 до 11,1 %. Остальные шесть социальных статусов – крестьянин, создатель нового, общественный деятель (активист), руководитель (лидер) и другие – имеют весьма незначительный процентный вес (от 3,6 до 0,4 % числа ответивших). На этом основании мы делаем вывод о низкой значимости этих социальных статусов для респондентов.

У местных жителей также наблюдается «перепад» процентных весов рангов в двух группах статусных позиций. В первой, куда вошли этническая принадлежность, родитель, гражданин, семьянин, россиянин и труженик, процентные веса распределились

между 62,9 и 28,3 %, а во второй группе они составили шкалу от 6,3 до 1 %.

Сравнение самоидентификаций переселенцев и местных жителей говорит о том, что, выделив социально-демографический статус «вынужденный переселенец», «беженец», мигранты указывают на свое отличие, обусловленное положением в новом социуме, как «пришлых», «чужих». Эта оценка характерна для высказываний мигрантов: «тяжело начинать все заново», «жизнь пришлось начинать сначала», «коренные жители нас не любят», «мне труднее, чем местным», «меньше времени уделяю семье», «профессиональная неудовлетворенность», «тяжела жизнь, начатая с нуля», «нет перспективы» и т.п.

В то же время статус этнической принадлежности («русский» или «другая национальность») определяется как один из главных в обеих группах, указывая на культурный ресурс интеграции, обусловленный традициями, нормами, идеалами и ценностями, присущими группам одного этноса. Но, как показало исследование 2006 г., в процессе социокультурной интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество возникла необходимость преодоления культурных различий. Жители принимающего сообщества и вынужденные переселенцы, жизнь которых проходила в разных местах бывшего СССР, впитали элементы культуры доминирующего этноса того региона, где они проживали долгое время. Это сформировало некоторые различия в традициях, нормах поведения, языке, культурных стереотипах. Разногласия культурного характера во взаимодействии вынужденных переселенцев в местном сообществе проявились в понимании разницы культурных регуляторов. Так, 41,0 % вынужденных переселенцев, опрошенных в 2000 г., утверждали, что традиции, обычаи, нормы поведения людей в крае, куда они прибыли, в значительной степени отличаются от аналогичных характеристик той социокультурной среды, где они проживали прежде; 46,8 % вынужденных мигрантов говорят о культурных отличиях, которые они ощущают «в некоторой степени». Судя по числу ответивших, в среде вынужденных переселенцев реакция на различия оказалась несколько более заметной, чем у местных жителей. Среди местных жителей 83,8 % опрошенных отмечают ту или иную меру отличий в своей культуре и культуре переселенцев, среди переселенцев – 87,8 %. Информация об оценках культурных различий отражена в табл. 2.6.

Таблица 2.6. Культурные различия между вынужденными переселенцами и местными жителями (2000), %

В какой мере отличаются традиции, обычаи, нормы поведения мигрантов и местных жителей?	Местные жители	Вынужденные переселенцы
Значительно отличаются	26,0	41,0
Отличаются в некоторой степени	57,8	46,8
Не отличаются	15,4	9,5
Не ответили	0,8	2,7

При этом степень различия культур по-разному оценивается респондентами, прибывшими из разных мест, о чем свидетельствуют данные табл. 2.7.

Таблица 2.7. Культурные различия между вынужденными переселенцами и местными жителями с учетом места выбытия мигрантов (2000), %

В какой мере отличаются традиции, обычаи, нормы поведения людей в данной местности от принятых в местности, где Вы проживали прежде?	Место выбытия мигрантов		
	Казахстан	Чечня	Азербайджан
Значительно отличаются	51,5	35,7	42,1
Отличаются в некоторой степени	42,4	49,0	51,3
Не отличаются	3,0	12,2	3,9
Не ответили	3,1	3,1	2,7

Наибольшее число среди тех, кто указал на значительные различия, составляют бывшие жители Казахстана, жители Азербайджана. Немногим более 10 % респондентов – выходцев из этих республик не считали, что есть различия. Наименьшее число респондентов (хотя это более трети опрошенных) отмечает различия между местной культурой и культурой, «привезенной из Чечни» (35,7 %), как значительные. У прибывших из Казахстана и Азербайджана эти показатели составляют от 51,5 до 42,1 %.

Признание и переживание культурных различий связаны с преодолением синдрома чужого, который чувствуют переселенцы из этих республик, и неприятие «инородцев» вообще, характерное для местных. Межкультурные различия, перенесенные в психологическую сферу, вызывают разные реакции, что отражено в табл. 2.8.

Таблица 2.8. Отношение респондентов к представителям другой культуры (2000), %

Отношение к представителям другой культуры	Местные жители	Вынужденные переселенцы
Они меня раздражают	6,1	6,5
Они для меня безразличны	36,1	22,8
Они мне нравятся	5,1	4,4
Они меня удивляют	16,3	21,0
Я их принимаю, как своих	12,1	21,9
Затрудняюсь ответить	24,0	23,3
Не ответили	0,3	0,1

Как видим, раздражение испытывают немногим более 6 % опрошенных в обеих группах, следовательно, имеющиеся культурные различия не создают «культурного шока» как конфликта культурных норм. Это во многом объясняется тем, что и вынужденные переселенцы, и местные жители, являясь преимущественно представителями одного этноса, имеют в той или иной мере знания о культуре друг друга, усвоенной в разных сообществах (табл. 2.9).

Таблица 2.9. Осведомленность вынужденных переселенцев и местных жителей о культурных различиях друг друга (2000), %

Имеете ли Вы представление о культуре других?	Вынужденные переселенцы	Местные жители
Имею полное представление	33,8	31,1
Частично знаком	48,1	49,2
Плохо знаю	16,3	17,4
Не ответили	1,8	2,3

Около половины вынужденных переселенцев (48,1 %) и местных жителей (49,2 %) частично знакомы с обычаями, традициями, правилами поведения друг друга; 33,8 и 31,1 % соответственно имеют полное представление о них. Несмотря на это, в общении имеются небольшие трудности, обусловленные культурными различиями, на что указывают ответы респондентов (табл. 2.10).

Таблица 2.10. Наличие трудностей в общении на основе культурных различий вынужденных переселенцев и местных жителей (2000), %

Испытываете ли Вы трудности, вызванные культурными различиями?	Вынужденные переселенцы	Местные жители
Да, значительные трудности	5,8	6,8
Есть небольшие трудности	44,2	28,4
Нет	48,6	60,8
Не ответили	1,4	4,0

Половина опрошенных мигрантов и 35,2 % местных отметили наличие трудностей в общении, которые им приходится преодолевать. В этой ситуации точкой опоры выступают как приятие соплеменников (русских русскими) в «русском» регионе, так и культурные стратегии самих мигрантов: в частичной ассимиляции, стремлении не выделяться в изолированную группу, «жертвовании» старой культурой в пользу новой культурной среды, в промежуточном способе преодоления проблем культурного взаимодействия, где присутствуют благожелательность и открытость в сфере межкультурного взаимодействия.

Положительной динамике процесса преодоления культурных различий во взаимодействии вынужденных переселенцев и местных жителей способствуют также фактор времени и рациональность мигрантов, основанная на расширении знания о культуре сообщества, ценностях, которые формируются в процессе взаимодействия как единые, стратегиях мигрантов, ориентированных на культурные нормы местного сообщества. Это подтверждается данными, полученными в ходе исследования.

О том, что время пребывания, взаимодействие с местными значительно сгладил межкультурные различия между вынужденными переселенцами и местными говорит сокращение доли таких респондентов, которые отмечали культурные различия (табл. 2.11).

Лишь 15,7 против 41,7 % в 2000 г. ответили, что культурные различия значительны. Возможно, что сокращение доли указавших на различия обусловлено с лучшим знакомством мигрантов с местными обычаями и традициями, которые перестают быть чужими.

Таблица 2.11. Культурные различия мигрантов и местных жителей (2000–2006), %

В какой мере отличаются традиции, обычаи, нормы поведения людей в данной местности от принятых в той местности, где Вы проживали до миграции?	2006	2000
Значительно отличаются	15,7	41,0
Отличаются в некоторой степени	53,7	46,8
Не отличаются	30,1	9,5
Затрудняюсь ответить	0,5	2,7

Изменения численности респондентов, оценивающих свои знания местной культуры, отражены в табл. 2.12. Как видим, в сравнении с опросом 2000 г. среди респондентов в 2006 г. увеличилась доля тех, кто имеет полное представление о местной культуре (56,8 % против 33,8 %), уменьшилось число тех, кто плохо ее знает (6,1 % против 16,3 %).

Таблица 2.12. Оценка мигрантами своих знаний местной культуры (2000–2006), %

Как Вы оцениваете свои знания местных обычаев, традиций, правил поведения?	2006	2000
Имею полное представление	56,8	33,8
Частично знаком	32,3	48,1
Плохо знаю	6,1	16,3

В то же время частичное знакомство с культурой местного сообщества более чем у трети опрошенных говорит о том, что интегранты как специфическая группа находятся в состоянии культурного риска; эту группу представляет маргинальная часть переселенцев, характеризующаяся неустойчивостью в системе культуры сообщества из-за недостаточного знания о ней. В 2000 г. доля «маргиналов», т.е. тех, кто частично или плохо знаком с культурой местного сообщества, составляла 64,4 %, в 2006 г. — 38,4 %.

Тем не менее данные об аккультурных стратегиях мигрантов, сформированных за годы их присутствия в местном сообществе, говорят в пользу развития процесса культурной интеграции. Это подтверждается балансом, который отражается в ответах на вопросы о поддержке культурных норм сообщества и той местности, где проживали люди до миграции, а именно: 52,4 % участников опроса считают важным и «скорее, важным» для себя поддержжи-

вать взаимоотношения с представителями местной культуры, их традиции, обычаи, образ жизни, а 46,1 % считают важным и «скорее, важным» поддерживать традиции, обычаи, образ жизни той местности, где они проживали до миграции. В то же время 28,2 % респондентов не считают важным поддерживать взаимоотношения с представителями местной культуры, 52,9 % не считают важным для себя поддерживать традиции, обычаи, образ жизни той местности, где они проживали до миграции.

Следует отметить, что стремление вынужденных мигрантов к взаимодействию с представителями местной культуры, так же как и их стремление к поддержанию культуры той местности, где они жили до миграции, знание местной культуры и оценка ее мигрантами, не влияет на стереотипы восприятия их местными жителями (табл. 2.13).

Таблица 2.13. Восприятие мигрантов местными жителями в зависимости от их взаимоотношений с представителями местной культуры (2006), %

Как Вас чаще всего принимают местные жители?	Важно ли для Вас поддерживать взаимоотношения с представителями местной культуры, их традиции, обычаи, образ жизни?	
	Да	Нет
Скорее, как своего	71,4	28,5
Скорее, как чужого	70,2	29,8

Готовность вынужденных мигрантов к взаимодействию с представителями местной культуры влияет прежде всего на их социально-психологическое состояние (табл. 2.14). Как видим, 94,7 % опрошенных, для которых в той или иной мере важно поддерживать культуру местного сообщества, испытывают некое спокойствие и удовлетворенность.

Нас интересовало, на чем основывается поддержка взаимоотношений мигрантов с представителями местной культуры и поиск культурно-поведенческих стратегий в интегрирующемся сообществе. Представления о значимости ценностей в поведении и действии людей дают возможность обратиться к вопросу о взаиморазделяемых ценностях, которые выделяются в процессе интеграции как консолидирующие¹.

¹ Исследование проводилось по программе «Социальное самочувствие населения Юга России в условиях реформ» лабораторией региональной конфликтологии Ставропольского государственного университета в 2006 г.

Таблица 2.14. Оценка мигрантами своего нынешнего положения в зависимости от их взаимоотношений с представителями местной культуры (2006), %

Какое из высказываний в наибольшей степени соответствует Вашему нынешнему положению?	Важно ли для Вас поддерживать взаимоотношения с людьми местной культуры, их традиции, обычаи, образ жизни?	
	Да	Нет
Живу спокойно, всем доволен	94,7	5,3
Есть отдельные проблемы, решение которых не требует больших усилий	76,1	23,9
Меня беспокоят многие проблемы, решение которых вызывает большие затруднения	66,5	33,5
Живу в постоянном беспокойстве и ожидании опасностей	64,0	36,0

В социологическом опросе жителей Ставрополя 2006 г. выявлена следующая иерархия ценностей по приверженности к ним респондентов:

1. Семья – 53,6 %.
2. Труд (трудовая деятельность) – 46,5 %.
3. Дети – 43,6 %.
4. Человеческая жизнь (неприкосновенность жизни) – 43,2 %.
5. Взаимопомощь – 30,9 %.
6. Экологическая безопасность – 30,6 %.

Данный «набор» ценностей, выдвинутый местными жителями, соотносится с «ценностным набором», определенным вынужденными переселенцами в ходе нашего опроса, что дает представление о формировании согласия относительно общих ценностных приоритетов. Более 80 % респондентов выдвинули на первый план такую ценность, как семья и близкие, которые «дают душевный комфорт» и необходимую помощь, чувство принадлежности. «Свои люди» для опрошенных – это в первую очередь родственники, а также те, кто придерживается одних убеждений и «понятий».

Ценность взаимопомощи, связанную с первой, разделяют 60,8 % опрошенных. Выдвижение данной ценности во многом обусловлено потребностью в ресурсах родственников, друзей при решении своих проблем. Обращаться в государственные и общественные структуры, «которые должны оказывать помощь таким, как я», будет лишь 4,7 % опрошенных, что связано с утратой надежд на реальную помощь, отсутствие которой во многом стало причиной их неблагополучия.

В системе ценностей важное место занимают также труд и трудовая деятельность как обязательная: 47,3 % переселенцев и 46,5 % местных ставропольчан связали данную ценность не только с экономическими аспектами своей жизни, но и с состоянием своего душевного благополучия.

Очевидно, что выделенные ценности в значительной степени связаны с повседневной жизнью людей и реалиями местного общества, в которое они входят как его члены. Это проявляется в «координатах движения»¹ мигрантов и местных при контактировании и коммуникативном взаимодействии, необходимых для обеспечения их стабильности. Причем, если на первых этапах социокультурной интеграции можно говорить главным образом о контактах как соприкосновении с малоизвестным, то в дальнейшем — о взаимодействии и формировании социальных сетей.

В опросе 2000 г. выяснилось, что при решении своих жизненных проблем вынужденные переселенцы, как и местные жители, контактируют и взаимодействуют прежде всего с простыми людьми, непосредственно их окружающими (61,6 и 60,4 %, соответственно). Данные об объектах и частоте контактирования мигрантов и местных жителей представлены в табл. 2.15. Как видим, в отличие от мигрантов каждый пятый местный обращается по жизненно важным вопросам к представителям местной власти; 12,7 % местных жителей контактирует с разного рода общественными организациями, находящимися на территории их проживания; среди вынужденных переселенцев таких оказалось 4,6 %, т.е. мигранты в меньшей степени обращаются к местной власти. Более половины опрошенных переселенцев (50,5 %) при решении жизненных вопросов контактируют с другими субъектами и, по нашим наблюдениям, это — такие, как они, мигранты.

Таблица 2.15. С кем при решении своих жизненных вопросов чаще всего контактируют мигранты и местные жители (2000), %

Объект контактирования	Местные жители	Вынужденные переселенцы
Местные жители	60,4	61,4
Местная власть	32,2	24,7
Общественные организации	12,7	4,6
Другое	12,1	50,5

¹ См.: Федотова Л.Н. Реклама в коммуникационном процессе. М., 2005. С. 33.

Данные о причинах и формах контактов, которые дают информацию о ценностных приоритетах и об образе жизни субъектов местного сообщества, представлены в табл. 2.16. Как видно из таблицы, переселенцев и местных жителей в большей степени сближает трудовая деятельность, в наименьшей — общественная работа. Несмотря на достаточно широкий спектр вопросов, по которым происходит контактирование, этот процесс более затрагивает мигрантов: среди них гораздо больше обращающихся к местным жителям, структурам местного сообщества. Например, согласно данным 2000 г., по вопросам ведения подсобного хозяйства половина (53,0 %) вынужденных переселенцев сотрудничают с соседями. Небольшое число (8,5 %) респондентов ответило, что они сотрудничают с фермерскими хозяйствами (3,9 %), предприятиями (2,2 %), другими (частными) организациями, выдавшими микрокредит (2,2 %), и органами власти (0,4 %). Несмотря на такой довольно широкий круг взаимодействия, мигранты все-таки являются чужими на местном рынке. Почти каждый третий вынужденный переселенец, имеющий личное подсобное хозяйство, испытывает трудности в реализации его продукции.

Таблица 2.16. Вопросы, по которым контактируют вынужденные мигранты и местные жители (2000), % (несколько вариантов ответа)

В какой сфере Вашей жизнедеятельности Вам приходится чаще всего контактировать?	Местные жители с мигрантами	Вынужденные переселенцы с местными жителями	Переселенцы с такими, как они
Трудовая деятельность	35,2	44,3	11,7
Личное подсобное хозяйство	11,1	31,8	9,1
Воспитание и обучение детей	11,3	30,2	9,3
Досуг	21,5	28,6	20,9
Общественная работа	7,2	18,7	7,4
Жилищные дела	11,5	33,6	20,7
Другое, разное	2,1	—	—
Ни по каким вопросам	32,0	—	—

Почти треть местных жителей (32 %) — это те, кто ни по каким вопросам не контактирует с переселенцами.

Жизненно важные вопросы, по которым осуществлялось взаимодействие вынужденных переселенцев с местными жителями, выстраиваются в следующий соотносимый ряд по степени убывания числа респондентов, ответивших на них: 1) трудовая деятельность, 2) решение жилищных проблем, 3) ведение личного подсобного хозяйства, 4) воспитание и обучение детей, 5) досуг, 6) общественная работа.

В контактах и взаимодействии вынужденных переселенцев между собой эти виды деятельности располагаются по-другому: 1) досуг, 2) жилищные дела, 3) трудовая деятельность, 4) воспитание и обучение детей, 5) личное подсобное хозяйство, 6) общественная работа. При близости приоритетов в предметах взаимодействия свободное время, где реализуется неформальная связь, ставится переселенцами на первое место во взаимодействии с такими, как они.

В числе поводов для контактирования и взаимодействия вынужденных мигрантов с местными жителями выделяются также различного рода общественные мероприятия: праздники, культурные акции (государственные праздники, традиционные местные мероприятия, мероприятия, проводимые учреждениями культуры и досуга), в которых принимают участие более 60 % опрошенных мигрантов и 74,5 % местных жителей. Те, кто в них не участвуют, основной причиной своего неучастия называют отсутствие времени.

Таким образом, контактирование и взаимодействие вынужденных переселенцев с местными жителями основываются на их ценностных приоритетах, связанных с традиционными ценностями, такими, как семья, труд, взаимопомощь, национально-религиозные традиции и др.

На этой же основе складываются дальнейшие трансакции и взаимодействия, направленные на поддержание и развитие персональных и иных отношений в разных сферах: институциональной, семейной, межличностной, деловой, религиозной, культурной и т.д. или социальные коммуникативные сети.

Вхождение мигрантов в систему социальных сетей во многом определяет ядро их устойчивости в социуме, когда формируются материальные, культурные, психологические и иные способы решения социальных, экономических и психологических проблем¹.

¹ См.: *Валтов В.Н.* Социальные сети беженцев и лиц, ищущих убежище, из Афганистана и Ирака // Психология беженцев и вынужденных переселенцев. М., 2004. С. 179.

Мотивация формирования и характер социальных сетей мигрантов связаны прежде всего с трудной жизненной ситуацией, в которой они находятся, испытывают социальные и иные проблемы устройства и потребность в помощи.

Характерно, что по прошествии времени, как и ранее, ядро социальных коммуникационных сетей приходится на местных жителей и собственно переселенческое сообщество, о чем говорят данные таблицы 12.17.

Таблица 2.17. Взаимодействие мигрантов в местном сообществе (2000–2006), % (несколько вариантов ответа)

С кем Вы чаще контактируете?	2006	2000
С местными жителями	43,3	61,4
С местной властью	18,9	24,7
С общественными организациями	16,2	4,6
С вынужденными переселенцами	67,2	н.д.
С организациями социальной инфраструктуры (школы, больницы)	12,8	н.д.
Со СМИ	1,4	–
Другое		50,5

Несмотря на то что мигранты выделили местных как своих главных контактеров, приведенные данные говорят о наличии развитых контактов с вынужденными переселенцами, т.е. такими же, как они сами: если в 2000 г. на 1-м месте по числу ответов были контакты с местными, на что указали 61,4 %, то в 2006 г. – контакты и взаимодействие с переселенцами (67,2 %). В нашем исследовании респонденты отметили значение дружеских, родственных сетей взаимодействия при решении имеющихся проблем.

Помощь друзей и родственников оказалась наиболее важной для мигрантов в приспособлении к новым условиям жизни. Это выразили в своих ответах 39,3 % опрошенных: «общаемся больше всего с детьми, родными», «без друзей было бы тяжело, здесь, кроме друзей из прежней жизни, трудно с кем-то общаться», «есть разные люди, но больше всего общаемся с грозненцами нашими» и т.д.

Сравнение числа ответов в опросах 2000 и 2006 гг. показывает уменьшение числа респондентов, контактирующих с местной властью (18,9 % в 2006 г. против 24,7 % – в 2000 г.), но увеличение числа тех, кто общается с общественными организациями (16,2 % против 4,6 %). Очевидно, это связано с активностью Ассоциации переселенческих организаций «Солидарность», которая объединяет более 40 общественных коллективов, имеет свой печатный орган – газету «Беженец», с деятельностью корреспондентского пункта правозащитной организации «Мемориал» с сетью общественных приемных по всему краю, а также таких крупных общественных организаций, как Российский детский фонд (краевое отделение), который оказывал юридическую, психологическую и гуманитарную поддержку, осуществляя свою деятельность в местах размещения переселенцев, международная благотворительная организация «Датский Совет по беженцам» и др.¹

Таким образом, целью и результатом взаимодействия и создания социальных коммуникационных сетей в местном сообществе в процессе адаптации и интеграции вынужденных переселенцев являются установки и мотивы на преодоление различий и трудностей, которые испытывают и местные жители, и переселенцы, столкнувшиеся с проблемами постсоветских преобразований и вынужденной миграцией.

В ходе опроса 2006 г. переселенцы и жители края оценили степень беспокойства, связанного с трудностями жизни (соответственно):

- 1) меня беспокоят многие проблемы, решение которых вызывает затруднение, – 59,1 и 51,7 %;
- 2) нахожусь в безвыходном положении – 13,2 и 11,8 %;
- 3) живу в постоянном беспокойстве и ожидании опасностей – 8,4 и 7,6 %.

Состояние дискомфорта, как видим, составляет контекст жизни и у тех, кто решил стать местным жителем, и у тех, кто им давно является.

На вопрос о готовности преодолевать трудности получены сходные ответы: только 24,2 местных жителей и 24,1 % вынужденных переселенцев вполне готовы преодолевать трудности самостоятельно (табл. 2.18).

---

¹ См.: *Слезавин П.В.* Роль общественных организаций в решении проблем миграции // Миграционные процессы в условиях глобализации общества: Материалы международной научно-практической конференции. Ставрополь, 2007. С. 98.

Таблица 2.18. Готовность преодолевать трудности местными жителями и вынужденными переселенцами (2000), %

Варианты ответов	Местные жители	Вынужденные переселенцы
Вполне готов преодолевать трудности самостоятельно	24,2	24,1
Готов при условии оказания необходимой помощи	38,1	34
Не уверен в том, что готов и дальше преодолевать трудности	20,9	19,9
Не думал об этом	14,8	18,5
Другое	0,8	1,8
Не ответили	1,2	5,2

Данные таблицы говорят о равном желании обеих групп респондентов преодолевать трудности, очевидно, что они чувствуют себя «в одной лодке». Это ощущение передается и в ответах на вопрос об уверенности в будущем. Как следует из табл. 2.19, местные жители и вынужденные переселенцы примерно одинаково оценивают уверенность в завтрашнем дне. Немногим более 43 % как мигрантов, так и местных жителей в нем совсем не уверены.

Сходство позиций мигрантов и местных можно оценить, опираясь на ответы респондентов о готовности преодолевать трудности (табл. 2.20). В ответах респондентов, приведенных в таблице, позиция активности отражена в самостоятельном преодолении трудностей, преобладающая у 51,8 % местных жителей и 46,1 % — вынужденных мигрантов. Примечательно, что примерно равное число опрошенных (34,2 и 35,6 % соответственно местных жителей и мигрантов) в трудных ситуациях предпочитает не отказываться от посторонней помощи и, очевидно, надеются на нее.

Таблица 2.19. Оценка уверенности в завтрашнем дне местных жителей и вынужденных переселенцев (2000), %

Степень уверенности в завтрашнем дне	Местные жители	Вынужденные переселенцы
Вполне уверен	5,5	4,4
Не в полной мере уверен	41,4	40,4
Совсем не уверен	43,2	43,1
Не думал об этом	9,0	10,3
Не ответили	1,0	1,8

Таблица 2.20. Позиции в преодолении трудностей (2000), %

Какое суждение Вам ближе?	Местные жители	Вынужденные мигранты
Выходить из трудностей самому	51,8	46,1
В трудностях не отказываться от посторонней помощи	34,2	35,6
Найти тех, кто должен оказать помощь	1,0	2,6
Найти тех, кто может и хочет оказать помощь	5,9	8,9
Довольствоваться тем, что дают	3,9	2,8
Не ответили	3,3	4,0

Выводы о преобладании активной позиции как у переселенцев, так и у местных подтверждают ответы респондентов о поведении, которое преобладает в сложившейся ситуации (табл. 2.21). Представленные ответы иллюстрируют характер активной позиции респондентов. Большая часть в обеих группах (42,8 и 39,0 %), образно говоря, «борются за выживание»: их ответы «...чтобы только выжить». Однако у значительной части мигрантов (30,8 % против 12,9 % — у местных) проявляется желание не просто выжить, но и достичь определенного уровня жизни, не выпадая из окружения: «выжить и быть не хуже других». Стремление выделиться среди других свойственно лишь 7,2 % местных жителей и 4,3 % мигрантов.

Таблица 2.21. Преобладающая поведенческая мотивация в современной социально-экономической ситуации (2000), %

Поведение респондентов	Местные жители	Вынужденные мигранты
Активное, деятельное: чтобы только выжить	42,8	39,0
Активное, деятельное: чтобы не только выжить самим, но и быть не хуже местных (других)	12,9	30,8
Активное, деятельное: чтобы быть лучше местных (других)	6,8	5,8
Пассивное: пусть дадут то, что положено, и этого достаточно	7,2	4,2
Пассивное: будь что будет	6,4	3,6

Окончание табл. 2.21

Поведение респондентов	Местные жители	Вынужденные мигранты
Другое	0,8	0,6
Затрудняюсь ответить	19,9	12,3
Не ответили	3,1	3,6

Развитие социального поведения мигрантов, оцениваемое в ходе опроса 2006 г., показывает, что активность в поведении определяется главным образом теми диспозициями, которые отражают социальное положение, отношения, самооценки в сложившейся ситуации, т.е. все то, что переживается мигрантами с течением времени. Самооценка поведения вынужденных переселенцев представлена в табл. 2.22. Полученные данные показывают, что большей части опрошенных свойственно активное поведение, причем число тех, чья активность была направлена только на выживание, имеет тенденцию к снижению (от 39,0 к 30,9 %) в пользу позиции «чтобы быть не хуже местных» (41,4 %). Характерные ответы в данном контексте: «стремление к самодостаточности», «чтобы выжить и найти себя в новых условиях», «активное, деятельное, чтобы выжить и помочь другим» и т.д.

Таблица 2.22. Динамика преобладающей поведенческой мотивации вынужденных переселенцев (2000–2006), %

Какое поведение Вам более свойственно?	2006	2000
Активное, деятельное: чтобы только выжить	31,9	39,0
Активное, деятельное: чтобы выжить самим и быть не хуже местных	41,4	30,8
Пассивное: пусть дадут, что положено, и этого достаточно	7,4	5,8
Пассивное: будь, что будет	5,2	3,6
Другое	1,5	8,5
Затрудняюсь ответить	12,6	12,3

Активность взаимодействия в местном сообществе в условиях миграции часто связывается с соперничеством, которое порождает конфликт. По данным опроса жителей Ставропольского края в

2006 г.¹, 44,5 % респондентов считают, что взаимодействие местных жителей и мигрантов часто является источником неприятностей; 35 % придерживаются противоположного мнения и 18,7 % затруднились ответить (остальные не ответили). Основанием для таких суждений стали ответы переселенцев и местных на вопросы об известных им случаях конфликтов и их «зачинщиках».

Таблица 2.23. Участие в конфликтах вынужденных переселенцев (2000), %

Ответ	Были ли Вы участником конфликта с местными жителями?	Известны ли Вам случаи участия в конфликтах других мигрантов?
Да	15,9	34,2
Нет	82,1	61,4
Нет ответа	2,0	4,4

Таблица 2.24. Участие в конфликтах местных жителей (2000), %

Ответ	Были ли Вы участником конфликта с вынужденными переселенцами?	Известны ли Вам случаи участия в конфликтах других местных жителей?
Да	4,7	32,4
Нет	93,8	65,4
Нет ответа	1,5	2,2

По данным опроса вынужденных переселенцев 2006 г., только 20,5 % респондентов-мигрантов отметили, что им известны случаи конфликтов с местными жителями за последнее время, 51,0 % ответили «нет» и 21,8 % затруднились ответить. Это подтверждает особенности взаимоотношений, зафиксированные еще при опросе 2000 г. (табл. 2.23 и 2.24). Только 15,9 % из опрошенных вынужденных переселенцев и 4,7 % местных жителей участвовали в конфликтах между теми и другими. Примерно равное число вынуж-

¹ Осенью 2006 г. Южным научным центром РАН и Ставропольским государственным университетом было проведено социологическое исследование «Социальное самочувствие населения Юга России в условиях реформ» в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям», подпрограммы по Югу России «Анализ и моделирование геополитических, социальных и экономических процессов в полиэтничном макрорегионе».

денных переселенцев (34,2 %) и местных жителей (32,4 %) отметили, что им известны случаи конфликтов между другими мигрантами и аборигенами.

Представляет интерес мнения респондентов о том, кто чаще является инициатором конфликтов (табл. 2.25). Судя по данным опроса, вынужденные переселенцы в большей степени возлагают ответственность за возникновение конфликтов на местных жителей. В свою очередь местные жители (15 % опрошенных) объявляют вынужденных переселенцев инициаторами конфликтных ситуаций. Виновными в конфликтах считают обе стороны 44,6 % местных жителей против 29,4 % вынужденных переселенцев. Это говорит о том, что проблема конфликтного взаимодействия «втягивает» обе стороны, обнаруживая разные доли сторонников ответственности за них.

Таблица 2.25. Инициаторы конфликтов по оценкам вынужденных переселенцев и местных жителей (2000), %

Инициатор конфликта	По мнению вынужденных переселенцев	По мнению местных жителей
Местные жители	55,3	15,1
Вынужденные переселенцы	0,0	22,3
Обе стороны	29,4	44,6
Затрудняюсь ответить	15,3	17,5
Не ответили	0,0	0,5

Контент-анализ ответов вынужденных переселенцев на открытые вопросы о причинах возникновения конфликтов показал, что наиболее частыми среди них являются личная неприязнь, зависть, неприязнь к переселенцам вообще, земельный вопрос, ссоры детей, проживание не по месту прописки. Реже отмечаются причины, связанные с правом владения жильем, бытовые ссоры, непонимание, алкоголь.

Таким образом, адаптация и интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество – процесс не бесконфликтный. Но о позитивном ходе интеграции свидетельствует отсутствие мигрантофобии. На этом фоне отмечаются диспропорции между деятельностным и психологическим аспектами данного процесса, что нашло отражение в оценках переселенцами существующих проблем, состояния своей приспособленности к новым условиям,

оправданности ожиданий, ощущении степени психологического комфорта.

В ходе исследования, проведенного в 2000 г. методом фокус-группы с лидерами НКО беженцев и вынужденных переселенцев, интервьюируемые подчеркнули: «не хотим насильно адаптироваться», «компромиссы стоят дорого» и т.д.¹ Социальное взаимодействие и контакты с местным сообществом не снимают напряжения у значительной части вынужденных переселенцев. Это подтверждают данные о зависимости состояния беспокойства от контактирования и взаимодействия с субъектами местного общества, полученные в 2000 г. (табл. 2.26), согласно которым от 50,5 % тех, кто взаимодействует чаще с переселенцами, до 64,3 % тех, кто взаимодействует чаще с местными, имеют много проблем, которые их беспокоят. В то же время свое самочувствие как благополучное отмечает более четверти (26 %) тех, кто связывает свои контакты с такими. Это приводит к мысли о связи улучшения самочувствия в ситуации «среди своих, таких же по положению и культуре».

Таблица 2.26. Состояние беспокойства у контактирующих мигрантов с местным сообществом (2000), %

Степень беспокойства у контактирующих мигрантов	С местными жителями	С местной властью	С общественными организациями	С вынужденными переселенцами
Меня беспокоят многие проблемы	64,3	60,8	59,8	50,5
Живу в постоянном беспокойстве	8,4	9,4	9,1	9,1
Нахожусь в безвыходном положении	12,6	12,8	11,6	14,4
Всем доволен, есть отдельные проблемы	14,7	17,0	19,5	26,0

Однако социальные контакты мигрантов не оказывают большого влияния на состояние беспокойства, свойственное основной массе опрошенных переселенцев. Скорее всего, вынужденные переселенцы испытывают затруднения выхода в социум, не

¹ См.: Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф., Шаповалов В.К. Указ. соч. С. 194.

преодолев барьеров несбывшихся ожиданий. Это подтверждают данные исследований, связанных с ожиданиями по обустройству в новом социуме, полученные в 2000 и 2006 гг.

Наибольшее число средних оценок респондентов 2000 г. по реализации ожиданий приходится на позицию «полностью» или «почти» осуществились (42,2 %). У каждого пятого мигранта ожидания в той или иной мере не осуществились. Примечательно, что значительная доля респондентов (37,6 %) затруднилась ответить или не ответила совсем на этот вопрос, что говорит о неопределенности оценок реализации своих ожиданий этой части мигрантов (табл. 2.27).

Таблица 2.27. Осуществление ожиданий вынужденных переселенцев в новых условиях (2000), %

Ожидание	Полностью осуществились	Почти осуществились	Скорее не осуществились	Не осуществились	Затрудняюсь ответить	Не ответили
Получение статуса	35,2	7,0	1,6	16,3	15,1	24,8
Трудоустройство	22,1	20,3	5,4	20,9	7,2	21,4
Жилищное обустройство	27,0	20,1	3,6	27,8	4,0	17,5
Образование детей	18,1	20,7	3,0	5,2	13,5	39,5
Медицинское обслуживание	29,8	20,3	4,4	13,1	11,1	21,3
Получение ссуд и пособий	11,7	11,1	2,4	27,4	17,3	30,1
Установление хороших отношений с местными жителями, соседями	38,4	28,8	6,8	2,6	8,2	15,2
Проведение досуга	18,1	18,7	2,4	12,7	24,7	23,4
Занятие личным подсобным хозяйством	18,7	20,1	1,2	16,7	20,3	23,0
В среднем	24,4	18,8	3,4	15,8	13,5	24,0
По группам оценок	43,2		19,2		37,5	

Учитывая, что жилищная проблема для мигрантов представляется одной из главных, отметим, что намерения в жилищном обустройстве по числу положительных оценок их реализации занимают второе место, охватывая менее половины опрошенных (полностью осуществились у 27,0 % респондентов и «почти» у 20,1 %). Затем следуют трудоустройство, охватывая 42,4 % (22,1 % – «полностью», 20,3 % «почти»), и образование детей (соответственно 18,1 и 20,7 %).

По числу негативных оценок в осуществлении намерений 27,8 % опрошенных вынужденных переселенцев выделили жилищное обустройство, 27,4 % – получение ссуд и пособий и каждый пятый – трудоустройство.

По критерию отношений с местными жителями материалы нашего опроса дают основания сделать положительный вывод. Именно намерения вынужденных переселенцев в установлении хороших отношений с местными жителями, соседями осуществили 67,2 % опрошенных (полностью 38,4 %, почти полностью 28,8 %). Однако с течением времени тенденция установления хороших отношений с местными жителями меняется к худшему (табл. 2.28).

Таблица 2.28. Оценки ожиданий и намерений вынужденных переселенцев по результатам опросов 2000 и 2006 гг., %¹

В какой степени осуществились Ваши намерения в новых условиях?	Полностью осуществились		Не осуществились	
	2006	2000	2006	2000
Получение статуса вынужденного переселенца	74,3	35,2	10,5	16,3
Трудоустройство	19,9	22,1	26,0	20,9
Жилищное обустройство	28,5	27,0	26,0	20,7
Образование детей	7,4	18,1	32,1	5,2
Медицинское обслуживание	16,6	29,8	14,7	13,1
Получение ссуд и пособий	12,0	11,7	51,7	27,4
Установление хороших отношений с местными жителями	27,0	38,4	12,0	2,6
Проведение досуга	4,2	18,1	44,1	12,7
Занятие личным подсобным хозяйством	13,3	18,7	57,9	16,7

¹ Шкала оценок представлена частично («полностью осуществились» и «не осуществились»), что в сумме не дает 100 % по данным в таблице.

Как видим, несбывшимися надеждами, ожиданиями и намерениями для мигрантов остаются почти все отмеченные позиции, что составляет психологическую напряженность вынужденных переселенцев в среде местного сообщества. Об этом свидетельствуют оценки, которые указывают на признание и переживание различий и связаны с наличием синдрома чужого, характерного для многих переселенцев.

Например, несмотря на складывающиеся контакты и взаимодействия с местными, мигранта воспринимают в принципе «как своего» не многие: в 2006 г. лишь 17,1 % респондентов отметили этот вариант ответа, при этом 46,1 % подчеркнули, что мигранта воспринимают «скорее, как чужого» вне зависимости от выбранных им стратегий активности.

Таблица 2.29. Восприятие вынужденными переселенцами отношения к ним местного сообщества (2000–2006), %

Представители местного сообщества	2006		2000
	–	+	+
Органы власти	28,4	41,9	20,9
Социальные учреждения (школа, больница, магазин и т.д.)	13,7	62,7	29,2
Средства массовой информации	7,1	20,4	13,0
Местные общественные организации	10,0	19,1	17,1
Члены трудового коллектива	16,6	45,3	63,7

Из тех переселенцев, которым свойственна стратегия «активное поведение, чтобы только выжить», 57,9 % чувствуют, что их воспринимают как чужих; со стратегией «чтобы выжить самим и быть не хуже» 44,1 % испытывают такие чувства; со стратегией «чтобы быть лучше» – 34,1 %. Данные зависимости требуют развернутого анализа, но даже представленные здесь суждения говорят об отсутствии ощущения «своего» у большей части мигрантов.

Динамика отношений к вынужденным переселенцам со стороны структур местного сообщества выявлена в ходе опроса, проведенного в 2006 г. Ответы на вопрос «Как к переселенцам относятся окружающие при взаимодействии?» представлены в табл. 2.29, где «+» – «относятся к нам так же, как и к местным»; «–» – «относятся к нам хуже, чем к местным». По всем представленным в таблице

элементам сообщества произошло увеличение доли респондентов, не испытывающих сложностей в отношении с местными в процессе взаимодействия. Исключение составили трудовые коллективы, где, возможно, проявляется конкуренция или обозначаются другие проблемы, такие, как, например, инновационность и традиционность и т.п. (табл. 2.30).

Т а б л и ц а 2.30. Оценка вынужденными переселенцами отношений к ним в местном сообществе (2006), %

Отражение отношения к мигрантам	Органы власти	Социальные учреждения (школы, больницы, магазины)	Соседи	Члены трудового коллектива	В среднем
Так же, как к местным	42,2	63,2	46,5	47,0	49,7
Хуже, чем к местным	28,7	13,8	35,8	17,0	23,0
Лучше, чем к местным	5,5	5,8	9,2	8,4	7,2
Не взаимодействую	23,6	17,1	8,6	27,5	19,2

Как следует из приведенных в табл. 2.30 ответов мигрантов, к ним относятся «так же, как к местным» и «лучше, чем к местным» работники органов власти (47,7 % опрошенных) и социальных учреждений (69,0 %). О том, что к ним относятся в целом хуже, чем к местным, заявили 23 % респондентов. Значительно превышают этот показатель отношения соседей (35,8 %) и органов власти (28,7 %). Это означает, что даже спустя годы значительная часть переселенцев продолжает испытывать неравенство отношений со стороны сообщества. Во многом это определяется сложившимся на начальном этапе восприятием друг друга местными жителями и мигрантами, что отражено в табл. 2.31.

В восприятии вынужденными переселенцами местных жителей, по данным опроса 2000 г., доминирует высказывание: «это живущие собственной жизнью люди, не очень интересующиеся проблемами других» (50,3 % ответивших). Важно, что только каждый десятый вынужденный переселенец считает, что местные жители – завистливые к успехам других, часто конфликтующие люди. Среди самих местных жителей так думают втрое меньше –

только 3,1 % опрошенных. Больше трети местных жителей-респондентов положительного мнения о мигрантах. Среди последних таких 18,5 %. Примечательно, что местные жители чувствуют обособленность относительно мигрантов («мне нет до них дела» 12,1 %).

Таблица 2.31. Какое из высказываний соответствует Вашему восприятию местных жителей/вынужденных мигрантов? (2000), %

Вариант ответа	Местные жители о мигрантах	Мигранты о местных жителях
Это порядочные, добрые, отзывчивые люди	30,7	18,5
Это живущие собственной жизнью люди, не очень интересующиеся жизнью других	24,4	50,3
Это завистливые к успехам других, чаще конфликтующие люди	3,1	9,4
Мне нет до них дела	12,1	—
Среди них встречаются разные люди	3,7	—
Другое	22,5	3,4
Затрудняюсь ответить	0,4	16,3
Не ответили	3,1	1,6

Сравнительный анализ ответов на вопрос о своем окружении в исследованиях 2000 и 2006 гг. позволяет констатировать относительную стабильность оценок местных жителей, данных вынужденными переселенцами, где присутствует параллель Мы – Они (табл. 2.32).

Таблица 2.32. Восприятие мигрантами местных жителей (2000–2006), %

Какое из высказываний соответствует Вашему восприятию местных жителей ?	2006	2000
Это живущие собственной жизнью люди, не очень интересующиеся проблемами других	60,1	50,3
Это завистливые к успехам других, чаще конфликтующие люди	7,8	9,3
Затрудняюсь ответить	12,2	16,3

Тенденции восприятия мигрантами местных жителей, даже с учетом расширения контактов и взаимодействий, практически не изменились: 60,1 % в 2006 г. и 50,3 % опрошенных в 2000 г. определяют местных жителей следующим образом: «это живущие собственной жизнью люди...», что отражает сохранение различий между местным населением и вынужденными переселенцами, несмотря на намерение последних жить в крае.

По нашим данным, тех, кому вполне удалось приспособиться к новым условиям, гораздо меньше, чем тех, которые твердо решили остаться в крае. Так, среди опрошенных в 2006 г. выявлено до 42,3 % тех, кто «твердо решил остаться здесь», а вполне удалось приспособиться к новым условиям 25 %. Можно сказать, что интеграционный процесс для многих находится на стадии адаптации, несмотря на интенсивность положительной динамики приспособления, зафиксированной в исследованиях 2000 г., что отражено в табл. 2.33.

Таблица 2.33. Степень приспособленности вынужденных переселенцев к новым условиям (2000), %

В какой мере Вам удалось приспособиться к новым условиям?	Срок пребывания на территории края				В каком населенном пункте проживаете?			В среднем
	1 год	2–3 года	4–5 лет	Более 10 лет	В краевом центре	В городе	В сельской местности	
Вполне	17,4	22,3	35,3	38,5	25,0	22,9	27,0	25,8
Отчасти	57,8	55,9	51,1	38,5	53,8	52,2	57,7	53,7
Никак	11,9	8,4	7,4	7,7	9,6	10,2	7,2	8,9
Затрудняюсь ответить	11,9	12,3	6,2	15,3	11,5	12,7	8,1	10,7
Не ответили	1	1,1	—	—	0,1	2,0	0,0	0,9

Приведенные данные говорят о том, что на момент исследования большей части мигрантов (25,8 и 53,7 %, т.е. 79,5 %) все-таки удалось приспособиться к новым условиям жизни. Степень приспособления более чем половины квалифицируется как частичная («отчасти» – 53,7 %).

Сравнительный анализ ответов на вопрос «Как Вы считаете, в какой мере Вам удалось приспособиться к местному сообществу»

ву?», которые дали участники опроса в 2000 и 2006 гг., дает парадоксальную картину: в настоящее время респонденты оценивают степень своей приспособленности ниже, чем в 2000 г. (табл. 2.34).

Таблица 2.34. Приспособленность мигрантов к местному сообществу, %

В какой мере Вам удалось приспособиться к местному сообществу?	2006	2000
Вполне приспособился	9,3	25,8
Отчасти приспособился	28,9	53,7
Не приспособился	18,1	8,9
Затрудняюсь ответить	43,6	10,3

Респонденты указали на факторы, которые реально повлияли на уровень приспособления к жизни в новом социуме и интеграции в него:

А. «В значительной мере помогло...»:

- 1) качества характера – 39,1 %;
- 2) жизненный и профессиональный опыт – 37,9 %;
- 3) помощь, поддержка родственников и друзей из мигрантов – 39,3 %;
- 4) помощь, поддержка родственников и друзей из местных – 34,3 %.

Б. «Не способствовало...»:

- 1) помощь беженских организаций – 40,1 %;
- 2) помощь местных общественных организаций – 39,5 %;
- 3) помощь государственных структур – 39,4 %;
- 4) достаточность материальной базы – 31,7 %.

Как видим, наиболее значимы для переселенцев качества характера и помощь близких: 34,3 % ответивших указали на то, что в приспособлении к новым условиям им помогла помощь, поддержка друзей, родственников именно из местных; 39,3 % – помогла помощь, поддержка друзей, родственников из числа мигрантов.

Интенсивность взаимодействия с властью не имеет положительной динамики. Очевидно, местные органы власти представляются заложниками государственной политики, не способной ни предупредить, ни восполнить потери. Об этом говорят переселенцы: «нет государственной поддержки», «государство не помогло», «государство бросило», «больше 8 лет ждем субсидии», «около 10 лет стоим в очереди на жилье», «государство обмануло, не дает

компенсации за жилье», «мы никому не нужны» и т.п. Всего получено 160 свободных ответов, отражающих незащищенность и ненужность иммигрантов. Помощь государственных структур, по мнению 39,4 % ответивших, «не способствовала» и, по мнению 20,5 %, «способствовала в незначительной степени» их адаптации к новым условиям.

На беженские организации приходится 16 % ответов по этому поводу. По данным опроса 2006 г., 44,3 % переселенцев получали от них реальную помощь (в 2000 г. только 17,7 %) через консультационные услуги, помощь в лоббировании интересов, но 18,6 % опрошенных ничего не могут сказать о деятельности таких организаций. Полученные данные подтверждают действенность психологических и неформальных механизмов социокультурной интеграции.

Вынужденные переселенцы не подтвердили тесной связи с политическими организациями, которые бы наиболее точно отражали интересы мигрантов, лишь 4,2 % назвали КПРФ, «Единая Россия», ЛДПР, «Родина»; 43,9 % сказали, что такой организации нет; 50,2 % затруднились ответить.

Весьма показательны смысловые значения, лингвистические особенности формулирования ответов на такие вопросы, как: «Что положительного можно назвать в новой жизненной ситуации, связанной с миграцией?», «Что отрицательного можно назвать в новой ситуации, связанной с миграцией?». Их количественный анализ говорит о том, что доля положительных реакций составила 37,8 %, отрицательных — 42,2 %.

Несмотря на достаточно длительный срок пребывания на другой территории, смысловые значения, отражающие развитие, продвинутость, интеграцию, выделены в меньшей степени. Это подтверждает анализ ответов (а порой и обширных откровений респондентов), осуществленный путем подсчета слов, смысловых оборотов с акцентами, сделанными в ответах, затем их группирования и ранжирования в соответствии с категориями социальных ценностно-смысловых значений («ярлыков»).

Восприятие отрицательного характеризуется частотой встречаемости следующих определений: «трудно», «труднее», «хуже», «мало», «потери», «сложно», «не ждали», «не нужны», «не думал, что такое случится», «не могу привыкнуть», «не хватает средств и сил», «нарушен уклад», «нет работы, угла, жилья, здоровья, нет жизни», «нельзя вернуться», «понижение социального статуса»,

«гибель», «тоска». Негативные аспекты интеграции у переселенцев связываются с ностальгией и отчужденностью: «тянет на прежнее место жительства», «хотим обратно в Грозный», «тяжело вспоминать о прошлом, когда потеряно почти все», «хотелось бы вернуться на родину», «чужая земля, чужие люди», «тоскуем по прежним местам», «не чувствуем себя в родном доме».

Наряду с тенденциями конструктивной активности как результат интеграции для поведения мигрантов характерны девиации, подтверждаемые ответами большей части респондентов: пьянство – 42,2 %; правонарушения – 26,4 %; жестокость в семейных отношениях – 20,1 % (хотя 35,1 % говорят, напротив, об укреплении семьи); попытки суицида – 5,7 %. Данные явления можно рассматривать как свидетельство несоответствий мотивационно-потребностной и социальной сфер жизнедеятельности мигрантов с учетом снижения социального статуса, материального уровня жизни, социальных деприваций и т.д. Это означает, что отрицательные последствия миграции довольно глубоко изменяют личность вынужденного переселенца, создавая психологические препятствия к интеграции.

Ответы о положительных последствиях миграции дают основания судить о психологических предпосылках развития процесса социокультурной интеграции, что выражено в следующих смыслах:

- ◇ о стремлении сохранить жизнь и избежать опасности указали в своих ответах 180 респондентов: «в данной ситуации мы выжили», «выехали из мест боевых действий», «все выехали живые», «все остались живы», «выжили и живы», «живем без войны», «вырвались из беспредела», «выехали оттуда, где за людей не считали», «нет опасности быть униженным по национальной принадлежности», «живем мирно в России», «нет угрозы для жизни», «не убили» и т.п.;
- ◇ об улучшении условий жизни и работы сказали 177 респондентов: «есть работа, есть жилье», «есть работа и дом», «муж и я нашли работу», «мы живем на территории, где есть социальные структуры», «имеем равные права со всеми гражданами России», «здесь могу заниматься предпринимательством», «спокойно живем среди русских людей», «нет войны», «есть возможность жить спокойно» и т.п.;
- ◇ на близость к родным и спокойствие за детей указали 120 респондентов: «дети живут в тишине и покое», «все родственники живут теперь в одном городе», «живем близко к родственникам», «ребенок получил образование» и т.п.;

- ◇ новизну ситуации, позитивные изменения в жизни отметили 82 респондента: «женился», «вышла замуж», «приобрел новых друзей, родственников», «открыла новые перспективы» и т.п.;
- ◇ об улучшении социально-психологического самочувствия высказались 64 респондента: «мы выдержали это испытание», «я стал более активен», «я не сдалась обстоятельствам», «чувствую себя здесь в безопасности», «рад, что живу в безопасности».

Анализ высказываний мигрантов, отражающих их позиции, раскрывают те личностные качества, которые помогли в ситуации вынужденной миграции, сформировали новые, необходимые для интеграции в новую среду, и стали надежным ресурсом интеграции. Это коммуникабельность, позитивное отношение к людям, предприимчивость, открытость для нового, реальное восприятие действительности, целеустремленность, оптимизм, непритязательность и другие, такие, как жизненный и профессиональный опыт, на которые указали около 40 % переселенцев и которые можно отнести к основным интегрирующим качествам в условиях вынужденной миграции. Возможно, именно их наличие, несмотря на все проблемы, дало основание 57,8 % опрошенных утверждать, что они «твердо решили, что останутся здесь».

Подведем некоторые итоги:

1. Процесс интеграции затрагивает те стороны жизнедеятельности интегранта, которые не поддаются чисто количественным показателям. В интеграции находят отражение когнитивное и эмоциональное состояния акторов и субъектов взаимодействия.
2. В системе культурно-коммуникативных и социально-психологических показателей как наиболее значимая выделяется коммуникативная компонента, поскольку процесс интеграции строится на восприятии двух групп — мигрантов и местных жителей — и на преодолении различий между ними. Инаковость мигрантов и ее преодоление состоит в следующем:
  - ◇ на идентификационном уровне — в чувстве утраты гражданской принадлежности (россиянин) и получении взамен статуса «бегущего переселенца» с постепенным сближением с местным населением по идентификациям «человек», «русский», «родитель», что выразилось в разделении ценностных приоритетов и формировании взаимодействия;
  - ◇ на уровне усвоенных культурных образцов поведения — в отличии обычаев и традиций, в среде которых проходила социализация ме-

стного и приезжего населения, при необходимости усвоения принципов толерантности, знаний о местной культуре.

3. Несмотря на имеющиеся противоречия, наблюдается положительная динамика интеграции в культурном аспекте, выраженная в следующих тенденциях:
  - ◇ происходит увеличение доли мигрантов, более информированных о местных обычаях, традициях, правилах;
  - ◇ формируются разные аккультурационные модели с преобладанием и принятием культуры нового социума, проявляются этническое единство мигрантов и членов местного сообщества, общность социокультурных ценностей;
  - ◇ складываются ресурсы и механизмы социокультурной интеграции по достижению устойчивости в социуме в виде социальных коммуникативных сетей, направленных на оказание социальной помощи и поддержки мигрантам;
  - ◇ формируются открытые и рациональные стратегии мигрантов, основанные на осознании проблем интеграции и поиске путей по их решению;
  - ◇ в неформальном окружении образуются ядро поддержки материальной и социальной устойчивости переселенцев и ядро психологической поддержки их устойчивости в местном сообществе.
4. По оценкам мигрантов, им в той или иной мере удалось приспособиться к новым условиям жизни. Несмотря на эти позитивные, с точки зрения интеграции, явления, ее характер не однозначен. Адаптация дается переселенцам трудно независимо от сроков нахождения на территории края. Это обусловлено как субъективными причинами, в частности неготовностью переселенцев к интеграции в силу вынужденности миграции, так и объективными — неготовностью местных жителей к взаимодействию, отсутствием корректирующих действий государства и гражданского общества.

ГЛАВА 3 ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

3.1. Особенности Ставрополя как региона, принимающего трудовых мигрантов

Особенности Ставропольского края как территории въезда оказывают влияние на миграционные процессы, стимулируя трудовую миграцию: в демографическом, социокультурном, нормативно-правовом, экономическом и психологическом аспектах.

В *демографическом аспекте* особенностью края является тенденция снижения доли трудоспособного населения. Кроме того, среди населения края преобладают женщины (69,7 %). Трудовая миграция корректирует гендерный дисбаланс, поскольку в среде трудовых мигрантов преобладают мужчины (63 %) как наиболее востребованная рабочая сила на рынке труда. К тому же они относятся к наиболее оптимальным на «рынке невест» возрастным группам: мужчины в возрасте 31–40 лет составляют около трети (31,9 %), 41–50 лет – 26,0 %.

Для Ставрополя как южного региона традиционна пониженная экономическая активность населения (58,5 % по сравнению с 65,0 % в среднем по стране в 2006 г.). Это связано в основном с меньшей активностью ставропольских женщин: если в России экономически активны 60,3 % женщин в возрасте 15–72 лет, то в крае – только 52,5 %.

Фактором, способствующим развитию региона, выступает образовательный состав как потенциал трудовых мигрантов: 46,9 % из них представляют лица, имеющие высшее образование, 27,9 % – среднее специальное. По данному показателю они приближены к составу местного населения: 44,3 % жителей края имеют высшее образование¹.

---

¹ См.: Материалы социологического исследования «Социальное самочувствие трудового мигранта в условиях пребывания на территории Ставропольского края». Ставрополь, 2006.

В *социокультурном аспекте* особенностями края выступают полиэтничность, поликонфессиональность, поликультурность местного сообщества, что снижает барьеры межкультурного взаимодействия для вновь прибывших.

Трудовые мигранты, прибывшие на территорию края, составляют треть всех категорий иммигрантов, представляя многообразие культур и государств. По данным Управления Федеральной миграционной службы России по Ставропольскому краю, на территории региона находится две категории трудовых мигрантов: из государств с визовым и из государств с безвизовым режимами. На 1 января 2007 г. иностранные граждане, прибывшие из государств с визовым режимом, составляют 48 % трудовых мигрантов, остальные – из государств с безвизовым режимом. В первой группе основная доля приходится на прибывших из Турции (524 человека), Китая (296), Вьетнама (287), во второй – из Азербайджана (426), Армении (323), Украины (216), Узбекистана (133), Казахстана (78), Таджикистана (51) и т.д.¹. Всего трудовые мигранты представляют 21 этнос.

В этой ситуации актуализируются проблемы межкультурного взаимодействия и общения. Важным условием социокультурного взаимодействия является знание русского языка как языка общения. Судя по разнообразию национального состава мигрантов на территории края, можно утверждать, что миграция поднимает статус русского языка. Многие трудовые мигранты (41,6 %) хорошо знают русский язык и используют эти знания на практике.

В вопросах религии обстановка в крае достаточно либеральна. Согласно Конституции Российской Федерации, разрешается исповедание любых религий, не противоречащих закону. Это означает, что многонациональные трудовые мигранты могут свободно придерживаться своей религии. Для реализации этого права в крае действуют национальные культурные центры и культовые сооружения.

В *нормативно-правовом аспекте* наиболее заметной и важной особенностью Ставропольского края является его правовое пространство, напрямую затрагивающее интересы, мотивы поведения трудового мигранта, влияя на его социально-экономическое положение. Правовое регулирование миграции затрагивает во-

---

¹ См.: Информационно-аналитические материалы по итогам работы за 2006 год. Ставрополь: Управление федеральной миграционной службы России по Ставропольскому краю, 2006. С. 9–11.

просы законности пребывания мигрантов на территории России в целом и Ставропольского края в частности. Так, по данным Управления федеральной миграционной службы России по Ставропольскому краю, на территорию Ставропольского края въезжают как легальные мигранты, так и нелегальные. Основные мотивы – это экономические соображения, связанные со стремлением повысить свой материальный уровень жизни, получить гарантированную работу и более высокую оплату труда. Доля нелегальных трудовых мигрантов в общем числе трудовых мигрантов составляет 68 %, что свидетельствует о наличии серьезных проблем в области миграции¹.

Сложившаяся обстановка и то, что имеет место запаздывание федерального правового регулирования миграционных процессов как по предметам исключительного ведения (статус иностранцев), так и по предметам совместного ведения (обустройство мигрантов), вынуждают субъектов трудовой миграции осуществлять правовое регулирование до принятия федеральных актов². Именно поэтому в Ставропольском крае принят Закон «О мерах по пресечению незаконной миграции в Ставропольский край» (6 июня 2002 г.), который может рассматриваться как попытка комплексно урегулировать вопросы незаконной миграции на уровне субъекта Федерации. Однако в Ставропольском крае этот Закон привел к многочисленным нарушениям Конституции Российской Федерации и тем самым осложнил правовое положение трудового мигранта. Так, в Законе утверждается, что на территории края переизбыток мигрантов. Однако сразу же устанавливаются квоты на привлечение трудовых мигрантов, что само по себе говорит о необходимости присутствия мигрантов на территории края. По данным Управления федеральной миграционной службы России по Ставропольскому краю, квота на 1 января 2007 г. на приглашение иностранных рабочих из государств с визовым режимом была выбрана на 95 %, а из государств с безвизовым режимом квотирования вообще не существует, хотя есть потребность в такой трудовой миграции.

Это указывает на то, что упущена возможность законодательно определить, какие категории мигрантов в крае необходимы,

¹ См.: Информационно-аналитические материалы по итогам работы за 2006 год. С. 5–9.

² См.: *Андреева Г.* Миграционная политика и правовое регулирование миграции в субъектах Российской Федерации // Материк. 2007. Вып. 4.

каким категориям мигрантов Ставрополье будет оказывать содействие, какие критерии использовать при отборе мигрантов, какие формы сотрудничества краевых органов и мигрантов, организацией мигрантов приемлемы и т.д.

Решение возникших проблем в области миграции полицейскими мерами привело к попытке ограничить права российских граждан, иностранцев и лиц без гражданства, по-новому определить порядок пребывания, въезда и выезда на территорию РФ, порядок регистрационного учета, поскольку эти вопросы охвачены федеральным законодательством, а следовательно, произошла коррекция федеральных законов субъектом Федерации в сторону ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Неурегулированность правового статуса трудовых мигрантов влечет негативные изменения в материально-экономическом и социальном аспектах, а именно: наблюдается тенденция снижения их работоспособности, индифферентное отношение к существующим проблемам материального положения и т.д. Однако сегодняшние реалии таковы, что трудовые мигранты согласны на тот заработок, который предлагается работодателями, так как уровень жизни на их родине значительно ниже, чем в среднем по России. Например, в Таджикистане средняя заработная плата по состоянию на середину 2007 г. составляла 32,55 сомони (8–11 долл. США по рыночному и официальному обменному курсу)¹, в то время как в России средняя заработная плата составляет 45 долл. США².

Отсюда стремление трудового мигранта обеспечить себе правовой статус, самостоятельно определить пути достижения целей, порой в обход закона. Так, среди условий, дающих преимущество мигрантам при найме на работу у российских работодателей, ключевую роль играют:

- ◇ стремление работодателей снизить издержки производства за счет более низкой заработной платы и уклониться от уплаты налогов;
- ◇ пониженные запросы трудовых мигрантов к бытовому, социальному и медицинскому обеспечению;
- ◇ согласие мигрантов работать на тяжелых и вредных работах, сверхурочно, зачастую без соблюдения правил техники безопасности.

¹ См.: *Зотова Н.А.* Трудовая миграция из Таджикистана // www.Fergana.ru.

² См.: РИА Новости. Экономика. 1 сент. 2007.

По уровню экономического развития Ставропольский край является «средняком» среди субъектов Северного Кавказа. Его душевой ВВП в 2006 г. составил только 51 % среднероссийского уровня (с учетом стоимости жизни).

В *экономическом аспекте* особенностью края является аграрно-индустриальный характер экономики, что видно из структуры ВВП: доля промышленности (22 %) заметно ниже, чем в среднем по РФ (33 %), зато доля сельского хозяйства (17 %) в 2,5 раза выше среднероссийской. В структуре промышленного производства доминируют три отрасли – электроэнергетическая (28 %), пищевая (24 %) и химическая (18 %). Опорой краевой индустрии была и остается пищевая промышленность. Ее рост в последние годы был устойчивым – более чем на 15 % ежегодно. По объему сельскохозяйственного производства край занимает 7-е место среди субъектов России. Важная роль в экономике края принадлежит рекреационной сфере. Кавказские Минеральные Воды считаются ведущим рекреационным районом страны. В последние годы численность отдыхающих постоянно растет, рекреационная отрасль возрождается. Однако край по-прежнему остается малопривлекательным для крупных инвестиционных проектов, поскольку сохраняются проблемы безопасности края и угрозы терроризма.

Уровень развития хозяйственных отраслей сказывается на характере и особенностях регионального рынка труда, которые выражаются в динамике его структуры, составе занятого населения, присутствии трудовых мигрантов.

В последнее время отраслевая структура занятости стала еще более аграрной (23 % занятых) и «сервисной» (57 %). Доля занятых в торговле выросла в 2,5 раза, что отражает общую тенденцию перехода избыточной рабочей силы из реального сектора экономики в сектор услуг, а это в свою очередь привлекает в край трудовых мигрантов.

В Ставропольском крае более половины работников заняты в частном секторе (59 %), где особенно востребованы трудовые мигранты. В государственном секторе трудится менее трети занятых (31 %). Доля занятых на предприятиях и в учреждениях смешанной формы собственности составляет 5 %, с участием иностранного капитала – 4 %, в общественных организациях – 1 %. Такая структура занятости характерна и для других субъектов Северного Кавказа.

Проблема занятости во многом решается с помощью самозанятости и трудовой миграции, так как наблюдаются существенная

разница между спросом и предложением рабочей силы, массовая неполная занятость и скрытая безработица. Все больше экономически активных жителей Ставрополя ищет работу самостоятельно, увеличивая трудовую мобильность или ориентируясь на малый бизнес¹.

Считается, что рынок труда и миграция находятся в определенном взаимодействии. С одной стороны, насыщенность рынка труда, его география, соотношение спроса и предложения на отдельные виды труда — одни из важнейших факторов миграции населения. С другой стороны, мигранты трудоспособного возраста принимают участие в формировании производственного потенциала территорий, создавая конкуренцию на местном рынке труда.

Так, около половины рабочих мест, занятых мигрантами, уже можно считать чисто мигрантскими, т.е. «зарезервированными» за мигрантами на долгие годы. Традиционно сферами занятости трудовых мигрантов были и остаются сельское хозяйство, промышленность (в частности, пищевая), коммерция, торговля. Например, мигранты — армяне и азербайджанцы заняли «ниши» в торговле, обслуживании, т.е. в сферах, где вращаются «живые» деньги, что позволяет им повысить свой социальный статус и материальный уровень. Однако именно это создает почву для ухудшения межнациональных отношений².

Усиление социальной напряженности на рынке труда наблюдается из-за лучшей адаптации значительной части мигрантов — представителей других национальностей по сравнению с постоянным населением, в том числе русским, к изменяющимся экономическим условиям.

Сегодня отмечают изменения в сфере занятости трудовых мигрантов. По официальным данным, в структуре занятости иностранных работников, трудившихся на территории края в 1-м полугодии 2007 г., основными привлекательными для них отраслями являются: строительство, промышленность, сельское хозяйство. Ситуацию в сфере розничной торговли изменило Постановление

---

¹ См.: Яков А.В. Экономическая оценка функционирования рынка труда Ставропольского края. Пятигорск, 2006. С. 12–15.

² См.: Материалы Международного исследования «Принудительный труд в современной России. Нерегулируемая миграция и торговля людьми», проводится в рамках Целевой программы борьбы с принудительным трудом МОТ, которая охватывает Великобританию, Францию, Германию, Венгрию и Турцию. Российская часть исследования выполнена на материалах Москвы, Ставрополя и Омской области.

Правительства РФ от 15 ноября 2006 г. № 683 «Об установлении на 2007 год допустимой доли иностранных работников, используемых хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность в сфере розничной торговли, на территории Российской Федерации», которое ограничивает число иностранных работников, занятых в ней. В связи с этим наблюдается отток трудовых мигрантов из сферы розничной торговли в другие отрасли экономики (строительство, оптовая торговля, производство непродовольственных товаров).

В то же время, предоставляя сравнительно дешевые услуги, трудовые мигранты включаются в обслуживание потребностей нарождающегося в России среднего класса (домашние услуги, строительные работы и т.д.). По данным Управления миграционной службы России по Ставропольскому краю, в 2005 г. и первой половине 2006 г. основными сферами занятости трудовых мигрантов была коммерческая деятельность, куда входит сфера обслуживания (домашние услуги, уборка территории, ремонт бытовой техники, пищевой сектор) – 59,9 %, строительство – 27,9 %, сельское хозяйство – 5,3 %, промышленность – 1,8 %.

Таким образом, экономические особенности принимающего региона обеспечивают возможность достижения главной цели мигрантов – лучшего заработка, а при постоянной востребованности их труда – и роста материального благосостояния мигрантских семей. Востребованность повышает конкурентоспособность мигрантов по сравнению с коренными жителями и развивает рынок. Однако это ведет к усилению конфликтности между ними и, как следствие, к росту негативных последствий трудовой миграции.

В *социально-психологическом аспекте* особенностью края является то, что местное население неоднозначно относится к этносоциальным общинам мигрантов и, несмотря на длительный «мигрантский опыт», в современных условиях воспринимает их как обособленное, чуждое и несущее потенциальную опасность в общество: «занимают наши рабочие места», «насаждают чужую культуру», «разлагают молодежь» и т.п. По данным исследования социального самочувствия жителей Юга России, проведенного в 2006 г., более 30 % опрошенных считают мигрантов угрозой для их спокойствия¹.

¹ См.: Программа фундаментальных исследований Президиума РАН «Адаптация населения Юга России к современным трансформациям».

Растущая конкуренция на рынке труда, обострение социального неравенства и сложная социально-демографическая ситуация – все это усиливает мигрантофобию. Бытующее еще с советских времен негативное отношение к «торгашам» переносится на мигрантов, в частности на выходцев с Кавказа, которые традиционно занимаются мелким бизнесом, торговлей на рынках и т.п.

В сознании местного населения укоренилось представление о мигрантах, как о рабочей силе, которую можно и должно использовать на самых тяжелых, грязных и трудоемких работах. Однако мигранты готовы смириться со всеми этими отрицательными моментами, так как их привлекает возможность удовлетворения своих материально-экономических потребностей, что является самоцелью их деятельности.

Характеристика Ставропольского края как региона, принимающего трудовых мигрантов, требует оценки социального самочувствия местных жителей, поскольку мигранты постоянно сталкиваются и взаимодействуют с теми, с кем они живут рядом в новом сообществе.

Уже отмечалось, что основная часть участников опроса не удовлетворена своим материальным положением. Однако они ищут возможности изменить свое материальное положение к лучшему (43,0 % используют для этого постоянные подработки и ведут подсобное хозяйство 27,8 %).

В сфере труда и занятости подавляющее большинство (69,0 % опрошенных) относит себя к категории постоянно работающих. При этом 41,6 % респондентов считают, что не могут потерять уже имеющуюся работу, хотя остальные либо затрудняются ответить (20,9 %) либо считают, что скорее всего потеряют работу (17,9 %). Такое мнение о возможностях работы полностью совпадает с выдвинутым предположением о том, что переселенцы рассчитывают главным образом на свои силы. Многих не устраивает уровень заработной платы (59,2 %), в результате чего у 42,5 % опрошенных есть потребность и желание сменить работу, но при этом 20 % указали, что вариантов нет, подтверждая тенденцию личностной психологической неудовлетворенности.

Ответы на вопрос о том, равны ли в своих правах и возможностях все народы, проживающие на территории края, разделились практически поровну: 41,6 % считают, что все народы имеют равные возможности, и 40,5 % придерживаются мнения, что возможности разных народов неодинаковы. В повседневной жизни, по

мнению 61,5 % опрошенных, важна национальность, она влияет на характер взаимоотношений, поведение.

Конечно, пессимистические взгляды местного населения принимающего региона на межнациональные взаимоотношения не могут не создать негативного морально-психологического климата для трудовых мигрантов – представителей разных этносов. Об этом свидетельствуют ответы на вопрос об уверенности в завтрашнем дне: 48,5 % не в полной мере уверены в завтрашнем дне и 24,6 % совсем не уверены. Для 90 % респондентов основой душевного спокойствия являются семья и близкие. Среди положительных эмоций преобладает прилив энергии, но время от времени – 77,3 %.

Принимая во внимание негативные характеристики социального самочувствия коренных жителей, можно предположить, что взаимовлияние состояния социального самочувствия трудовых мигрантов и местных может усиливать негативные стороны его взаимных характеристик, отражать скрытый конфликт. В то же время есть предпосылки того, что позитивные аспекты социального самочувствия могут усиливаться в неформальной среде.

При рассмотрении принимающего региона в контексте трудовой миграции важно подчеркнуть, что при различии приоритетов у разных групп мигрантов можно выделить характерные для всех причины; в первую очередь это причины въезда.

В исследовании все причины переезда с целью занятия трудовой деятельностью на территории Ставропольского края были подразделены на экономические, социокультурные, геополитические, географические и психологические (табл. 3.1). Как видим, людей в край привлекают в основном экономические причины: 15 % выразили мнение, что на Ставрополье легче трудоустроиться, чем в других регионах России, для 48,6 % причиной въезда названа возможность лучшего заработка. Кроме того, такая же доля опрошенных имеет в крае родственников (48,0 %), что явилось для них решающим в выборе места трудовой миграции. Для 13 % опрошенных важным является знание местной культуры, а также наличие в Ставропольском крае национальной диаспоры (11 %). Геополитические причины – близость Ставропольского края к границам государства выхода – привлекает почти каждого пятого въехавшего в край (19,1 %). Выделяются также причины психологического характера, в частности «все ехали», что стало основанием для выезда 1,2 % опрошенных.

Т а б л и ц а 3.1. Причины переезда мигрантов с целью занятия трудовой деятельностью на территории Ставропольского края, %

Причина въезда в край	%	Причины переезда
Возможность заработать больше, чем в других регионах России	48,6	Экономические
Легче трудоустроиться, чем в других регионах России	15,0	
Имею родственников	48,0	Социокультурные
Знаком с местной культурой	13,3	
Наличие в Ставропольском крае национальной диаспоры	11,0	
Близость Ставропольского края к границам Вашего государства	19,1	Геополитические
Благоприятные климатические условия	8,7	Географические
Все сюда ехали, может, останусь жить	1,2	Психологические

Систематизация особенностей Ставрополя как принимающего региона, влияющих на состояние социального самочувствия трудовых мигрантов, позволяет выделить позитивные и негативные факторы, а также факторы развития региона, которые привносят трудовые мигранты.

Подведем некоторые и т о г и:

1. В крае имеются факторы стимулирования трудовой миграции: тенденции ухудшения демографической ситуации, снижение доли трудоспособного населения, большая привлекательность регионов Юга России для рабочей силы, традиционно сложившиеся мигрантские «ниши» на рынке труда и востребованность на региональном рынке труда в перспективе.
2. Благоприятный для жизни и хозяйствования климат, приграничность расположения, миграционные традиции, сформировавшие основу взаимодействия культур, создают положительные предпосылки для надежд мигрантов на улучшение жизни, решение проблем, с которыми они прибывают в край.
3. Востребованность мигрантов рынком труда в крае повышает их конкурентоспособность по сравнению с коренными жителями и развивает рынок, стимулирует позитивное состояние социального самочувствия трудовых мигрантов вследствие возможностей достижения лучшего заработка.

4. Схожесть обычаев и традиций коренных жителей и части трудовых мигрантов способствует формированию позитивного самочувствия последних, так как многие из них оказываются в знакомой культурной среде.
5. Правовое поле трудовых мигрантов как наиболее значимая сфера миграции не содержит достаточных оснований для благоприятного положения трудового мигранта и использования его потенциала в интересах развития края.
6. Несмотря на вековой «мигрантский опыт», в современных условиях местное население неоднозначно относится к этносоциальным общинам мигрантов, воспринимая их как обособленное, чуждое и несущее потенциальную опасность в сообщество.
7. Создающиеся на рынке труда «мигрантские ниши», повышенная адаптивность и слабость механизмов миграционной политики усиливают социальную напряженность на рынке труда, конфликтное взаимодействие, формируют признаки негативного и граничащего с ним состояний социального самочувствия.
8. Трудовые мигранты обслуживают потребности нарождающегося в России среднего класса.
9. Трудовые мигранты участвуют в формировании гендерного баланса региона.
10. Создавая конкуренцию на рынке труда, трудовые мигранты развивают его неформальную сферу.
11. Степень влияния перечисленных факторов на социальное самочувствие трудовых мигрантов наиболее полно раскрывается в формировании типичных черт изучаемой категории населения в условиях принимающего региона.

3.2. Социокультурный портрет трудового мигранта Ставрополя

Являясь альтернативной сферой занятости и осуществляясь за счет самодеятельности населения, трудовая миграция разрушает стереотипы социального поведения, формирует стратегии личностных изменений, влияет на состояние социального самочувствия включенных в миграционный процесс трудовых мигрантов и определяет их типизацию.

Трудовой мигрант, взаимодействуя с окружением, выступает как активный субъект не только миграционного процесса, но и

трудовых, социальных отношений, которые являются для него инновационными на территории приема и требуют соответствующих ресурсов, адаптационных стратегий и энергии. На территории трудовой миграции пополняется и качественно формируется категория населения, именуемая трудящимися (трудовыми) мигрантами. Анализ специфических черт данной категории по эмпирически проверяемым признакам дает представление о совокупном портрете трудового мигранта.

В портрете трудового мигранта актуализируется представление социальных качеств личности, реальных и идеальных образцов, которые позволяют мигранту строить свои профессиональные и жизненные стратегии; в нем отражаются характерные состояния социального самочувствия в новой среде.

Разработка социокультурного портрета основывается на описании типичных качеств личности, отражающем культурные и социальные характеристики: а) культурные — ценности, нормы, интересы, потребности индивидов и социальной группы в целом; б) социальные — отношения, взаимодействия, статусы, роли индивидов¹. Исходя из этого, в исследование портретных черт были включены мотивационные и ценностные характеристики, значимые цели, установки трудовых мигрантов, особенности их социально-трудовых и правовых отношений и т.д. Указанные социальные характеристики выделяются на основе диспозиционной структуры регуляции социального поведения личности (В.А. Ядов). Иерархические системы данной структуры определены «уровнем включения личности в различные сферы социального общения, социальной деятельности и представляют собой иерархию внешних и внутренних факторов, определяющих состояние готовности индивида к тому или иному поведению, социальную активность личности в зависимости от степени и уровня ее включенности в систему общественных отношений»².

К числу наиболее важных «портретных» характеристик личности относятся мотивационно-потребностные, так как именно они «объясняют» результирование отношений между объективными факторами существования индивида и его субъективными по-

¹ См.: *Лапин Н.И.* Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. 2000. № 3. С. 45.

² *Ядов В.А.* О диспозиционной регуляции социального поведения // Методология проблемной социальной психологии. М., 1975. С. 89–105.

требностями; у трудовых мигрантов – это сам факт перемещения в другой регион.

Непосредственной причиной миграции выступают противоречия между уровнем развития личности, ее потребностями и возможностями, с одной стороны, и условиями их удовлетворения – с другой¹. Потенциальный трудовой мигрант постепенно приходит к убеждению, что разрешить это противоречие он может, лишь «перешагнув через государственную границу».

Особое значение имеют два важнейших, объективных по своей природе регулятора миграционного поведения – среда и социальные нормы, опосредующие процесс принятия миграционных решений на индивидуальном уровне.

Становясь трудовыми мигрантами, большинство людей руководствуется одной из двух главных целевых установок. Для одних главной целью переезда являются чисто профессиональные интересы, а само перемещение служит только средством их осуществления, т.е. здесь действует потребность в профессиональной реализации, без удовлетворения которой проблематично надежное обеспечение персонального статуса и личного достоинства, что диктует смену места приложения труда и жительства.

Альтернативный вариант представляется как стремление к удовлетворению потребностей в комплексе лучших жизненных условий, в расширении и укреплении индивидуальной экономической безопасности. В этом случае мигрант в первую очередь оценивает различия в уровнях социально-экономического развития регионов выбытия и прибытия. Главная цель – сам переезд в другую страну, новая работа – лишь средство к существованию.

Проявление обеих стратегий у трудовых мигрантов подтверждаются результатами нашего опроса. Отвечая на вопрос, что побудило их искать работу за пределами страны, республики, края, области, более половины (57,8 %) опрошенных респондентов подчеркнули: «желание больше заработать». Но такая причина явилась не единственной: 22,4 % отметили также потребность найти желаемую работу и самореализоваться; 17,3 % – сменить обстановку, лишь 4 % поступили «за компанию, как все».

Рассматривая экономический мотив как главный по большинству отметивших позицию необходимости улучшения жизненных условий, следует подчеркнуть, что степень вынужденно-

¹ См.: Замысловский И. В. К новой парадигме рынка труда // Вопросы экономики. 1997. № 2.

сти не представляет остроты, исключая жесткую необходимость «заработка на стороне» как мотив, характерный, например, для вынужденных переселенцев постсоветского периода¹.

Это подтверждается тем, что большинство опрошенных трудовых мигрантов относят себя и свои семьи к среднеобеспеченным (65,3 %) и даже высокообеспеченным (4,6 %). Низкообеспеченные семьи представлены в меньшей степени, что отражено на рис. 3.1.

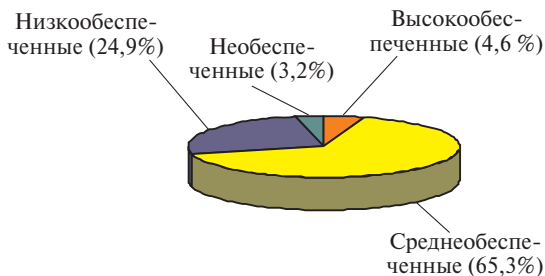

Рис. 3.1. Уровень материальной обеспеченности семей трудовых мигрантов

Отсутствие жесткой связи перемещения мигрантов с экономической мотивацией подтверждают другие исследования. Исследования социального самочувствия мигрантов в Центральном (ЦФО) и Северо-Западном (СЗФО) федеральных округах указывают на целый комплекс мотивов (табл. 3.2)².

Т а б л и ц а 3.2. Мотивы приезда в другой населенный пункт, %

Причина приезда	ЦФО	Место	СЗФО	Место
В связи с учебой	25,1	3	21,7	5
Перемена места работы	32,7	1	42,0	1
Проблемы с работой	15,5	6	15,9	6
Плохие экологические условия	13,2	7	13,0	8
Криминальная обстановка	10,5	10	7,2	10

¹ См.: Керештиева Р.Ф., Шогенов З.А. Современные миграционные процессы // Расселение, этнокультурная мозаика, геополитика и безопасность горных стран: Тезисы Международной конференции. Ставрополь, 2001. С. 13.

² См.: Юдина Т.Н. Социальное самочувствие мигрантов, проживающих в Центральном и Северо-Западном федеральном округах. М., 2006.

Причина приезда	ЦФО	Место	СЗФО	Место
Нежелание жить в селе (городе)	17,1	5	23,2	4
Семейные обстоятельства	30,2	2	30,4	2
Необходимость выбора гражданства	3,7	12	1,4	12
Проблема с жильем	10,6	9	10,0	9
Отсутствие перспектив нормальной жизни	21,3	4	24,6	3
Национально-религиозная неприязнь окружающих	4,8	11	4,3	11
Иная причина	12,5	8	14,5	7

На мотив, связанный с переменной работы, указали 32,7 % респондентов в ЦФО и 42 % в СЗФО. Семейные обстоятельства – вторая по значимости причина приезда, которую назвал каждый третий респондент в обоих округах. На третьем месте в ЦФО указан приезд на учебу, о чем заявил каждый четвертый опрошенный. В СЗФО превалирует скорее социально-психологический мотив – отсутствие перспектив нормальной жизни на прежнем месте пребывания: на эту причину указал каждый четвертый. Заметим, что последняя причина была названа также каждым пятым трудовым мигрантом, приехавшим работать на территорию ЦФО.

Таким образом, мотивационная сфера отражает характерные черты трудового мигранта; наиболее типичным мотивом выступает смена места жительства в связи с поиском другой работы в надежде на решение проблем качества жизни (доход, возможности самореализации и т.д.).

Правовая культура отражает отношение мигрантов к закону, участие в регулировании правовых отношений и реализуется в правовом поле принимающего региона. Она входит в число наиболее существенных черт трудового мигранта, влияющих на состояние социального самочувствия, поскольку мигрант вступает в систему сложных и специфических правовых отношений.

В ответах на вопрос «Каково Ваше отношение к закону?» выяснилось, что только 49,7 % считают, что закон надо соблюдать всегда; 37,6 % полагают, что это надо делать, если закон справедлив; по мнению 6,9 %, закон соблюдать надо, если это не мешает реализации личных интересов; 5,8 % затруднились ответить. Очевидно, на формирование подобных установок, кроме других при-

чин, влияет то, что мигрантам приходится сталкиваться с нарушением трудовых прав; на это прямо указали 48,6 % опрошенных, а 24,6 % затруднились дать ответ или не ответили вовсе. Для реализации прав трудовых мигрантов необходимо преодолеть коррупцию и взяточничество (98 % респондентов).

Так или иначе, если вести речь о законопослушании граждан в регионе приема, то можно рассчитывать лишь на ту половину мигрантов, для которой закон обязателен вне зависимости от обстоятельств. С учетом мнения другой, значительной части опрошенных, где имеются оговорки по части выполнения ими законодательства, можно сделать вывод об уязвимости мигрантов в правовых отношениях, вызванной как объективными, так и субъективными причинами. Проявление этого становится еще более очевидным, когда 14,5 % опрошенных высказывают мнение о том, что права нации выше прав человека, а 13,3 % затруднились с ответом; правда, 67,6 % так не думают, отдавая предпочтение закону.

Примечательно, что значительная часть опрошенных нами мигрантов в месте их нового пребывания предпочитают руководствоваться моральными нормами. На вопрос «Что лежит в основе Вашего поведения в месте пребывания?» около 40 % (39,3 %) назвали нормы общечеловеческой морали. Очевидно, это диктуется необходимостью и рациональностью, связанной с многообразием культур, которые представлены в мигрантской среде.

Таким образом, правовые установки трудового мигранта не однозначны, что, возможно, вызвано негативным опытом правовых отношений и особенностями мировоззрения. На этом фоне предпочтение отдается нормам морали.

В выборке нашего исследования трудовые мигранты представляют 28 территорий ближнего и дальнего зарубежья, что отражает их многонациональный состав: 24,3 % – жители Армении, 14,5 % – Турции, 10,4 % – Украины, 9,8 % – Азербайджана, 7,5 % – Китая, 5,2 % – Израиля, 4 % – Узбекистана, 3,5 % – Грузии и т.д. Основными характеристиками, которые свойственны им как представителям разных народов, является приверженность своей национальности, а также открытость для межкультурного взаимодействия.

Подавляющее большинство респондентов (79,8 %) гордится своей национальностью, 67,7 % считают, что все нации равны в своих правах и обязанностях, и 61,8 % придерживаются мнения, что не существует плохих или хороших наций. Среди трудовых мигрантов есть и другая (меньшая) часть – те, кто не испытывает осо-

бого патриотизма в отношении своей национальности (9,8 %) и не думал об этом (10 %); 21 % испытывают чувство стыда за свою национальность и 22 % затруднились ответить. Можно высказать предположение о культурной маргинализации, имеющей место в характеристике совокупного образа трудовых мигрантов. Это рассматривается как в определенной мере необходимое качество, обеспечивающее гибкость социокультурных стратегий мигрантов.

Несмотря на достаточно широкое представительство этносов в исследуемой группе, бо́льшая часть мигрантов считает позитивными свои отношения в новом социуме с другими работниками-мигрантами (75,7 %) и местными жителями (81,5 %). Можно предположить, что этому способствуют:

- ◇ открытая стратегия мигрантов во взаимодействии и общении, основанная на восприятии людей другой культуры при сохранении своей. По данным нашего опроса, 43,4 % респондентов следуют образу жизни своего этноса, 60,1 % учитывают образ жизни другого этноса. Около 40 % респондентов считают, что в повседневной жизни национальность не имеет значения, и лишь 3,5 % с раздражением относятся к людям другой культуры;
- ◇ знакомство с традициями, обычаями, которые присущи населению принимающей страны, на что указали 31,2 %. Как уже отмечалось, свыше 40 % (41,6 %) опрошенных указывают на знание русского языка, которым в той или иной мере владеют и пользуются в процессе общения.

На основании данных о мотивах трудового мигранта, о культурных основах его взаимодействия в ходе поиска заработка на чужих рынках можно выделить ценностный (ценностно-мотивационный) комплекс, или сочетание ценностей как реализуемых целей¹, исходя из того, что ценности определяют наиболее устойчивые, глубинные установки, ценностные ориентации трудовых мигрантов. Именно ценностные ориентации в значительной степени ответственны за поведение человека, за тот или иной выбор конкретных жизненных стратегий. Вместе с тем определенная структура ценностного комплекса и ориентации личности заметно влияют на поведение в конкретной ситуации, пронизывая и обуславливая все другие «этажи» личностной структуры, включая социальное самочувствие². Осмысление мотиваций обследуемых

¹ См.: *Ионин Л.Г.* Социология культуры. М., 1996. С. 73.

² См.: *Готлиб А.С.* Введение в социологические исследования: качественные и количественный подходы. М., 2005. С. 173.

нами мигрантов позволило выявить такой необходимый комплекс, включающий ценности семьи, права, труда, трудовой деятельности, социальных сетей и другие, различающиеся по мере значимости для разных категорий мигрантов (семейных/несемейных, молодых/пожилых и т.д.).

Анализ мотивационно-ценностного комплекса следует начать с семьи, так как именно она является его мотивационным ядром и играет важную роль в жизни трудовых мигрантов. Среди опрошенных трудовых мигрантов 53,8 % имеют семью, 39,9 % из них прибыли в край с семьей, 7,5 % состоят в разводе и 38,7 % холосты (рис. 3.2).

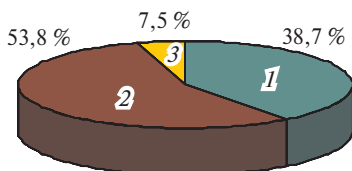

Рис. 3.2. Семейное положение трудовых мигрантов:
1 – холост, 2 – женат, 3 – в разводе

Анализ данных опроса, касающихся семейного положения, говорит о том, что люди целенаправленно включаются в трудовую миграцию, чтобы улучшить материальное положение семьи. Более 58,4 % имеют детей, 24,3 % воспитывают двух детей, 15 % – трех; 23,7 % отметили, что их побудило к миграции именно желание дать образование детям, сделать его более доступным согласно потребностям.

Семья, родственные связи составляют ценность и в другом аспекте, на что указывают исследования трудовой миграции Н.А. Зотовой¹. Более половины (57 %) респондентов из Алма-Аты имеют взрослых детей, родителей или других родственников, которым оказывают регулярную (22 %) или эпизодическую материальную помощь, а 9 % фактически содержат родных. Эти данные сопоставимы с результатами исследования по Карагандинской области: здесь 44,5 % респондентов имеют на иждивении родственников, фактически их содержат 11,8 %, регулярно или эпизодически помогают 12,7 % и 20 % соответственно. Часть алма-атинских респондентов помогали детям и другим родственникам найти работу на выезде (16 %), открыть свой бизнес (13 %); в Карагандинской области 14,5 %. Данные характеристики говорят

¹ См.: Зотова Н.А. Указ. соч.

о трудовой миграции как о перспективной и доходной форме занятости во многом ради семьи и при использовании семейных и личных ресурсов мигранта.

По данным нашего опроса, в случае необходимости большинство трудовых мигрантов, как правило, обращаются к родственникам и знакомым (50,9 %). Можно утверждать, что кровно-родственные связи, лежащие в основе формирования социальных сетей, для мигрантов представляют самостоятельную ценность.

Среди черт, составляющих портрет трудового мигранта, выделяются и те, которые отражают ценности как ресурсы и возможности трудовых мигрантов. Одной из главных здесь является образование.

Трудовые мигранты объективно представляют собой не только наиболее активное (подвижное) население, но и образованное. Как уже отмечалось, большинство трудовых мигрантов имеют профессиональное образование. В выборке нашего исследования среднее специальное образование у 33 % (соответственно 36,4 % мужчин и 28,9 % женщин), высшее, неоконченное высшее и ученая степень у 30 %, среднее образование имеют 30 %, неоконченное среднее – только 6 %, лица без образования составляют всего 1 %. Таким образом, большинство опрошенных имеет высшее и среднее специальное образование (76,9 %), что отражено на рис. 3.3).

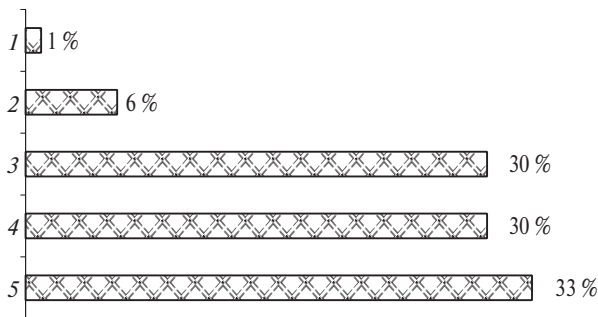

Рис. 3.3. Уровень образования трудовых мигрантов:

1 – нет образования; 2 – неоконченное среднее; 3 – среднее; 4 – высшее;
5 – среднее специальное

На высокий образовательный уровень трудовых мигрантов указывает в своем исследовании Т.Н. Юдина¹. Отметив, что толь-

¹ Юдина Т.Н. Указ. соч.

ко 12 % трудовых мигрантов имеют общее полное среднее образование, она выделила зависимость возможности более удачного распоряжения своим образовательным потенциалом от периода въезда: приехавшие после 2000 г. имели больше возможностей трудоустроиться по своей специальности. Следует отметить, что для мигрантов, приехавших после 2002 г., характерна некая эйфория в отношении самооценки уровня своей квалификации: никто из опрошенных не ответил, что уровень его квалификации не соответствует требованиям на новом месте работы.

Анализируя данные представленных исследований, можно сделать заключение, что образование представляет собой значимый ресурс и ценность в миграционном процессе.

Труд, трудовая деятельность — особая ценность и другой значимый ресурс; ему мигранты посвящают практически все свое время, оставляя вне поля интересов другие способы провести время. На вопрос «На что Вам жалко потратить время?» мигранты дали следующие ответы: на участие в государственных праздниках — 42,8 %, участие в традиционных религиозных праздниках — 18,5 %, времяпрепровождение в «теплой» компании — 11,0 %, участие в общественной, благотворительной работе — 8,7 %, хобби — 4,6 %, занятия с семьей, детьми, друзьями — по 2,3 %.

О сфокусированности внимания мигрантов на трудовой деятельности говорит и их нагрузка. 19,7 % опрошенных нами трудовых мигрантов работают с максимальной нагрузкой, 7,5 % — с предельной, 59,5 % — с нормальной, 1,7 % — с минимальной, 11 % затруднились ответить. Около 30 % ответили, что будут работать лучше при определенных условиях: при повышении заработной платы; при занятости работой по специальности. Все это говорит о том, что трудовая деятельность является основной и существенной чертой трудовой миграции.

Результаты обследования показывают, что для мигрантов, приехавших работать на новую территорию как недавно, так и более 5 лет назад, основными сферами деятельности являются промышленность, строительство и транспорт, хотя в первый год после приезда многие пробовали заниматься торговлей, а некоторые — сельским хозяйством (18,2 %).

По данным нашего исследования, для всех категорий опрошенных мигрантов сфера занятости представлена следующим образом: строительство (31,8 %), торговля (24,3 %), промышленность (15,6 %); в числе другого лидирует здравоохранение (рис. 3.4).

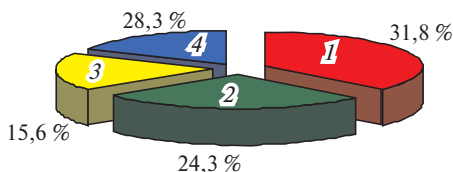

Рис. 3.4. Сферы занятости трудовых мигрантов:

1 – строительство; 2 – торговля; 3 – промышленность; 4 – другое

Таким образом, в профессиональном отношении трудовые мигранты представляют собой многоплановую группу, они довольно дисперсно располагаются на трудовых рынках. Однако у 39,9 % наших респондентов не полностью оправдались ожидания в применении своих профессиональных знаний, и сейчас их занятость не совсем соответствует образованию; 27,7 % отметили, что их работа совсем не соответствует образованию; лишь 23,7 % сообщили, что их образование и сфера занятости полностью совпадают.

Исследователи указывают, что такое соответствие сохраняется сравнительно недолго. Как правило, каждый четвертый-пятый мигрант к 5-му году занятия трудовой деятельностью на выезде утверждал, что его работа полностью не отвечает его уровню квалификации; столько же ответили, что их работа скорее не соответствует их уровню квалификации¹.

В нашем исследовании 65,9 % относят себя к категории постоянно работающих и только 30,1 % работают от случая к случаю.

Категории мигрантов, занятых на рынке труда, %

Постоянно работающий	65,9
Работающий от случая к случаю	30,1
Другое	2,9
Временно работающий	1,6
Ищу работу по специальности	1,2
Не работаю	0,6

Имея различный характер занятости: постоянная работа и случайная работа, большая часть трудовых мигрантов (76,3 %) осуществляют свою трудовую деятельность на рабочих должностях:

Должностная иерархия трудовых мигрантов, %

Административная	9,2
Инженерная	9,8
Рабочая	76,3
Другое	2,9

¹ См.: Юдина Т.Н. Указ. соч.

Соответствие сферы занятости и профиля образования представляет один из путей в достижении целей трудовых мигрантов. Однако чтобы найти работу и утвердиться на рынке труда, необходимы здоровье и соответствующий возраст, что в известной степени составляет ресурс и ценность в условиях трудовой миграции. Оптимальным для миграции считается молодой и зрелый возраст от 30 до 55–60 лет, так как в этот период жизни индивид владеет стратегиями адаптации, направленными и на сохранение самостоятельности, и на освоение новой социальной среды, усваивая ее традиции и правила жизни¹. Иначе говоря, благоприятным можно считать возраст, предполагающий наличие хорошего здоровья, социального (профессионального) опыта и гибкость в социальном взаимодействии в противовес устойчивым стереотипам. В нашем исследовании возраст трудового мигранта смещен в сторону молодого. Респонденты от 20 до 25 лет составляют 32,9 %; 35 % от 25 до 35 лет, 16,8 % от 35 до 44 лет, 12,1 % старше 44. Согласно данным Федеральной миграционной службы России по Ставропольскому краю, средний возраст трудового мигранта составляет примерно 34 года, при этом женщины в среднем моложе, чем мужчины (соответственно 30 лет и 34 года)². Это именно тот возраст, который считается наиболее благоприятным для трудовой миграции.

Состояние здоровья, свойственное людям данного возраста, оценивается опрошенными так: 32,4 % говорят об отличном здоровье, 59,5 % – об удовлетворительном, лишь 6,3 % считают его плохим и имеют инвалидность.

Однако, как показали результаты опроса, данные ресурсные ценности плохо поддерживаются в мигрантской среде. Более трети опрошенных нами мигрантов практически не отдыхают, что противоречит тезису о ценности здоровья и здорового образа жизни как таковому. Около 30 % опрошенных указывают на то, что они испытывают наибольшие трудности с медицинским обслуживанием, в котором нуждаются. Этот показатель – один из значительных после трудностей в открытии своего дела – 38,8 % и в устройстве на работу по специальности – 33,5 %. Только 8,7 % опрошенных полностью удовлетворены медицинским обслуживанием; остальные не удовлетворены, указывая на его доро-

¹ См.: Колесникова И.А. Основы андрагогики. М., 2002. С. 45.

² См.: Аналитический отчет, характеризующий миграционную ситуацию в Ставропольском крае на 01.06.07. Ставрополь, 2007. С. 56.

говизну и неквалифицированную работу медиков. Данные пропорции распространяются как на мужчин, так и на женщин (рис. 3.5).

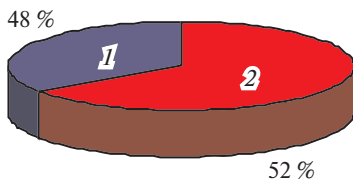

Рис. 3.5. Гендерный состав трудовых мигрантов:
1 – женщины; 2 – мужчины

Несмотря на то что женщины всегда составляли часть мигрантов, они не достигали собственно статуса трудового мигранта, перемещаясь с семьей, но сегодня их миграционные перемещения стали самостоятельными, что нашло отражение в исследованиях. На долю женщин в общем числе трудовых мигрантов приходится 48 %¹ (рис. 3.5). Такой гендерный состав говорит о том, что мужчины, возможно, более мобильны и не так обременены бытовыми проблемами, как женщины, которые редко решаются оставить привычный образ жизни и уехать на поиски лучшей работы.

Важной характеристикой портрета трудового мигранта, дополняющей социокультурные черты, являются удовлетворенность своим пребыванием в крае и дальнейшие планы, которые связаны с оправданностью ожиданий, степенью адаптированности к местным условиям и рынку труда.

Распределение ответов на вопросы о том, насколько оправдались ожидания трудовых мигрантов, каковы их дальнейшие планы, дано ниже:

*Степень удовлетворенности трудоустройством
на территории Ставропольского края, %*

Да, оправдались	33,5
Не совсем оправдались	43,9
Нет, не оправдались	9,2
Трудно сказать	12,7

Немногим более трети (33,5 %) отметили удовлетворенность, связанную с оправданностью ожиданий. В ответах респондентов

¹ См.: Хасбулатова О.А. Социальное самочувствие мигрантов – женщин и мужчин в средних городах России // www.lib.socio.msu.ru.

доминирует позиция «ожидания не совсем оправдались». Относительная удовлетворенность трудоустройством сказалась на позитивном желании остаться жить в том месте, где мигрант работает в данный момент:

<i>Каковы ваши дальнейшие планы на место постоянного жительства, %</i>	
Останусь жить там, где сейчас работаю	45,7
Намерен переехать в другое место в пределах Юга России.	9,2
Хочу переехать в другой регион России	12,7
Не думал об этом	25,4

Значительная доля (45,7 %) трудовых мигрантов хочет остаться жить там, где работает; 25,4 % не думали об этом.

Хотя многие мигранты хотели бы остаться жить постоянно по месту теперешней работы, почти половина (43,9 %) ощущает себя в принимающем регионе «ни своим, ни чужим»:

<i>Степень адаптированности к инновационным условиям, %</i>	
Я здесь чужой	13,9
Я здесь свой	30,1
Ни свой, ни чужой	43,9
Не задумывался об этом.	11,0

Данные проведенного опроса говорят в пользу «выгодного» варианта идентификации и адаптации трудового мигранта, когда в принимающем регионе обогащается его сенсорный, интеллектуальный и социокультурный опыт и сохраняются элементы собственной культуры (культуры страны выезда). В соответствующих случаях он может воспользоваться и тем, и другим.

1. Личность трудового мигранта представляет собой устойчивую совокупность таких социально значимых качеств, как: трудолюбие, целеустремленность, ответственность, обязательность, организованность, психологическая устойчивость, неприхотливость, толерантность. В современных условиях именно эти качества способствуют преодолению трудной жизненной ситуации, позволяют выстоять в жестких рыночных условиях, улучшить свою жизнь и жизнь своих близких.
2. У среднего трудового мигранта довольно надежный личностный ресурс: он имеет производственный опыт, профессиональное образование, преимущественно среднее специальное; он молодого или среднего возраста с хорошим здоровьем.

3. Социокультурный портрет трудового мигранта отражает мотивационно-ценностный комплекс, выделяемый с учетом данных о мотивах его личности, или сочетание мотивированных ценностей как реализуемых целей в процессе трудовой миграции. Ценностный комплекс включает такие типичные и необходимые ценности, как семья, право, труд, трудовая деятельность, кровнородственные социальные сети и другие, различающиеся по значимости для разных категорий мигрантов (семейных/несемейных, молодых/пожилых и т.д.).

3.3. Социальное самочувствие трудовых мигрантов в различных сферах принимающего региона

Сложность вопросов трудовой миграции предполагает осмысление неразрывности культурных и социальных свойств социума принимающего сообщества. Целостность социокультурного пространства существует благодаря взаимодействию ценностей, норм, интересов, потребностей индивидов и социальных групп с действующими статусами, социальными институтами и их функциями¹. Природа исследуемой социокультурной реальности подтверждает взаимообусловленность культурных и социальных детерминант. По отношению к социальному объекту социокультурная реальность выступает как культурное пространство его жизнедеятельности, самосуществования и в качестве культурно-исторического фактора². Структурная сложность социокультурной реальности обусловлена наличием изменяющихся культурных форм и моделей, социальных процессов и явлений, личностных преобразований, которые касаются всех взаимодействующих субъектов и акторов.

Мера достижения целей и смысл пребывания трудовых мигрантов в новой социокультурной среде отражается их социальным самочувствием, включая ощущения и оценки в процессе адаптации в различных сферах жизнедеятельности.

---

¹ См.: *Лапин Н.И.* Кризисный социум в контексте социокультурных трансформаций // Мир России. Социология. Этнология. 2000. № 3. С. 45.

² См.: *Яблокова Н.И.* Социальный субъект: генезис, сущность и факторы становления. М., 1999. С. 207.

Анализ социального самочувствия в процессе трудовой миграции сосредоточивается на приоритетных для статуса трудового мигранта сферах. Собственно социокультурная сфера отражает (как необходимые) удовлетворенность и отношения, связанные с нормативно-правовой стороной жизни в социуме и межкультурными взаимодействиями. Социальное самочувствие в выделенных сферах находит отражение в психоэмоциональном состоянии личности.

В социально-трудовой сфере проявляются оценки и отношения мигранта к своему положению на рынке труда, его взаимоотношения в трудовом коллективе, удовлетворенность условиями труда и его оплатой и т.д. Трудовая сфера имеет прямую взаимосвязь с удовлетворенностью/неудовлетворенностью уровнем благополучия семьи, решением жилищно-бытовых вопросов и т.д.

В исследовании трудовой миграции на первый план выдвигается сфера социально-трудовых отношений, так как именно эти отношения во многом определяют смысл и результаты работы на «чужой» территории. Это та сфера, в которую мотивированно включаются трудовые мигранты по прибытии и в которой они остаются до конца.

Взаимоотношения в трудовом коллективе, условия труда, его оплата являются важным аспектом формирования мотивации к труду на «чужой» территории. Исследования характера взаимоотношений трудовых мигрантов с работниками из местных жителей и работниками – трудовыми мигрантами между собой, отношение работодателей к работникам-мигрантам показали следующее.

Как отметили 54,3 % респондентов, взаимоотношения между трудовыми мигрантами и работниками из местных жителей в трудовом коллективе хорошие; 27,2 % считают, что они «скорее хорошие, чем плохие» и только 0,6 % назвали их взаимоотношения плохими. Иными словами, отмечаются положительные тенденции во взаимоотношениях. Этому способствуют пролонгированная заинтересованность трудовых мигрантов работать в крае, а также их позитивный настрой на работу, часто на любых условиях.

Взаимоотношения между трудовыми мигрантами как «хорошие» охарактеризовали 45,1 % опрошенных, что ниже, чем в первой группе (отношения между мигрантами и местными), а отношения как «скорее хорошие, чем плохие» отметили 30,6 %. На наш взгляд, это связано с более жесткой конкуренцией в среде трудовых мигрантов, чем с коренными жителями, так как сферы заня-

тости, где работают трудовые мигранты, пользуются наименьшим спросом у коренных жителей.

Полученные данные позволяют сделать вывод, что в целом отношения трудовых мигрантов в коллективе, где они работают, носят положительный характер. Это подтверждается оценками отношения к ним работодателя. Здесь существенным для оценки является положение о наличии или отсутствии разницы в отношении работодателя к работникам из местных жителей и работникам – трудовым мигрантам.

подавляющее большинство опрошенных (71,1 %) отмечает, что не существует разницы в этих отношениях, 13,9 % считают, что работодатели к ним относятся лучше, чем к местным, и 9,8 % оценивают их негативно, т.е. утверждают, что к ним относятся хуже (рис. 3.6).

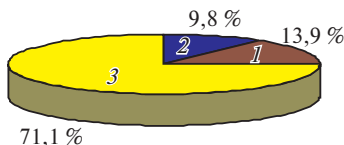

Рис. 3.6. Уровень отношений работодателя к трудовым мигрантам:
1 – ко мне относятся лучше, чем к местным; 2 – ко мне относятся хуже, чем к местным; 3 – нет разницы в отношениях

Таким образом, несмотря на положительные оценки, отмеченные большинством, все-таки 13,9 % указали, что к ним «относятся хуже, чем к местным». Спектр причин здесь, по их оценкам, достаточно широк: «больше работаю, а платят одинаково», «поздно платят», «приоритет по национальному признаку». Из позитивных оценок отмечено: «помогают в работе», «есть чувство благодарности», что иллюстрирует хорошее отношение работодателей к трудовым мигрантам. Возможно, именно этот аргумент является решающим в комплексе оценок мигрантами сферы своей занятости. Многие из них (80,9 %) отмечают, что их устраивает все в сфере занятости, а именно: взаимоотношения с руководством (80,7 %), взаимоотношения с коллегами (86,7 %), условия оплаты (52,6 %), условия труда (41,6 %). Даже нарушение трудовых прав (ненормированный рабочий день, отсутствие социального пакета, неудовлетворительные условия труда, несвоевременная выплата заработной платы и др.) устраивает около 30 % (27,2 %) опрошенных, но не устраивает 48 %. Несмотря на «букет»

неблагоприятных условий, 33,5 % респондентов не собираются менять работу.

Н.А. Зотова конкретизирует причины оценок взаимоотношений в трудовом коллективе. По данным ее исследований, у мигрантов, работающих в одной и той же организации (например, по отделке квартир и офисов) 5 лет и более, хорошие отношения с работодателями, они имеют выходные или могут позволить себе их взять (30 % респондентов). В случае болезни работодатель может оплатить расходы на лечение. В одном случае на работе (стройка, Москва) бесплатно кормят обедом и ужином, график работы нормированный — до 18.00. Подчеркивается, что в выборке ни один из опрошенных не трудоустроен легально. Это относится и к тем, кто занимает достаточно высокооплачиваемую должность в коммерческих организациях. Респонденты дали на соответствующий вопрос следующие ответы: «Зачем светиться, зачем мне и работодателю эти проблемы?» или «Работаю нелегально. Постоянно есть проблемы»¹.

В исследовании Е.Ю. Садовской отмечается, что многие трудовые мигранты не придают большого значения взаимоотношениям на производстве: 68,7 % сообщили, что их не интересует, как к ним относятся, «лишь бы вовремя платили». В то же время 57 % опрошенных считают необходимым комфортный климат в трудовом коллективе, так как это является обязательным условием оптимизации трудовой деятельности (48 %). Также 35,5 % опрошенных считают, что для работодателей нет разницы между своими работниками, кем бы они ни были. (В нашем исследовании вдвое больше — 71,7 %.) Значительная группа трудовых мигрантов (45,6 %) отметила, что работодатель даже больше заинтересован в их услугах, так как они быстро и качественно выполняют свою работу².

Таким образом, по данным приведенных исследований можно сделать вывод, что состояние социального самочувствия в сфере трудовых отношений развивается достаточно динамично, с позитивными приоритетами. Это обусловлено тем, что основные цели трудовых мигрантов — получение максимального дохода, повышение уровня благосостояния семьи, и многие из них не учитывают социальные стороны жизни.

Удовлетворенность доходами от работы на выезде и позитивные изменения в материальном положении — главные достиже-

¹ См.: Зотова Н.А. Указ. соч.

² См.: Садовская Е.Ю. Трудовая миграция, ее перспективы // www.kadis.ru.

ния в трудовой сфере. По данным нашего исследования, размерами своего дохода «скорее удовлетворены» 46,2 % и «полностью удовлетворены» 19,1 %. Материальное положение семьи в связи с трудовой миграцией одного или нескольких членов семьи оценивалось за последние 2–3 года. У 42,2 % наблюдается определенная стабильность, т.е. материальное положение не изменилось; у 30,1 % улучшилось и только у 12,1 % ухудшилось:

Изменение материального положения семьи за последние 2–3 года, %

Лучше.	30,1
Не изменилось	42,2
Хуже	12,1
Затрудняюсь ответить	14,5

Строя планы на будущее, 50,3 % респондентов уверены, что их материальное положение улучшится и финансовое положение семьи в целом изменится в лучшую сторону (68,8 %). Это связано с уверенностью в том, что их заработки увеличатся (43,9 %); только 8,1 % считают, что положение ухудшится.

Как видим, влияние материальной сферы, отражающей уровень благосостояния, на состояние социального самочувствия проявляется достаточно ясно: чем лучше материальное обеспечение трудовых мигрантов, тем лучше их социальное самочувствие. На это указывает и Садовская. По данным ее исследований, работа на выезде изменила к лучшему материальное положение большей части трудовых мигрантов, позволила им решить многие насущные проблемы. Около половины (48 %) мигрантов из Казахстана улучшили, а 8 %, кроме того, «значительно улучшили» свое благосостояние благодаря выездной деятельности; также 35 % респондентов полагают, что их благосостояние почти не изменилось; остальные не определились. В Карагандинской области 20,1 % домохозяев отметили значительное улучшение, а 46,4 % — улучшение своего материального положения. Некоторое преобладание тех, кто более оптимистично оценивает свое положение, чем алмаатинцы, связано, вероятно, с тем, что южная столица является самым дорогим городом не только в Казахстане, но и во всей Центральной Азии, и заработков трудовых мигрантов оказывается недостаточно для достижения высокого уровня и качества жизни.

Как в Алма-Ате, так и в Караганде и областных городах при помощи выездных заработков решаются прежде всего самые насущ-

ные проблемы – обеспечение семье нормального питания (соответственно 58 % алма-атинских респондентов и 69 % карагандинских), медицинского обслуживания (57 % и 44,5 %), приобретение дорогостоящих товаров и помощь детям – материальная и в получении образования; 37 % алма-атинских и 33 % карагандинских респондентов решили за счет мигрантских заработков жилищную проблему. Почти пятая часть (18 %) респондентов из Алма-Аты и седьмая (около 14 %) в Карагандинской области смогли за счет работы на выезде открыть свое дело или помогли это сделать детям или другим родственникам. Таким образом, мигрантские заработки позволили некоторым респондентам не только повысить материальный стандарт, но обеспечить более высокое качество жизни, особенно в сфере медицинских услуг, образования, рекреации¹.

В исследовании, проведенном Юдиной, рассматривалось влияние материального состояния мигрантов на социальное самочувствие. Согласно полученным данным, существенным показателем изменений социального самочувствия в материальной сфере является уровень потребления, который связан с уровнем обеспеченности семьи в целом. От размера доходов трудового мигранта зависит возможность обеспечить необходимый уровень потребления продуктов питания, товаров повседневного и длительного пользования, бытовых услуг.

Оценки уровня потребления аналогичны оценкам уровня заработка трудового мигранта. Оптимистичные оценки высказывали приехавшие после 2006 г. и прожившие на новом месте менее одного года. Каждый третий из них считает, что имеет средний уровень заработка, остальные полагают, что их заработок выше среднего или достаточный. Оценок ниже среднего уровня практически никто не выставил.

Наблюдается большая дифференциация в оценке их собственного уровня потребления приехавшими 3 года назад и ранее и теми, кто прожил на новом месте менее одного года. Оценки уровня потребления мигрантами первой группы приближаются к средним. Среди мигрантов можно выделить многочисленную группу, считающую, что они имеют средний уровень доходов (их примерно 50 %), и две другие, практически равновеликие группы (приблизительно по 25 %), которые оценивают свой уровень потребления выше среднего или как достаточный².

---

¹ См.: Садовская Е.Ю. Указ. соч.

² См.: Юдина Т.Н. Указ. соч.

Другим не менее важным показателем состояния социального самочувствия в материальной сфере является обеспеченность жильем и условия проживания.

Рассматривая в качестве одного из факторов социального самочувствия состояние жилищной проблемы, мы пришли к выводу, что он отражает как бытовые условия, так и экономические. Например, 45,7 % наших респондентов проживают на съемных квартирах, что «съедает» более 40 % заработка мигранта; 31,8 % проживают на жилой площади родственников, причем 71,7 % полностью удовлетворены жилищными условиями. Регистрацию по месту пребывания имеют только 52 %. Заметим, что уровень комфорта жилья интересуют мигрантов в наименьшей степени, так как они работают с максимальной нагрузкой и используют жилье, чтобы передохнуть.

В работе Юдиной отмечается, что в целом жилищные условия трудовых мигрантов относятся к средним. Практически каждый третий мигрант имеет 13–20 кв. м на человека. Аналогичны оценки мигрантами качества своего жилья. Среди вновь прибывших доля тех, кто оценивает качество жилья как «низкое» или «ниже среднего», невелика (16 %).

Опираясь на данные исследований, можно сделать вывод, что состояние социального самочувствия трудового мигранта в сферах как социально-трудовых отношений, так и связанной с ней материальной (материально-бытовой) можно оценивать как пограничное, тяготеющее к позитивному.

Собственно социокультурная сфера также была выделена для анализа и определения состояния социального самочувствия трудовых мигрантов. Здесь, в частности, «взаимодействуют» правовое поле и правовая культура мигрантов, что оценивалось через их отношение к закону. Например, 49,7 % опрошенных нами трудовых мигрантов считают, что закон необходимо соблюдать при любых условиях, тогда как 37,6 % полагают, что это следует делать, если закон не противоречит личным интересам человека. Эти данные указывают как на отношение трудовых мигрантов к закону — одно из главных условий их пребывания в крае, так и на то, что в правовой сфере они наиболее уязвимы. Трудовые мигранты отмечают, что им неоднократно приходилось сталкиваться с нарушением их прав в различных сферах. Только 24,9 % опрошенных не приходилось вообще сталкиваться с нарушением прав. Остальные указали сферы, где приходилось с этим сталкиваться: жилищ-

но-бытовая – 36,4 %, медицинская – 33,5 %, трудовая – 27,8 %, социальная защита – 27,2 %, семейная – 4,6 %, гражданская, национальная – 1,6 %.

Таким образом, нарушение прав мигрантов, на которые указывают более трети респондентов, является фактором негативно-го социального самочувствия.

Соблюдения прав мигрантов Юдина связывает с вопросами о степени их социальной защищенности. Результаты обследования показали, что 26,1 % мигрантов в первый год работы на выезде не ощущают защиты и поддержки представителей власти, а более половины 56,5 % оценивают ее как очень незначительную. Однако по мере их обустройства на новом месте и установления более тесных контактов с представителями закона ощущение меняется. У большого числа опрошенных появляется мнение, что защита и поддержка государства есть, хотя она явно недостаточна. Более того, некоторых мигрантов вполне удовлетворяет имеющийся уровень социальной поддержки со стороны местной администрации¹.

Уровень и доступность медицинского обслуживания является одним из индикаторов степени социальной защищенности. Для мигрантов возможность получать бесплатное медицинское обслуживание в ЦФО увеличивается по мере длительности пребывания (от 50 % в первый год приезда до 67 % при пребывании более 5 лет), а в СЗФО наблюдается противоположная тенденция: соответственно 85,7 и 74,7 %. Абсолютное большинство (89,6 %) отмечает, что не могут позволить себе такой роскоши как болезнь. Однако, если такая проблема все же возникает, они предпочитают пользоваться платными медицинским услугами².

По данным исследования Садовской, трудовых мигрантов мало волнует их правовой статус, им важно получать стабильный доход, но в то же время неурегулированность данного вопроса влечет за собой при определенных обстоятельствах проблемы и в материальном обеспечении, и соответственно в плане социального самочувствия, которое не может рассматриваться как позитивное.

В ходе опроса установлено, что *лицензии на право заниматься работой* на выезде имеют лишь 29 % трудовых мигрантов. Чаще других лицензию приобретают «челноки» (38 %), реже других – строители (85 % из них не имеют лицензий). Это означает, что

¹ См.: Юдина Т.Н. Указ. соч.

² Там же.

большинство опрошенных не имеют юридического права на работу на выезде (табл. 3.3)

Т а б л и ц а 3.3. Имеется ли у Вас лицензия на право заниматься работой на выезде, %?

Ответ	Челночная торговля	Работа по найму	Строительство
Да	38	23	15
Нет	62	77	85

В нашем исследовании трудовые мигранты придерживаются мнения о том, что отсутствие юридических гарантий трудовой деятельности на выезде порождает много проблем. На вопрос «Как Вы думаете, что необходимо для реализации прав трудовых мигрантов?» ответы наших респондентов распределились следующим образом:

- ◇ преодоление коррупции и взяточничества в органах власти – 98,4 %;
- ◇ укрепление законности на всех уровнях государства и общества – 38,7 %;
- ◇ совершенствование законодательства – 35,8 %;
- ◇ повышение правовой культуры всех граждан – 20,8 %;
- ◇ расширение правозащитного общественного движения – 18,5 %;
- ◇ повышение правовой культуры представителей органов власти – 9,2 %;
- ◇ другое: открытые дороги – 1,6 %; пользоваться правами РФ – 1,6 %; свободно передвигаться – 1,6 %; упростить получение прав – 1,6 %.

Как видим, для трудовых мигрантов как граждан других стран неблагоприятной становится «отечественная специфика», связанная с коррупцией и взяточничеством, несовершенством правового поля. Таким образом, можно сделать вывод, что состояние социального самочувствия в правовом аспекте скорее пограничное – в сторону негативного.

Межкультурные взаимодействия в среде мигрантов и мигрантов и местных жителей, реализуемые в многообразных стратегиях и формах, составляют следующий аспект социокультурной сферы. Наиболее зримой по числу ответивших тенденцией выступает стратегия интеграции и ассимиляции: 43 % следуют образу жизни своего этноса; 60,1 % учитывают образ жизни другого этноса; 38,7 % отмечают, что придерживаются культуры и обычаев той

территории, где работают; 26 % – «скорее придерживаются, чем нет». В общем 64,7 % трудовых мигрантов, несмотря на разницу культур, в своем поведении тяготеют к культуре сообщества. Это объясняется тем, что 31,2 % отлично знакомы с местными обычаями и традициями; для 61,3 % традиции и обычаи их родины лишь в некоторой степени отличаются от тех, что существуют на территории края; 30,1 % мигрантов на территории края чувствуют себя «как свои»; 40,5 % опрошенных трудовых мигрантов при встрече с представителями другой культуры и национальности не испытывают никаких чувств; 29,5 % говорят, что им интересны другие люди. Лишь 3,5 % указали «они меня раздражают».

В основе поведения также выделяются религиозные нормы, на что указали 17,9 %, обычаи и традиции своего народа – 20,2 %. Среди проблем, которые беспокоят трудовых мигрантов, 7 % назвали «отношение к лицам моей национальности».

Исследование выявило принцип, отражающий ценности большинства трудовых мигрантов: 70 % респондентов считают, что «права нации» не могут быть выше прав человека. Как видим, в межкультурном взаимодействии обнаруживаются встречные усилия мигрантов, что требует «движения» местного сообщества, которое нарушается многими факторами, среди которых один из наиболее очевидных – несовершенство правовой культуры с постановкой в центр человека.

Во взаимодействии и межкультурных связях весьма важны родственные связи. По мнению Зотовой, культурная сфера представляется именно эмигрантскими сетями, так как большинство мигрантов приезжает на заработки туда, где уже работают земляки. Земляки или родственники помогают советом при поиске места работы и жилья, оказывают материальную помощь в первое время проживания в России. Обустроившись в месте вселения, мигрант сам может позаботиться о родственниках, вызвать их и помочь устроиться на работу.

В контексте исследования Зотова также выделяет личную сферу, которая раскрывается через семейные отношения. Две трети опрошенных мигрантов (67 %) женаты (замужем). При этом в подавляющем большинстве случаев семья (муж/жена, дети, родители, братья, сестры) проживают на родине. Мигранты нередко упоминают, что кто-то из членов семьи также работает в России. Чаще всего это братья или сестры, иногда кто-то из взрослых детей. Молодые несемейные мигранты могут оставаться в России в тече-

ние года, тогда как их женатые братья на зиму уезжают домой и возвращаются с началом летнего сезона.

В личной сфере состояние социального самочувствия, по мнению автора, динамично, так как, с одной стороны, трудовые мигранты не в состоянии содержать семью на территории, где работают, и это влечет за собой формирование негативного социального самочувствия; с другой стороны, осознание необходимости работы и того, что своим трудом они значительно улучшают материальное состояние семьи, способствует стабилизации социального самочувствия и изменения в сторону позитивного¹. По данным нашего исследования, свыше 70 % трудовых мигрантов считают основой своего душевного спокойствия семью (66,5 %), родителей (56,1 %), детей (24,9 %), друзей, коллег (34,1 %), земляков (12,1 %).

Анализ положения мигрантов в различных сферах говорит о связи оценок социального самочувствия с психоэмоциональным состоянием личности мигранта, его ощущениях, удовлетворенности присутствием на «чужой» территории и работой на выезде.

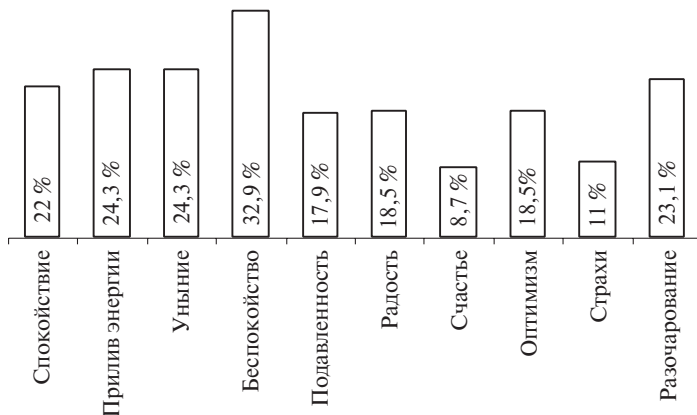

Рис. 3.7. Эмоциональное состояние трудовых мигрантов, %

Психоэмоциональная составляющая социального самочувствия отражает чувства и эмоциональные состояния, которые чаще всего испытывают трудовые мигранты в период пребывания в принимающем регионе. Среди них по числу ответивших лидирует чувство беспокойства, характерное для 32,9 %; на втором – прили-

¹ См.: Зотова Н.А. Указ. соч.

вы энергии и уныние, характерные для 24,3 % опрошенных; далее следует спокойствие, на что указали 22 % (рис. 3.7).

Спектр испытываемых чувств как характеристика эмоционально-психологического состояния представляет парные антиподы:

- ◇ спокойствие, комфортность – 22,0 % и беспокойство – 32,9 %;
- ◇ прилив энергии – 24,3 % и уныние – 24,3 %;
- ◇ оптимизм – 18,5 % и подавленность – 17,9 %;
- ◇ радость – 18,5 % и разочарование – 23,1 %;
- ◇ счастье – 8,7 % и страхи – 11 %.

Практическое соответствие процентного соотношения позитивных и негативных эмоций, отсутствие какой-либо доминанты позволяют сделать вывод, что мигранты вполне адекватно реагируют на происходящее вокруг них и состояние социального самочувствия можно характеризовать в целом как положительное или нейтральное. Негативные эмоции связаны, на наш взгляд, с незавершенной адаптацией, с тем, что личность трудового мигранта находится в инновационных условиях.

В пользу позитивных перспектив формирования социального самочувствия говорит то, что в поисках выхода в трудных обстоятельствах трудовой мигрант прежде всего опирается на себя (52,6 %) и не будет отказываться от предлагаемой помощи (19,7 %); 16,8 % отметили, что живут спокойно и всем довольны; 26 % испытывают проблемы, решение которых вызывает у них большие затруднения, и лишь 4 % находятся в безвыходном положении.

В завтрашнем дне вполне уверены только 17,3 % опрошенных, не в полной мере уверены 41,6 % респондентов. Такая картина обусловлена, по нашему мнению, не собственно проблемами трудовых мигрантов как субъектов общественных отношений, а нестабильной обстановкой в России, что подтверждает описанное нами состояние социального самочувствия местных жителей.

В исследовании Садовской находит отражение распределение детерминант эмоционального состояния¹. Среди всех трудовых мигрантов эмоциональное состояние лучше других у работающих по найму («хорошее настроение» у 50 % из них). Напряжение и раздражение чаще отмечали строители, и это не удивительно, так как именно у них наиболее высокий процент случаев задержки или невыплаты зарплаты (табл. 3.4)

¹ См.: Садовская Е.Ю. Трудовая миграция, ее перспективы // www.kadis.ru.

Т а б л и ц а 3.4. Что Вы можете сказать о своем настроении в последнее время, %?

Ответ	Челночная торговля	Работа по найму	Строительство
Настроение хорошее	26	50	25
Испытываю напряжение, раздражение	48	30	60
Испытываю страх, тоску	12	3	10
Затрудняюсь ответить	14	17	5

Ответы респондентов в Центральном Казахстане более оптимистичны: у 43,8 % респондентов настроение хорошее, 28,2 % испытывают напряжение, 10,9 % – страх, тоску и 19,1 % – затруднились с ответом.

Эмоциональное состояние существенно различается у мужчин и женщин. Женщины настроены несколько оптимистичнее, тогда как половина мужчин отметили, что испытывают напряжение, раздражение; среди мужчин также больше тех, кто затруднился определить свое эмоциональное состояние.

Хроническая усталость, стрессы в связи с непредсказуемостью и нестабильностью финансово-экономической и социальной ситуации; фрустрации, возникающие в связи с неопределенностью статуса (занятый/незанятый, бедный/богатый, законный/незаконный бизнес и т.д.), создают тот негативный психологический фон, на котором протекает повседневная жизнь мигранта. По данным нашего исследования, социальное самочувствие трудовых мигрантов отражает их неустойчивое экономическое положение и неопределенный социальный статус.

Т а б л и ц а 3.5. Жалеете ли Вы о том, что стали заниматься работой на выезде, %?

Ответы	Челночная торговля	Работа по найму	Строительство
Да	14	10	15
Нет	66	70	60
Трудно сказать	20	20	25
Всего	100	100	100

Компенсацию за напряжение и перегрузки, проблемы со здоровьем, ухудшение качества воспитания детей трудовые мигранты

видят в том, чтобы дать детям качественное образование. Многие родители надеются, что детям, благодаря этому, не придется заниматься коммерческой миграцией или иной работой на выезде.

Результаты анализа удовлетворенности работой на выезде¹ даны в табл. 3.5.

Как видим, число удовлетворенных работой на выезде достаточно велико; жалеющих о том, что стали работать на выезде, — не более 15 %.

Для семьи респонденты отмечают больше положительных моментов от работы на выезде, чем отрицательных. Основными положительными моментами являются относительный рост благосостояния семей трудовых мигрантов, а также приобретение делового опыта и возможность побывать в других странах благодаря работе на выезде (табл. 3.6)

Т а б л и ц а 3.6. Какое положительное влияние оказала работа (торговля) на выезде на жизнь Вашей семьи, %?

Ответ	Челночная торговля	Работа по найму	Строительство
Никакого положительного влияния	14	10	5
Моя семья стала жить материально намного лучше	30	37	25
Моя семья обеспечена теперь всем необходимым	26	13	15
Я повидал мир, побывал во многих странах	26	23	5
Я теперь имею возможность хорошо отдохнуть и обеспечить отдых семье	4	3	—
Я приобрел хороший деловой опыт, мне теперь гораздо легче найти заработок	22	47	15
Благодаря поездкам я смог открыть бизнес (фирму, магазин и т.д.)	22	-	—
Работа на выезде позволяет хоть как-то сводить концы с концами	36	20	70
Другое	—	3	—

¹ См.: Садовская Е.Ю. «Трудовая миграция, ее перспективы» // www.kadis.ru.

Позитивное влияние на материальное положение семьи и возможность повидать мир чаще всего отмечают «челноки» и работающие по найму. Приобретение за счет трудовой миграции необходимого делового опыта, позволившего искать лучший заработок, существенно чаще отмечают работающие по найму. Строители более сдержаны, чем предыдущие две категории, в оценке положительного влияния трудовой миграции, большинство из них отмечает, что трудовая миграция позволяет лишь «сводить концы с концами».

Ответы на этот вопрос в значительной степени зависят от пола респондента. Так, мужчины чаще (45,7%), чем женщины (31,5%), отмечают, что выездная работа не оказала положительного влияния на жизнь семьи, и чаще указывают, что выездная работа позволяет хоть как-то «сводить концы с концами». Больше половины женщин отметили, что выездная работа повысила уровень материального благосостояния семьи (55,5%), дала возможность посмотреть мир (25,9% против 15,2% у мужчин) и приобрести необходимый деловой опыт (31,5% против 23,9% у мужчин). Кроме того, лишь женщины (20,4%) смогли при помощи выездной работы скопить столько денег, чтобы открыть собственное дело.

Вместе с тем работа на выезде оказывает и отрицательное влияние на жизнь трудящихся-мигрантов и их семьи. Наиболее часто респонденты отмечают ухудшение здоровья и отсутствие времени на воспитание детей (табл. 3.7).

Т а б л и ц а 3.7. Какое отрицательное влияние оказала работа (торговля) на выезде на жизнь Вашего домохозяйства, %?

Ответ	Челночная торговля	Работа по найму	Строительство
Никакого отрицательного влияния	38	53	45
Ухудшились семейные отношения	4	13	10
Распалась семья	2	7	5
Ухудшилось здоровье	48	27	20
Не стало хватать времени на воспитание детей	16	17	35

Работающие по найму наиболее оптимистичны в оценке – более половины их отмечают, что трудовая миграция не оказывает отрицательного влияния на жизнь семьи, в то же время они не-

сколько чаще других категорий отмечают ухудшение здоровья. На ухудшение здоровья под влиянием работы на выезде челноки жалуются вдвое чаще других категорий трудовых мигрантов, а строители вдвое чаще указывают, что не стало хватать времени на воспитание детей. В целом по выборке именно проблемы со здоровьем (36 %) и проблемы воспитания детей (20 %) чаще всего отмечаются среди негативных последствий работы на выезде.

Выделяя психологическую сферу в анализе состояния социального самочувствия, Юдина выделяет восприятие ситуации на поведенческие установки и по уровню социального самочувствия разделяет мигрантов на три основные группы:

- ◇ пессимистические установки, направленные на выживание («все развалилось, но жить как-то надо»); для этой группы характерно негативное социальное самочувствие;
- ◇ пассивные установки («надо пережить это время»); этим людям свойственно пограничное социальное самочувствие;
- ◇ позитивные социальные установки, что отражает успешную адаптацию и как результат – самочувствие. Эти люди оптимисты, им удалось не только адаптироваться («никогда в прежнее “стойло” не вернусь»), но и добиться успеха («открыла свой бизнес и дочери помогла»).

В контексте нашего исследования можно выделить такие позитивные последствия трудовой миграции в сферах жизнедеятельности на новой территории:

- ◇ 60,1 % приехали на территорию края самостоятельно и целенаправленно; 48,6 % прибыли с семьей, следовательно, у «наших» трудовых мигрантов отсутствует дефицит общения с близкими, что в свою очередь способствует активизации трудовой деятельности;
- ◇ 77 % полностью или частично оправдали свои надежды, приехав в край, значит, человек удовлетворен сложившейся ситуацией;
- ◇ 65,9 % имеют статус постоянно работающего, что рождает уверенность в завтрашнем дне;
- ◇ 65 % трудовых мигрантов удовлетворены уровнем своего дохода, который позволяет им обеспечивать свою семью;
- ◇ 50,3 % уверены, что их материальное положение улучшится в ближайшие 2–3 года;
- ◇ 52,6 % в сложной ситуации будут выходить из нее сами, что свидетельствует о полноценности и социальной зрелости трудовых мигрантов;

- ◇ 56 % респондентов живут спокойно и всем довольны; хотя существуют некоторые проблемы, но их решение не требует больших усилий.

Обобщение оценок в анализе состояния социального самочувствия трудовых мигрантов в трудовой, материальной, социокультурной, психоэмоциональной сферах позволяет заключить, что оно по совокупности показателей у большей части респондентов позитивное, у меньшей части — пограничное и негативное (рис. 3.8).

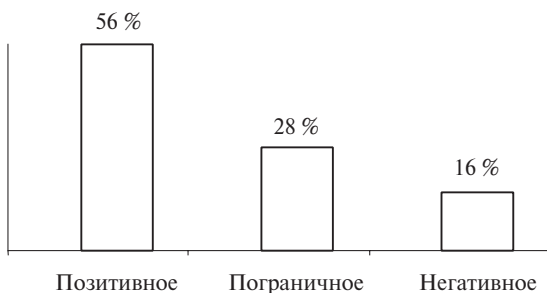

Рис. 3.8. Уровни социального самочувствия трудовых мигрантов

Подведем некоторые итоги:

1. Мигрант имеет реальную возможность улучшить материальное положение своей семьи, ради которой, как правило, он и покидает свое место жительства. Это подтверждается его удовлетворенностью положением на рынке труда, взаимоотношениями в трудовой сфере, несмотря на трудности.
2. Материальный фактор и взаимоотношения в трудовой сфере наиболее значимы в формировании состояния социального самочувствия трудовых мигрантов, так как основное средство достижения цели — трудовая деятельность.
3. Наибольшую уязвимость трудовой мигрант ощущает в правовой сфере и сфере социальной защиты. Имеющиеся проблемы часто сдерживают возможности реализации личных ресурсов, отрицательно влияют на его социальное самочувствие.

ГЛАВА 4 КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ МИГРАЦИИ

4.1. Постановка проблемы

В предыдущих главах авторы попытались не только оценить социокультурные возможности адаптации приезжающих из-за рубежа к местным условиям, но и выявить возникающие при этом проблемы взаимодействия с местным населением. Разумеется, миграция открывает реальные возможности не только для самих приехавших, но и для региона, получающего более молодую и активную рабочую силу, но при всех выгодах (частичная компенсация старения населения, удовлетворение спроса на «низком» секторе рынка, культурное взаимопроникновение и др.) миграция является потенциально конфликтогенным явлением. Последствия этого процесса недостаточно изучены, хотя в последнее время появились публикации, нарушающие благостный настрой известных демографов и экономистов¹.

С учетом некоего баланса выгод и рисков современной миграции заметим, что распространенный тезис о спасении российского населения от вымирания и экономического коллапса именно мигрантами является по меньшей степени довольно спорным. В демографическом аспекте частичная компенсация естественной убыли в основном сопровождается увеличением численности тех или иных этнических групп, т.е. изменением отнюдь не в пользу принимающего общества. В экономическом аспекте возникает опасность возрастания напряженности из-за неконтролируемого и все усиливающегося давления на рынок труда. Проблема усугубляется явной для всех специализацией этнических групп на определенных видах деятельности, вытеснением «местных» конкурентов из той или иной сферы (торговля, строительство, услуги и т.д.).

---

¹ Аксющенко Г.В. Иммиграция как источник вызовов безопасности // Власть. 2007. № 8; Дмитриев А.В. Миграция: конфликтное измерение. Изд. 2-е. М., 2007; Казанцев А.А. Миграционные процессы и нетрадиционные угрозы безопасности России // Аналитические записки. М., 2007. Вып. 5.

Большая часть иммигрантов, особенно нелегальные, не платят налоги, заработанные деньги пересылают за рубеж (6 млрд долл. в 2006 г.). К тому же многим специалистам известна коррупционная составляющая миграции, в том числе и в области правоохранительной деятельности.

С целью прояснения миграционной ситуации в РФ, в частности в Южном федеральном округе (ЮФО), в рамках программы РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям» было выполнено эмпирическое исследование по проекту «Разработка теоретико-методологических основ региональной конфликтологии». В первом из них (2006) использовался метод экспертного опроса, участниками которого были известные специалисты научного сообщества в Южном федеральном округе. Тогда все эксперты согласились с тем, что одной из главных задач современных социально-политических наук является прогнозирование развития процессов, происходящих в обществе. Это представляет и наибольший интерес для практики. Для региональной конфликтологии такая задача состояла в выявлении динамики конфликтных процессов на региональном уровне (ЮФО). В данном контексте весьма продуктивным для изучения регионального конфликта представлялся подход, рассматривающий его в качестве двойственного процесса, в котором можно выделить несколько уровней.

4.2. Некоторые итоги опроса 2006 г.

При проведении опроса миграция рассматривалась исключительно в блоке управленческих решений, направленных на снижение социальной напряженности в полиэтничном макрорегионе, связанной именно с миграционными процессами. Эксперты констатировали, что в последние 10 лет неконтролируемая миграция стала одной из острейших проблем северокавказского региона. В то же время, по мнению отдельных экспертов, миграция в регионе, впрочем, как и в современном мире воспринимается и со знаком плюс.

В.Х. Акаев отметил, что большой опыт в сфере урегулирования миграционных процессов «...накоплен в Германии и особенно в США, которые каждый год принимают по миллиону иммигрантов. В США много делают для того, чтобы мигранты адапти-

ровались к американскому образу жизни: организуют курсы по изучению английского языка, законов США, их культуры, формируют толерантные отношения. Нарушения, допускаемые мигрантами, могут стать причиной пресечения их пребывания в стране. Россия остро нуждается в рабочей силе, но нет привлекательной программы по “работе” государства с мигрантами, которая охватывала бы правовые, политические, социальные и культурные вопросы. Создать и реализовать такую миграционную программу — действительно задача дня. Важнейшими составляющими ее могли бы быть изучение мигрантами и их детьми русского языка, русской культуры, законов страны на повсеместно действующих ускоренных курсах адаптации к российской социокультурной реальности».

М.М. Ю с у п о в достаточно кратко сформулировал миграционную стратегию: «Миграционный процесс нужно регулировать на основе закона и косвенно — социально-экономическими методами».

О том, в каком направлении должна формироваться законодательная база для урегулирования миграционных проблем, размышляли эксперты А.В. Баранов и А.Л. Стризое.

А.В. Бар а н о в , в частности, предложил осуществить следующее:

- ◇ «принять миграционный кодекс РФ (назвать можно по-разному) с четкими приоритетами общероссийской политики;
- ◇ разграничить полномочия и предметы ведения между РФ и субъектами Федерации на основе полного финансового и организационного обеспечения этих компетенций;
- ◇ провести адресную миграционную политику по группам регионов: пограничным и глубинным, моно- и полиэтничным, трудоизбыточным и трудодефицитным;
- ◇ законодательно ограничить применительно к территории ЮФО возможности миграции...»

А.Л. Ст р и з о е предложил провести оптимизацию законодательства, в частности: «1) упрощение регистрации мигрантов, получения российского гражданства; 2) введение периода натурализации, когда мигранты должны адаптироваться к новым условиям жизни, отвечая требованиям, связанным с местами расселения, занятостью, знанием русского языка; 3) предоставление льгот при выполнении мигрантами требований местных властей и ужесточение санкций в случае их нарушения».

К.М. Гожев обращает внимание прежде всего на экономический компонент регулирования миграционного потока на Северном Кавказе: «Создание рабочих мест, социальная защищенность приостановят выезд населения из региона, особенно русскоязычного. Вместе с тем избыточность населения, трудовых ресурсов в республиках (Дагестан, Карачаево-Черкесия), неустойчивая общественно-политическая обстановка (Чечня) должны использоваться на взаимовыгодных условиях выезжающей и принимающей сторонами с учетом обозреваемой перспективы».

И.П. Добаев полагает, что «во-первых, необходима репатриация русскоязычных соотечественников из стран СНГ и Балтии. Во-вторых, важен акцент на привлечении в страну квалифицированных работников при одновременном усилении границы. В-третьих, требуется создание благоприятных условий для интеграции мигрантов, ставших гражданами России и (или) проживающих в России продолжительный срок. В-четвертых, целесообразна политика заселения малонаселенных районов страны. Так, мигрантам, желающим получить гражданство России, можно в качестве эксперимента предложить проживание в течение определенного срока на малозаселенных территориях России с предоставлением работы и соцзащиты».

А.И. Колба предложил восемь пунктов миграционной программы в России: «Во-первых, следует создавать условия для сокращения экономической миграции (борьба с безработицей, развитие экономики в депрессивных и экономически слаборазвитых районах Юга России). Во-вторых, для предотвращения этнической миграции необходимо снижать этнополитическую напряженность, развивать принципы персональной автономии граждан, их фактическое равноправие. В-третьих, нужно более жестко контролировать миграцию из ближнего зарубежья, прежде всего из Закавказья и Средней Азии, возможно, на основе ее квотирования. В-четвертых, создать механизмы легализации рабочей силы, ввозимой из-за пределов России. В-пятых, упростить механизм получения гражданства для культурно и этнически близкого населения, представить возможность обустройства на новом месте жительства, усилить борьбу с коррупцией в миграционных службах. В-шестых, разработать программы перемещения миграционных потоков в те регионы, где потребность в людях наиболее велика. В-седьмых, разработать и реально ввести в действие программы интеграции мигрантов в принимающую среду. В-восьмых,

ориентировать СМИ на объективное и разностороннее освещение проблем миграции, на формирование конструктивных подходов к разрешению возникающих противоречий».

О.М. Цветков отметил, что механизмы урегулирования проблем, связанных с миграционными процессами, «действуют во многих странах и сводятся к точному определению потребностей страны в иностранных работниках тех или иных специальностей, которые не могут быть замещены “своими” работниками; к проверке мигрантов на наличие судимостей, болезней; к периодическому квотированию численности прибывающих мигрантов (иногда квотирование производится в разрезе стран – поставщиков мигрантов); к систематическому контролю за поведением прибывших мигрантов и применению санкций в отношении тех из них, поведение которых не соответствует национальному законодательству; к мониторингу миграционной ситуации и др. Многие принятые в международной практике положения прописаны в российском законодательстве. Однако проблема, на мой взгляд, не в том, чтобы искать и вводить все новые и новые механизмы, а в другом: качество современной российской власти таково, что она оставляет мало надежд на эффективную реализацию каких-либо стратегий, в том числе в отношении мигрантов».

В.М. Юрченко, И.В. Юрченко предложили решать проблему миграции в несколько ином ракурсе. Приоритетными направлениями миграционной политики, по их мнению, «должна быть ориентация на русскоязычное население, которое желает вернуться в Россию... и заселение перспективных в экономическом и геополитическом значении регионов (например, Сибирь, Дальний Восток), где в настоящее время отмечается недостаточная плотность населения».

И.Б. Санакоев, завершая рассмотрение проблем внутренней и внешней миграции, предостерегает: «...какие бы механизмы решения проблемы миграции ни были предложены, все они... должны быть направлены исключительно на скорейшую интеграцию мигрантов в местные сообщества. В противном случае эти сообщества будут иметь постоянный источник конфликтности и проблем».

В.В. Черноус заключил: «Основное – не столько ограничение миграции, сколько обеспечение адаптации».

В общем, авторы при разработке стратегии миграционной политики на ближайшие 10–15 лет считали, что основное внимание

следует обратить на укрепление государственного конституционного строя, реализацию социально ориентированной социально-экономической политики, а также активизацию деятельности институтов государства и гражданского общества по социокультурной интеграции и адаптации мигрантов в местные сообщества¹.

4.3. Итоги опроса 2007 г.

Данный этап эмпирического исследования осуществлялся методом развернутого экспертного опроса, нацеленного на приобретение нового знания по региональной конфликтологии и, разумеется, о факторах напряженности в тех или иных регионах РФ. Миграция как один из таких факторов была специально выделена в виде блока вопросов. Значение такого исследования многократно возросло в ходе опроса ученых различных профессиональных групп из разных субъектов Российской Федерации. По специфике поставленной задачи происходил и подбор экспертов, являющихся не только носителями и источниками научной информации, но и представителями жизнедеятельности данного субъекта. Уникальный состав экспертов из разных органов РФ формировался в течение многих лет в процессе проведения нескольких конгрессов конфликтологов, научных конференций, совместной подготовки монографий и научных сборников по конфликтологической проблематике.

На вопросы интервью были получены ответы из шести федеральных округов РФ от 43 экспертов (среди них социологи, философы, политологи, конфликтологи, многие из них преподают и занимаются конкретными разработками в различных организациях федерального и регионального уровней).

На данном этапе было выполнено упомянутое выше повторное эмпирическое исследование исключительно по Югу России, в котором приняло участие подавляющее большинство экспертов, участвовавших в опросе на первом этапе. Это позволило уточнить конфликтологический прогноз по Югу с учетом динамики региональных процессов, в том числе миграционных, в современной

---

¹ Мнение экспертов изложены в монографии: *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: экспертное мнение. М., 2007. С. 94–98.

России. В эмпирическом исследовании приняли участие следующие ученые:

АКАЕВ Вахит Хумидович (Чеченская Республика)
АСТВАЦАТУРОВА Майя Арташесовна (Ставропольский край)
БАРАНОВ Андрей Владимирович (Краснодарский край)
БЕЛОУСОВ Сергей Степанович (Республика Калмыкия)
ВАРТУМЯН Арушан Арушанович (Краснодарский край)
ВАСИЛЕНКО Инна Викторовна (Волгоградская область)
ВИКТОРИН Виктор Михайлович (Астраханская область)
ГОЖЕВ Кахун Магометович (Карачаево-Черкесская Республика)
ДЗИДОЕВ Валерий Дударович (Республика Северная Осетия – Алания)
ДОБАЕВ Игорь Прокопьевич (Ростовская область)
ЗЕЛЕТДИНОВА Эльвира Анваровна (Астраханская область)
КОЛЬБА Алексей Иванович (Краснодарский край)
КОНОВАЛОВ Валерий Николаевич (Ростовская область)
КОТЕЛЕНКО Дмитрий Геннадьевич (Ростовская область)
МСОЕВА Фатима Борисовна (Республика Северная Осетия – Алания)
МУСЛИМОВ Тагир Курбанович (Республика Дагестан)
САВВА Михаил Валентинович (Краснодарский край)
САМПИЕВ Ибрапил Магометович (Республика Ингушетия)
САНАКОЕВ Инал Борисович (Республика Северная Осетия – Алания)
ХАНБАБАЕВ Каflan Муслимович (Республика Дагестан)
ЦВЕТКОВ Олег Михайлович (Республика Адыгея)
ЧАГИЛОВ Валерий Расулович (Ставропольский край)
ЧЕРНОУС Виктор Владимирович (Ростовская область)
ШАДЖЕ Асиет Юсуфовна (Республика Адыгея)
ЩЕРБИНА Елена Анатольевна (Карачаево-Черкесская Республика)
ЮРЧЕНКО Виктор Михайлович (Краснодарский край)
ЮРЧЕНКО Инна Вадимовна (Краснодарский край)
ЮСУПОВ Мусса Мовлиевич (Чеченская Республика)

Каждое интервью, по нашему мнению, уникально, оно представляет собой мнение не только об отечественной конфликтологии, развитии ее региональной ветви, но и о проблемах конфликтов внутри самого региона, их напряженности и, в частности, отношении местного населения к внутренним и внешним мигрантам, адаптации трудовых мигрантов в местное сообщество. Эти интервью дали исследователям основания для формирования определенных выводов.

Представленные экспертами, участвующими в опросе, материалы свидетельствуют о явной заинтересованности научного сообщества в изучении конфликтогенности миграции на региональном уровне.

4.4. Федеральный уровень

Большинство «федеральных» экспертов призвали власти России определиться в формировании иммиграционной политики, сделав выбор в пользу той модели, которая позволит эффективно регулировать приток иммигрантов, минимизировать возможности разветвления конфликтов мигрантов с принимающим обществом, что будет содействовать социально-экономическому прогрессу страны, консолидации российского сообщества.

Размышления экспертов были отнюдь не аксиоматичными. Проблемы, связанные с феноменом миграции, чрезвычайно многообразны и многолики, чтобы хоть как-то их обобщить. Россия — страна с существенными и, как представляется, все более заметными региональными различиями и, следовательно, с расходящимися требованиями к мигрантам. В связи с этим перед экспертами было поставлено несколько конкретных вопросов, касающихся их отношения к мигрантам, в первую очередь к нелегальным, поскольку именно они преобладают на рынке труда.

В частности, экспертам, предварительно напомнив им прежде всего о некотором равновесии выгод и издержек миграции, задали вопросы о позитивных и негативных характеристиках этого процесса в регионе, который они представляют, а также о существующих там стереотипах мигрантов. В ответах респондентов региональная специфика оказалась довольно заметной.

Изучая мнение экспертов о миграционных проблемах в регионах, авторы проекта сделали несколько выводов.

- ◇ Эксперты высказались за определенные ограничения иммиграционных потоков в некоторые регионы (квотирование, легализация нескольких категорий незаконно находящихся на территории РФ иммигрантов, высылка нарушающих законы и т.д.).
- ◇ Эксперты считают необходимым определить и, если нужно, ужесточить правовой режим въезда некоторых категорий мигрантов в наиболее проблемные регионы (Дальний Восток, Москва, отдельные районы ЮФО и т.д.).
- ◇ Для смягчения рисков, связанных с миграцией, желательно воздействие на такие субъекты региональной политики, как местные органы власти и работодатели, с целью выявления вакансий, переобучения кадров, определения размеров субсидий и т.д.
- ◇ Главным направлением социальной политики по отношению к иммигрантам следует считать попытку их адаптации, а затем и интеграции в соответствии с региональными особенностями.

- ◇ Эксперты оценили как недействительную программу РФ по переселению соотечественников.
- ◇ Иммигрантам настоятельно рекомендуется соблюдать законы и обычаи принимающего общества, изучать русский язык, историю России, не только требовать толерантности по отношению к себе, но и относиться терпимо и уважительно к старожильческому населению¹.

4.5. Южный федеральный округ

Мы уже обратили внимание на то, что исследование 2007 г. повторяло некоторые приемы и методику опроса исследования 2006 г.; кроме того, были привлечены те же эксперты из ЮФО, однако исследование 2007 г. имело некоторые существенные особенности. Так, круг экспертов-конфликтологов был расширен за счет федерального списка, в экспертном интервью были специально выделены четыре пункта, касающиеся непосредственно миграции.

Опрошенные в 2006 г. специалисты отметили явную связь экономической обусловленности региональных конфликтов с неконтролируемыми миграционными процессами. Проблемы, как они отмечали, ощущаются даже в самых экономически благополучных регионах ЮФО (Ростовская область, Краснодарский край). Тогда же эксперты привели ряд рекомендаций по смягчению ситуации, сложившейся на Северном Кавказе.

В 2007 г. примерно та же группа экспертов, живущих и работающих в ЮФО, высказала некоторые предложения по поводу снижения конфликтогенности миграции: «Нужен комплекс мер, позволяющий и мигрантам адаптироваться к новой среде обитания, и старожильческому населению не чувствовать себя обделенным. Необходима экономическая поддержка государства и негосударственных структур; определенная социальная политика; образовательные и культурные программы и, разумеется, правовое регулирование всех этих мероприятий. Правда, для всего этого необходимо эффективное, дееспособное государство, избавившееся от коррупции и находящееся под контролем своих граждан»².

¹ См.: *Авксентьев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В.* Региональная конфликтология: концепты и российская практика. М., 2008.

² Там же.

«Местные власти должны составить себе ясное представление о миграционном процессе, вывести его из тени... необходим комплекс мер, программа адаптации мигрантов в местное сообщество. Чем более открытым будет этот процесс, тем ниже риск возникновения деструктивных конфликтов в этой сфере. Целесообразно проводить социологические исследования о положении дел в этой сфере и с учетом полученных результатов принимать конкретные меры»¹.

---

¹ Авксе́ев В.А., Гриценко Г.Д., Дмитриев А.В. Указ. соч. С. 139.

Заклучение

Приведенные оценки и подходы экспертов к выработке региональной миграционной политики фиксируют лишь небольшую часть противоречий и проблем, сложившихся в южном макрорегионе. По-видимому, здесь сформировалась уникальная по сравнению с другими регионами миграционная обстановка, связанная с рисками неуправляемого передвижения населения, не столько внешнего, сколько внутреннего. Поскольку такой регион, как Северный Кавказ, трудоизбыточен, экономическая конкуренция, связанная с трудовой миграцией, имеет тенденцию к обострению. Немаловажной является и этническая составляющая этой конкуренции: внешние мигранты – из Средней Азии и Закавказья, внутренние – из трудоизбыточных республик Северного Кавказа. Заметные культурные и конфессиональные различия накладываются, как это ни прискорбно, на низкий профессионализм работников миграционных служб и низкий уровень общей культуры как мигрантов, так и старожильческого населения.

Несмотря на наличие противоречий в экспертных мнениях, собранных и проанализированных в ходе исследования, в них содержится, на наш взгляд, несомненно важная информация для анализа и последующей выработки политики в области миграции населения в ЮФО.

В сложных трансформационных процессах, происходящих в стране, фактор миграции приобретает особую значимость. В условиях депопуляции населения, наблюдаемой во многих регионах страны, единственным источником пополнения экономически активного населения является миграция. Однако наряду с бесспорными плюсами миграция весьма часто является фактором дестабилизации местного социального поля. Причинами дестабилизационной роли миграции являются: низкий уровень толерантности принимающего населения; отсутствие эффективной миграционной политики в субъектах Федерации; невнимание властей к миграционным процессам на мезо- и микроуровнях, сворачивание программ поддержки вынужденных переселенцев, отсутствие четких адаптационных установок мигрантов и т.п.

Готовность и способность местного населения и мигрантов к взаимной адаптации и интеграции не рассматривается на уровне администраций принимающих регионов. Априори предполагается, что усилия по интеграции должны исходить только от мигрантов. В рамках этого представления миграция выступает опасным для общественного равновесия феноменом, когда вхождение акторов, социализированных в других культурах, объективно сталкивается с интересами и ценностями принимающего сообщества. Такая миграция создает ситуацию деприваций личности как социального актора. Интегрированное общество находится в состоянии равновесия, если его элементы – индивидуальные акторы – соответствуют культурным требованиям и занимают надлежащее место в социальной иерархии. Регуляция общественного равновесия – первостепенная задача государства и региональных властей с участием гражданского общества на основе объяснения социальными науками причин его нарушений.

На Ставрополье современные миграционные процессы оказывают значительное влияние не только на экономику через участие мигрантов в трудовом рынке, не только на этнический состав населения края, но и на социокультурную, этноконфессиональную ситуацию. Так как основным стимулирующим мотивом въезда в край выступают неформальные регуляторы, которые представляют мигрантские (родственные) социальные сети, актуализируется использование наряду с экономическими, правовыми механизмами качественных социокультурных механизмов адаптации и интеграции, включающих образовательно-просветительские, информационные программы, целевые программы социокультурного взаимодействия с выходом на партнерство мигрантов и старожилов, сопровождаемые исследовательскими проектами и участием поддерживаемых государством общественных организаций.

Динамика интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество

Программа социологического исследования

1. Актуальность проведения исследования

Ставропольский край занимает одно из первых мест в Российской Федерации по числу вынужденных переселенцев, прибывших в край на постоянное место жительства в 1990-е гг. после распада СССР. Их вхождение в новый социум происходило в сложных непланируемых условиях, поэтому проблемы интеграции являются острыми, представлены на личностном, групповом и общественном уровнях. В связи с этим возникает необходимость мониторинговых исследований тенденций процесса интеграции, определения способов достижения гармоничного взаимодействия и устойчивости мигрантов в местном сообществе.

1.1. Программные задачи исследования и их решение

Цели и задачи исследования включали определение динамики показателей интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество по сравнению с уровнем и характером интеграции, которая была зафиксирована в конце 1990—начале 2000-х гг.; в уточнении тенденций и механизмов формирования и развития приживаемости вынужденных переселенцев в местном сообществе.

Объект исследования — вынужденные переселенцы, проживающие на территории Ставропольского края.

Предмет исследования — динамика процесса интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество.

Гипотеза исследования:

- ◇ динамика и результаты процесса социокультурной интеграции вынужденных переселенцев, протекающей на фоне трансформации общества, зависят от обстоятельств перемещения на новую территорию, социально-экономических и социально-психологических характеристик вынужденных переселенцев и представителей местного сообщества, условий преодоления культурных различий и социальных неравенств между ними;
- ◇ положение мигрантов в местном сообществе усугубляется пролонгированными проблемами, обусловленными неблагоприятными обстоятельствами миграции, и выделяет их как риск-группу.

Метод исследования — анкетирование.

Методы обработки и анализа первичной информации — компьютерная обработка и анализ с использованием программы SPSS; контент-анализ открытых вопросов.

1.2. Выборка и особенности организации исследования

Исследование проводилось как продолжение изучения интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество Ставропольского края, начатое исследовательской группой в 1996 г., выступая вторым этапом. Это определило его содержательные и организационные особенности. Разработка и результаты первого этапа исследования представлено в монографии: *Жогин Б.Г., Маслова Т.Ф., Шаповалов В.К.* Интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество: опыт практической и исследовательской деятельности. Ставрополь: Ставропольсервисшкола, 2002. 432 с.

В территории края выделены четыре зоны, включающие города и районы расселения мигрантов, определенные в соответствии с миграционной нагрузкой 2002 г.: 1-я зона – доля миграционной нагрузки составляет 1 %; 2-я зона – нагрузка более 1–3 %; 3-я зона – нагрузка более 3–5 %; 4-я зона – нагрузка более 5 %, что соответствует наибольшей доле вынужденных переселенцев в 1995–1997 гг. В совокупности доля переселенцев в этих территориях превышала 30 % общего числа прибывших в край.

Опрошено 592 человека.

По месту проживания респондентов на территории края: г. Ставрополь – 22,3 %; г. Невинномысск – 22,0 %; Ипатовский район – 17,7 %; Изобильненский район – 13,7 %; г. Буденновск – 7,6 %; Буденновский район – 6,4 %; Георгиевский район – 5,2 %.

Данные территории как наиболее представительные входят во 2-ю и 3-ю зоны.

По возрасту: 25–30 лет – 35,0 %; 31–40 – 2,3 %; 41–50 – 31,3 %; 51–60 – 14,3 %; старше 60 лет – 14,0 %.

По полу: 47,3 % составляют мужчины; 50,3 % – женщины.

По времени выезда из прежнего места проживания: до 1995 г. – 41,6 %; 1995–1997 гг. – 45,1 %; 1998–1999 гг. – 11,4 %; после 2000 г. – 1,9 %, что соответствует реальным потокам вынужденных мигрантов, прибывших в край.

1.3. Организаторы, участники исследования и его результаты:

Исследование выполнялось при участии Ассоциации переселенческих организаций Ставропольского края «Солидарность».

2. Теоретический анализ процесса интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество

2.1. Интерпретация понятия социальной интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество как ключевого

Определение понятия интеграции в социологической науке. Сущность понятия интеграции в социологической науке интерпретируется с точки зрения системного и социального анализа.

Во-первых, интеграция рассматривается как совокупность процессов, благодаря которым происходит сцепление разнородных взаимодействующих элементов в социальную общность, целое, систему; как форма поддержания социальными группами определенной устойчивости и равновесия общественных отношений; как способность социальной системы или ее частей к сопротивлению разрушительным факторам, самосохранению.

Во-вторых, интеграция означает включенность индивида в группу, характеризует меру совпадения целей, интересов индивидов и различных социальных групп¹.

Уточнение понятия интеграции вынужденных переселенцев в контексте исследования. Социальная интеграция вынужденных переселенцев в местное сообщество определяется двояко.

Во-первых, как установление оптимальных отношений мигрантов с социальными институтами, органами власти, осуществляемых на основе их выравнивания с местным населением по показателям социально-экономического, социального и социально-правового состояния, ценностных приоритетов, морально-психологического самочувствия и др.

Во-вторых, как процесс достижения устойчивости и стабильности мигрантов в новом социокультурном пространстве, что означает соотношение состояния мотивационно-потребностной и социальной сфер жизнедеятельности личности (социальный статус, материальный уровень жизни, социальные сети и т. д.), соизмеримость и реализация объективных (средовых) и субъективных (личностных) ресурсов.

2.2. Операциональные понятия, отражающие характеристики предмета исследования – процесса интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество

Объекты интеграции – вынужденные переселенцы как перемещенные в данное сообщество группы и индивиды из других территорий субъектов Российской Федерации под воздействием неблагоприятных обстоятельств, повлиявших на изменения их социального статуса, социально-экономического положения, ценностной, мотивационно-потребностной сфер, уровня и качества жизни и т.д.

Субъекты интеграции – местное сообщество, представляемое социальными группами, институциональными образованиями принимающей территории, с которыми устанавливают связи вынужденные переселенцы; сами вынужденные переселенцы как социальная категория. В структуре местного сообщества как субъекта интеграции рассматриваются следующие компоненты:

- ◇ органы и организации власти – государственной, территориальной (районная, городская администрация), представительной (законодательное собрание с ее депутатским составом), СМИ;

¹ Современная западная социология: Словарь // Под ред. Ю.Н. Давыдова. М., 1998. С. 162.

- ◇ органы и организации социального обслуживания, культуры, досуга, охраны здоровья, образования, быта на территории местного сообщества; трудовые коллективы (работодатели, работники);
- ◇ религиозные учреждения; общественные организации;
- ◇ социальные, этнические, социально-демографические, маргинальные группы.

Факторы интеграции

Объективные – благоприятное состояние среды, понимаемое как способность сообщества противостоять разрушительным факторам через институциональные и иные формы поддержания его устойчивости и стабильности; как его предрасположенность к восприятию и принятию мигрантов на ценностном (гуманитарном), социально-правовом уровнях; как наличие условий по использованию и развитию ресурсов мигранта (материальный достаток, образование, мотивация, активность и т.д.).

Субъективные – качества участников интеграции (мигрантов и местных), таких, как социально-психологическое состояние и мотивационно-ценностный потенциал, стратегии, направленные на сотрудничество, консенсус и интегрированность; их способность противостоять деструкциям и эксклюзиям; активность в создании и поддержании индивидуальной и социальной устойчивости и стабильности.

Критерии динамики и оценки процесса интеграции

Критерии положительной динамики отражают:

- ◇ тенденции создания условий равноправного взаимодействия в достижении взаимности интересов субъектов процесса интеграции;
- ◇ тенденции к сплочению, объединению субъектов процесса интеграции через трансформационное взаимодействие (развитие личности и общества) в целях достижения их устойчивости в интегрирующемся сообществе;
- ◇ тенденции сближения и выравнивания показателей социального развития групп местного сообщества и вынужденных переселенцев как его части, удовлетворенности своим социальным самочувствием.

Степень полноты («развернутости») данных тенденций указывает на уровни интеграции: *высокий*, означающий более или менее полную интегрированность по кругу показателей; *средний*, означающий частичную интегрированность, или приживаемость; *низкий*, означающий ограниченный круг показателей интегрированности, или приспособляемость как вынужденную меру.

Оценка динамики процесса интеграции отражает ее особенности и характер как положительный, так и отрицательный. Она (оценка) осуществляется с помощью показателей и индикаторов данного процесса в соответствии со сферами жизнедеятельности мигрантов как его субъектов; с признаками и состоянием их устойчивости в новом социуме.

АНКЕТА

прикладного исследования

ДИНАМИКА ИНТЕГРАЦИИ ВЫНУЖДЕННЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В МЕСТНОЕ СООБЩЕСТВО

Здравствуйте!

Приглашаем Вас к участию в обсуждении проблем интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество на территории края. Мы обращаемся к Вам, потому что никто глубже и точнее не сможет передать того, как это происходит. В ходе нашего опроса мы надеемся также получить ответы на аналогичные вопросы представителей различных групп людей, живущих в нашем крае.

Ваши искренние ответы будут способствовать открытости во взаимодействии с местным населением.

Внимание! Для заполнения анкеты Вам необходимо выбрать вариант ответа, соответствующий Вашему мнению, и обвести цифру, обозначающую этот вариант. Вы также можете дописать свой ответ на отведенной для этого строке. Подписывать анкету не обязательно.

Заранее выражаем благодарность за сотрудничество.

Ставрополь, 2006

1. Скажите, пожалуйста, из какой республики (региона) мигрировала Ваша семья?
1 – Казахстан.
2 – Таджикистан.
3 – Узбекистан.
4 – Чечня.
5 – Другое _____
2. В каком населенном пункте Ваша семья проживала до переезда в Россию?
1 – В республиканском (областном) центре.
2 – В городе, поселке городского типа.
3 – В сельской местности.
3. Вся ваша семья проживает сейчас в одном населенном пункте (не разъединена)?
1 – Да, в одном населенном пункте.
2 – Нет, в нескольких.
4. Укажите, в каком населенном пункте (пунктах) Ваша семья проживает в настоящее время? (отметить все варианты).
1 – В республиканском (областном) центре.
2 – В городе, поселке городского типа.
3 – В сельской местности.
5. Сколько раз Вы меняли место жительства, прежде чем приехать в настоящее место проживания?
1 – Приехал сразу.
2 – Это наше второе место жительства.
3 – Это наше третье место жительства.
4 – Меняли место жительства более трех раз.

Известно, что переезд на новое место жительства сопряжен со множеством проблем. Ответьте, пожалуйста, как Вам удастся преодолевать самые насущные из них.

6. Как решена Ваша жилищная проблема на сегодня?
1 – Имеем постоянное жилье – частный дом.
2 – Имеем постоянное жилье – квартиру.
3 – Проживаем во временном жилье от специального жилищного фонда миграционной службы.
4 – Проживаем во временном жилье – в центре временного размещения.
5 – Снимаем квартиру (комнату).
7. Каким образом Вы получили жилье?
1 – Получили муниципальное жилье.
2 – Предоставлено предприятием (организацией), на котором работаем.
3 – Получили жилье от миграционной службы.
4 – Приобрели за свой счет.
5 – Построили за свой счет.
6 – Обменяли жилье.
8. Если занимаете временное жилье, то как долго Вы в нем проживаете?
1 – Один год.
2 – 2–3 года.
3 – 4–5 лет.
4 – Более 5 лет.
9. Сколько лет Вы проживаете на территории края?
1 – 1–3.
2 – 4–7.
3 – 8–10.
4 – Другое _____
10. Изменилось ли имущественное положение Вашей семьи по сравнению с ситуацией до миграции?
1 – Ухудшилось.
2 – Улучшилось.
3 – Осталось без изменений.
11. Изменился ли уровень дохода Вашей семьи по сравнению с ситуацией до переезда в это место жительства?
1 – Снизился.
2 – Повысился.
3 – Остался без изменений.
12. Если можно, поясните Ваш ответ _____
13. Имеете ли Вы работу в настоящее время?
1 – Да.
2 – Нет.
14. Если «да», Ваша работа:
1 – Временная.
2 – Постоянная.
3 – И временная, и постоянная.

|| На вопросы № 15–20 отвечают только работающие.

- 15.** Вы работаете:
1 – По найму.
2 – Имеете собственное дело.
3 – На условиях кооперации с другими.
- 16.** Коллектив, в котором Вы работаете, состоит:
1 – Только из местных жителей.
2 – Только из переселенцев.
3 – В него входят те и другие.
- 17.** Вы работаете по профилю своей прежней профессиональной деятельности?
1 – Да.
2 – Нет.
- 18.** Если «нет», приходилось ли Вам проходить переобучение (переподготовку) в связи с новым видом профессиональной деятельности по какому-либо из мест Вашей работы?
1 – Да.
2 – Нет.
- 19.** Если не приходилось, то почему не проходили переобучение? (возможно несколько вариантов ответов)
1 – Негде.
2 – Есть где, но дорого.
3 – Нет на это времени.
4 – Не знаю, как это можно сделать.
5 – Нет желания.
6 – Нет необходимости.
7 – Другое (что?) _____
- 20.** Как Вы считаете, есть ли у Вас перспективы для профессионального роста?
1 – Скорее, да.
2 – Скорее, нет.
3 – Затрудняюсь ответить.
- || Вопросы № 21–25 для тех, кто не имеет работы.
- 21.** Вы не имеете работу:
1 – С момента переезда и до сих пор.
2 – Имели некоторое время и потеряли.
3 – Другое.
- 22.** Как долго Вы не имеете работы?
1 – До 1 года.
2 – Более 1 года до 3 лет.
3 – Более 3 до 5 лет.
- 23.** Если не имеете работы, являлись ли Вы официально безработным?
1 – Да.
2 – Нет.
- 24.** Получаете ли Вы пособие по безработице?
1 – Да.
2 – Нет.

25. Какое у Вас образование?

- 1 – Высшее.
- 2 – Неоконченное высшее.
- 3 – Среднее специальное.
- 4 – Полное среднее.
- 5 – Неполное среднее.
- 6 – Студент, учащийся техникума, ПТУ.

26. Часто люди, имея одни и те же образование, профессию, возраст, ощущают себя по-разному. Среди приведенных определений отметьте те, которые Вы относите к себе (до 3 вариантов ответа).

- 1 – Гражданин
- 2 – Русский (другая национальность) _____
- 3 – Человек.
- 4 – Беженец.
- 5 – Казак.
- 6 – Крестьянин.
- 7 – Переселенец.
- 8 – Труженик.
- 9 – Безработный.
- 10 – Родитель.
- 11 – Общественный деятель, активист, россиянин.
- 12 – Семьянин.
- 13 – Руководитель, лидер.
- 14 – Создатель нового.
- 15 – Другое _____
- 16 – Затрудняюсь ответить.

27. Имеете ли Вы статус вынужденного переселенца (беженца)?

- 1 – Имею.
- 2 – Имел, но утратил.
- 3 – Не получил.

28. Если имеете или имели такой статус, способствовало ли это улучшению Ваших жизненных условий?

- 1 – Да.
- 2 – Не вполне.
- 3 – Нет.

29. Поясните Ваш ответ _____

30. Имеете ли Вы регистрацию по месту проживания?

- 1 – Имею временную прописку.
- 2 – Имею постоянную прописку.
- 3 – Не имею регистрации.

31. Имеете ли Вы и члены Вашей семьи страховой полис обязательного медицинского страхования?

- 1 – Никто не имеет.
- 2 – Имеют не все.
- 3 – Все имеют.

Особую тревогу в вынужденном переселении вызывают дети, для которых новая обстановка часто усложняет выполнение их главной задачи – учебы.

Если у Вас есть дети школьного возраста, ответьте, пожалуйста, на следующие вопросы.

32. Были ли у вас проблемы в определении детей (ребенка) в школу по прибытии на новое место жительства?

1 – Да.

2 – Нет.

3 – Нет детей школьного возраста.

33. Если Ваши дети (ребенок) испытывают трудности в учебе, то насколько, по Вашему мнению, они связаны со следующими причинами? (ответ в каждой строке).

Причина трудностей в учебе детей	В значительной степени	В некоторой степени	Не связаны	Затрудняюсь ответить
Длительный перерыв в обучении	1	2	3	4
Иные требования программы обучения	1	2	3	4
Недостаточное знание русского языка	1	2	3	4
Отставание по ряду предметов	1	2	3	4
Плохое здоровье	1	2	3	4
Переживания из-за переезда	1	2	3	4
Необеспеченность учебной литературой	1	2	3	4
Отсутствие необходимых условий для занятий дома	1	2	3	4
Взаимоотношения с учителями	1	2	3	4
Взаимоотношения с учащимися	1	2	3	4

34. Есть ли у Вашей семьи возможность дать своим детям профессиональное образование следующих уровней? (отметьте все возможные варианты)

1 – Начальное профессиональное.

2 – Среднее специальное.

3 – Высшее профессиональное.

4 – Нет возможности дать профессиональное образование.

Переезжая на новое место жительства, Вы, возможно, имели определенные ожидания и представления о том, что может быть впереди. Несколько вопросов на эту тему.

35. В какой степени совпали Ваши ожидания и те социальные условия, в которых Вы оказались на новом месте жительства?

- 1 – Полностью совпали.
2 – Почти совпали.
3 – Совпали частично.
4 – Не совпали.

36. Если можно, поясните Ваш ответ _____

37. Что Вы думали о том, как Вас примут местные жители? (один вариант ответа)

- 1 – Думал, что примут как своего и помогут.
2 – Думал, что примут относительно терпимо.
3 – Предполагал, что отнесутся как к чужому.

38. Эти ожидания совпали с реальностью?

- 1 – Да.
2 – Не совсем.
3 – Нет.

39. Как к Вам и другим переселенцам относятся окружающие?

	Хорошо	Скорее хорошо, чем нет	Хуже, чем к местным	Плохо	Затрудняюсь ответить
Работники органов власти	1	2	3	4	5
Работники социальных учреждений (школа, больница, магазин и др.)	1	2	3	4	5
Работники средств массовой информации	1	2	3	4	5
Члены местных общественных организаций	1	2	3	4	5
Люди, которые живут по соседству	1	2	3	4	5

40. В какой мере отличаются традиции, обычаи, нормы поведения людей в данной местности от принятых там, где Вы проживали прежде?

- 1 – Значительно отличаются.
2 – Отличаются в некоторой степени.
3 – Не отличаются.

41. Если есть различия, как Вы к ним относитесь?

- 1 – Они меня раздражают.
2 – Они для меня безразличны.

- 3 – Они мне нравятся.
- 4 – Они меня удивляют.
- 5 – Я их принимаю, как свои.
- 6 – Затрудняюсь ответить.

42. Если отличия раздражают или нравятся, то поясните ваш ответ.

- 1 – Раздражают _____
- 2 – Нравятся _____

43. Создают ли различия, которые Вы замечаете, трудности в общении с местными жителями?

- 1 – Да, значительные
- 2 – Есть небольшие трудности.
- 3 – Нет.

44. Как Вы оцениваете свои знания местных обычаев, традиций, правил поведения?

- 1 – Имею полное представление.
- 2 – Частично знаком.
- 3 – Плохо знаю.

45. Скажите, пожалуйста, в каких из перечисленных ниже мероприятий Вы участвуете?

- 1 – Государственные праздники (1 Мая, День России и т.д.):
  - 1 – Да.
  - 2 – Нет.
- 2 – Традиционные местные праздники (День города, села и т.п.):
  - 1 – Да.
  - 2 – Нет.
- 3 – Традиционные религиозные праздники (Пасха, Рождество и др.):
  - 1 – Да.
  - 2 – Нет.
- 4 – Культурные мероприятия, проводимые органами культуры и досуга:
  - 1 – Да.
  - 2 – Нет.

46. Если «нет», то почему?

- 1. _____
- 2. _____
- 3. _____
- 4. _____

47. В какой степени осуществились Ваши намерения в новых условиях?

Намерение	Полностью осуществилось	Почти осуществилось	Осуществилось частично	Не осуществилось	Затрудняюсь ответить
Получение статуса	1	2	3	4	5
Трудоустройство	1	2	3	4	5
Жилищное обустройство	1	2	3	4	5

Окончание таблицы

Намерение	Полностью осуществилось	Почти осуществилось	Осуществилось частично	Не осуществилось	Затрудняюсь ответить
Образование детей	1	2	3	4	5
Медицинское обслуживание	1	2	3	4	5
Получение ссуд и пособий	1	2	3	4	5
Установление хороших отношений с местными жителями	1	2	3	4	5
Проведение досуга	1	2	3	4	5
Занятие личным подсобным хозяйством	1	2	3	4	5

Вокруг Вас новые люди, новая жизнь, в чем-то непохожая на Вашу прежнюю. Несколько вопросов об этом.

- 48.** Как Вы ощущаете себя в окружающих Вас условиях в настоящее время?
 1 – Замечательно.
 2 – Хорошо.
 3 – Удовлетворительно.
 4 – Плохо.
 5 – Неопределенно.
- 49.** Как Вы считаете, в какой мере Вам удалось приспособиться к новым условиям?
 1 – Вполне приспособился.
 2 – Отчасти приспособился.
 3 – Не приспособился.
 4 – Затрудняюсь ответить.
- 50.** С кем Вы чаще всего контактируете при решении своих жизненных вопросов (условия жизни, занятость, положение семьи)? (возможно несколько вариантов ответа)
 1 – С местными жителями.
 2 – С местной властью.
 3 – С общественными организациями НКО.
 4 – С беженцами и вынужденными переселенцами.
- 51.** По каким жизненно важным для вас вопросам Вы контактируете чаще всего с местным населением и вынужденными мигрантами?

Вопрос	С местным населением	С беженцами и вынужденными переселенцами
Трудовая деятельность	1	2

Окончание таблицы

Вопрос	С местным населением	С беженцами и вынужденными переселенцами
Личное подсобное хозяйство	1	2
Воспитание и обучение детей	1	2
Досуг	1	2
Общественная работа	1	2
Жилищные дела	1	2

52. Какое из приведенных ниже высказываний соответствует Вашему восприятию вынужденных переселенцев?

- 1 – Это порядочные, добрые, отзывчивые люди.
- 2 – Это живущие собственной жизнью люди, не очень интересующиеся проблемами других.
- 3 – Это завистливые к успехам других, часто конфликтующие люди.
- 4 – Другое _____
- 5 – Затрудняюсь ответить.

Как бы там ни было для окружающих, как и везде, мигранты – новые люди. В процессе взаимодействия местное окружение (население, органы власти) воспринимают их по-разному. Хотелось бы поговорить об этом.

53. Если Вы работаете, каковы Ваши взаимоотношения в процессе производственной деятельности? (ответ в каждой строке)

Взаимоотношения	Хорошие	Скорее хорошие, чем плохие	Трудно сказать	Скорее плохие, чем хорошие	Плохие
С работниками из местных жителей					
С работниками-переселенцами					

54. На работе чувствуете ли Вы разницу в отношениях местного руководства (руководителя) к Вам и работникам – местным жителям?

- 1 – К нам относятся лучше.
- 2 – К нам относятся хуже.
- 3 – Нет разницы в отношениях.
- 4 – Не работаю.
- 5 – Мой руководитель – из вынужденных мигрантов.

55. Если есть разница в отношениях, то в чем она выражается? _____
56. Чувствуете ли Вы себя ущемленным по сравнению с местными жителями в вопросах:
- ◇ Получения пенсий:
1 – Да. 2 – Нет. 3 – Затрудняюсь ответить. 4 – Не получаю пенсии.
  - ◇ Получения пособий (в том числе детских):
1 – Да. 2 – Нет. 3 – Затрудняюсь ответить. 4 – Не получаю пособий.
  - ◇ Предоставления льгот:
1 – Да. 2 – Нет. 3 – Затрудняюсь ответить. 4 – Не пользуюсь льготами.
57. Имеет ли Ваша семья личное подсобное хозяйство?
1 – Да.
2 – Нет.
58. Если не имеете подсобного хозяйства, то почему? (возможно несколько вариантов ответа)
1 – Не хочу.
2 – Не умею.
3 – Не имею возможности.
59. Если имеете подсобное хозяйство, с кем Вы сотрудничаете по вопросам его ведения? (отметьте все варианты)
1 – С соседями.
2 – С фермерскими хозяйствами.
3 – С частными предприятиями.
4 – С органами управления.
5 – С организациями, выдавшими микрокредит.
6 – Ни с кем.
7 – Другое _____
60. Реализуете ли продукцию личного подсобного хозяйства?
1 – Да.
2 – Не всегда.
3 – Нет.
61. Если реализуете, испытываете ли при этом трудности?
1 – Да.
2 – Нет.
62. Если «да», то с чем связаны эти трудности? _____
63. Скажите, пожалуйста, были ли Вы как мигрант участником конфликта(ов) с местными жителями?
1 – Да.
2 – Нет.
64. Если «да», что явилось причиной возникновения конфликта(ов)? _____
65. Известны ли Вам подобные случаи у других мигрантов?
1 – Да.
2 – Нет.
66. Если «да», кто чаще выступал инициатором конфликтов?
1 – Местные жители.

2 – Вынужденные переселенцы.

3 – Обе стороны.

4 – Затрудняюсь ответить.

||| Теперь несколько слов о позиции и поведении мигрантов в новых условиях.

67. Скажите, пожалуйста, какое поведение преобладает у вынужденных мигрантов в новых условиях проживания? (только один вариант ответа)

1 – Активное, деятельное: чтобы только выжить.

2 – Активное, деятельное: чтобы выжить самим и быть не хуже местных.

3 – Активное, деятельное: чтоб быть лучше местных.

4 – Пассивное: пусть дадут то, что положено, и этого достаточно.

5 – Пассивное: «будь что будет».

6 – Другое _____

7 – Затрудняюсь ответить.

68. Какое суждение ближе Вам? (один вариант)

1 – Выходить из трудностей самому.

2 – В трудностях не отказываться от посторонней помощи.

3 – Найти тех, кто должен оказать помощь.

4 – Довольствоваться тем, что дают.

5 – Найти тех, кто может и хочет оказать помощь.

69. Можете ли сказать, что среди вынужденных мигрантов участились проявления неординарного поведения? (ответ в каждой строке)

Проявления	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Конфликты с местными жителями	1	2	3
Пьянство	1	2	3
Правонарушения	1	2	3
Жестокость в семейных отношениях	1	2	3
Укрепление семейных отношений	1	2	3
Повышение авторитета в местном сообществе	1	2	3
Внесение нового общественно полезного в местное сообщество	1	2	3
Предложение сотрудничества с местным сообществом	1	2	3

70. Исходя из Ваших личных наблюдений, скажите, какие браки совершаются чаще всего в среде переселенцев?

1 – Между вынужденными мигрантами и местными жителями.

2 – Между переселенцами.

3 – Затрудняюсь ответить.

- 71.** Можете что-либо сказать об общественной организации вынужденных мигрантов на территории Вашего проживания?
1 – Слышал о такой.
2 – Получал помощь.
3 – Являюсь членом этой организации.
4 – Являюсь организатором (активным участником) организации.
5 – Ничего не могу сказать.
6 – Таких организаций нет.
- 72.** Занимались ли Вы общественной деятельностью до вынужденной миграции?
1 – Да.
2 – Нет.
- 73.** Участвуете ли Вы в общественной жизни сейчас?
1 – Да, лидер, член общественной организации.
2 – Да, участник различных акций, кампаний.
3 – Нет, но мог бы участвовать.
4 – Нет.
- 74.** Если Вы член общественной организации, то какой?
1 – Организации, ранее действовавшей на территории проживания.
2 – Вновь созданной организации.
- 75.** Если бы Вы могли участвовать в общественной жизни, то при каких условиях?
-
- 76.** Есть ли у Вас увлечение (хобби) и можете ли заниматься им на новом месте жительства?
1 – Да, есть и могу заниматься.
2 – Есть, но не могу заниматься по различным причинам.
3 – Нет увлечений, но могут появиться.
4 – Нет увлечений.
- 77.** Какое из перечисленных ниже высказываний в наибольшей мере соответствует Вашему нынешнему внутреннему состоянию?
1 – Живу спокойно. Всем доволен.
2 – Есть отдельные проблемы.
3 – Меня беспокоят многие проблемы, решение которых вызывает большие затруднения.
4 – Живу в постоянном беспокойстве и ожидании опасности.
5 – Нахожусь в безвыходной ситуации.
6 – Другое (что? напишите свое мнение) _____
- || В заключение расскажите, пожалуйста, о себе и своей семье.
- 78.** Каковы Ваши дальнейшие планы на жительство?
1 – Твердо решили, что останемся здесь.
2 – Намерены переехать в другой регион России.
3 – Намерены вернуться на прежнее место жительства.
4 – Трудно сказать.
5 – Другое (что?) _____
- 79.** Если бы начать сначала, приняли бы Вы решение переехать в это место жительства?
1 – Да.
2 – Нет.
3 – Трудно сказать.

80. В какой отрасли народного хозяйства Вы...

Отрасль народного хозяйства	Трудились до переезда	Трудитесь сейчас
Промышленность	1	2
Сельское, лесное и рыбное хозяйство	1	2
Строительство	1	2
Транспорт	1	2
Связь	1	2
Торговля, общепит, заготовки, материально-техническое снабжение, сбыт	1	2
Просвещение	1	2
Наука и научное обслуживание	1	2
Культура и искусство	1	2
Здравоохранение, физкультура, спорт и социальное обеспечение	1	2
Жилищно-коммунальное хозяйство и бытовое обслуживание	1	2
Органы управления	1	2
Финансово-кредитная система	1	2
Вооруженные Силы и правоохранительные органы (МВД, прокуратура, суд)	1	2
Учеба в вузе, ссузе, колледже	1	2
Другое	1	2

81. В каком секторе экономики Вы...

Сектор экономики	Трудились до переезда	Трудитесь сейчас
Предприятия и организации государственной и муниципальной форм собственности, общественные объединения и организации	1	2
Предприятия и организации смешанной формы собственности (совместная собственность государства и акционеров)	1	2

Окончание таблицы

Сектор экономики	Трудились до переезда	Трудитесь сейчас
Частные, приватизированные предприятия	1	2
Крестьянские (фермерские) хозяйства	1	2
Лица, занятые индивидуальным трудом	1	2
Другое	1	2

- 82.** К какой из перечисленных ниже категорий Вы бы могли отнести Вашу семью?
- 1 – Полная (двое родителей с детьми).
  - 2 – Многодетная (3 и более детей).
  - 3 – Неполная семья (один родитель с детьми).
  - 4 – Неполная семья (один родитель с тремя детьми и более).
  - 5 – Одинокое пенсионеры.
  - 6 – Бабушки, дедушки, их дети и внуки.
  - 7 – Пенсионеры с несовершеннолетними внуками.
  - 8 – Одинокое инвалиды.
  - 9 – Другое.
- 83.** Члены Вашей семьи...
- 1 – Одной национальности.
  - 2 – Разных национальностей.
- 84.** Скажите, если можно, из чего складывается доход семьи? (отметьте свои варианты)
- 1 – Заработная плата.
  - 2 – Пенсии.
  - 3 – Пособия.
  - 4 – Стипендия.
  - 5 – Доходы от личного подсобного хозяйства.
  - 6 – Прошлые сбережения.
  - 7 – Доходы от предпринимательской деятельности.
  - 8 – Доход от торговли.
  - 9 – Другое.
- 85.** Каков примерный доход на одного члена Вашей семьи, включая пенсии, пособия, доходы от продажи продуктов личного подсобного хозяйства, от предпринимательской, коммерческой деятельности и др.?
- 1 – До 100 руб.
  - 2 – 101–200 руб.
  - 3 – 201–300 руб.
  - 4 – 301–400 руб.
  - 5 – 401–500 руб.
  - 6 – 501–600 руб.
  - 7 – 601–700 руб.
  - 8 – 701–800 руб.

- 9 – 801–900 руб.
- 10 – 901–1000 руб.
- 11 – 1001–1500 руб.
- 12 – 1501 руб. и более.

86. Какая доля Вашего общего семейного дохода тратится на питание?

- 1 – 10 %.
- 2 – 25 %.
- 3 – 50 %.
- 4 – 75 %.
- 5 – 100 %.

87. Скажите, пожалуйста, Вы ощущаете себя...

- 1 – Вполне здоровым.
- 2 – В общем здоровым.
- 3 – Нездоровым.
- 4 – Очень больным.

88. Попробуйте оценить плюсы и минусы Вашей новой жизненной ситуации. Завершите предложение:

- 1 – В новой жизненной ситуации, связанной с миграцией моей семьи, положительно то, что: _____
- 2 – В новой жизненной ситуации, связанной с миграцией моей семьи, отрицательно то, что: _____

89. Как Вы оцениваете свою уверенность в завтрашнем дне?

- 1 – Вполне уверен.
- 2 – Не в полной мере уверен.
- 3 – Совсем не уверен.
- 4 – Не думал об этом.

90. Какое из приведенных ниже высказываний более точно характеризует Вашу готовность преодолевать трудности?

- 1 – Вполне готов (готов и дальше) преодолевать трудности самостоятельно.
- 2 – Готов при условии оказания необходимой помощи.
- 3 – Не уверен в том, что готов и дальше преодолевать трудности.
- 4 – Не думал об этом.
- 5 – Другое (что?) _____

91. Ваш пол:

- 1 – Мужской.
- 2 – Женский.

92. Ваш возраст (год рождения) _____

93. Год приезда в край _____

Социологическое исследование Трудовая миграция как фактор развития региона

1. Программа исследования

Миграция — одно из знаковых явлений общества современной эпохи, которое затрагивает все без исключения страны и народы, оказывает серьезное воздействие на разные стороны жизни. Сегодня взаимосвязи между миграциями и социальными изменениями стали более глубокими, а сами миграционные процессы занимают ведущее место в числе причин и факторов социальных изменений, которые, с одной стороны, способствуют улучшению экономических и социальных условий, а с другой — усиливают напряженность и неравенство как в обществах получения мигрантов, так и в обществах их отдачи. Установление объективных соответствий существующих социальных отношений потребностям и интересам свободно мигрирующей личности, а также развитию принимающего и отдающего регионов — одна из актуальных проблем современной науки и практики.

Это особенно наглядно представляется в трудовой миграции как наиболее интенсивном виде территориальных перемещений населения. Так, по данным Управления по делам миграции Ставропольского края, только в зарегистрированном потоке миграции за период, охватывающий 2005 г. и первое полугодие 2006 г., доля трудовых мигрантов составила 27,9 %.

В настоящее время на Ставрополье, как и в российском социуме в целом, обнаруживаются противоречия интересов и потребностей коренного населения края и трудовых мигрантов, ухудшение социального самочувствия тех и других.

Острота вопроса трудовой миграции обусловлена особенностями Ставропольского края как одного из сложных регионов России. Особенности края составляют: полиэтничность, поликонфессиональность, динамичные миграционные процессы, неоднородность социально-экономического пространства, различная степень урбанизации населения, значительная социально-политическая конфликтность, проявление терроризма и экстремизма, наличие проблем, связанных с геополитическим и пограничным положением, которые создают специфическую среду, влияющую на социальное самочувствие населения и трудовых мигрантов как его части.

В крае действуют факторы, актуализирующие проблему стимулирования трудовой миграции — тенденции ухудшения демографической ситуации, снижение доли трудоспособного населения, большая привлекательность соседних регионов Юга России для рабочей силы и ее востребованность на региональном рынке труда в перспективе.

Известно, что трудовые мигранты объективно представляют собой наиболее активное население. По данным Управления по делам миграции Ставропольского края, средний возраст трудового мигранта составляет примерно 34 года, при этом женщины в среднем моложе, чем мужчины (соответственно 30 лет и 34 года). Трудовые мигранты имеют высокий уровень образования и опыт работы. Лица без образования составили всего 1 %, неоконченное среднее образование имеют только 6 %, среднее – 30 %, высшее, неоконченное высшее и ученую степень – 30 %, среднее специальное образование – 33 % (соответственно 36,4 % мужчин и 28,9 % женщин). Среди трудовых мигрантов явное большинство составляют мужчины (около 70 %).

Прирост трудоспособного населения, в том числе высококвалифицированных кадров, может создать благоприятные возможности для улучшения социокультурной ситуации, активизации хозяйствования. Баланс интересов различных социально-экономических групп при оптимальном обеспечении их потребностей прямо связан с особенностями социально-экономического и политического развития социума, качественными и количественными характеристиками населения региона, где мигранты составляют значительную его часть и их доля в сегодняшних условиях будет возрастать

Цель исследования – изучение качества трудовой миграции как интегрального показателя развития региона и его субъектов.

Объект исследования – трудовая миграция как социокультурное явление современного регионального сообщества в условиях Ставропольского края

Предмет исследования – факторы трудовой миграции, стимулирующие развитие региона.

Основные гипотезы исследования

1. Интенсификация потоков капитала, товаров и услуг не могут осуществляться без параллельных потоков людей, идей, поэтому трудовая миграция способствует передаче самого ценного ресурса – человеческого капитала как совокупной энергии и социальных качеств мотивированной на миграцию личности.

2. С позиции миграционного поведения причинами трудовой миграции выступают не только объективные внешние причины (военные действия, экстремизм, катастрофы и т.д.), но и субъективные, личностные, такие, как желание изменить статус, улучшить материальное положение, самореализация, смена обстановки и т.п. Поэтому трудовую миграцию можно определить как одну из форм самоорганизующегося потенциала личности.

3. Личность трудового мигранта представляет собой устойчивую совокупность таких социально значимых качеств, как: трудолюбие, целеустремленность, ответственность, обязательность, организованность, психологическая устойчивость, неприхотливость, толерантность. В современных условиях именно эти качества способствуют преодолению

трудной жизненной ситуации, позволяют выстоять в жестких рыночных условиях, улучшить свою жизнь и жизнь своих близких.

4. Взаимодействие трудовых мигрантов и местного населения при адекватной социальной политике формирует благоприятную инновационную развивающую среду.

5. Учет положительных сторон трудовой миграции позволяет принять актуальные управленческие решения в социально-политических, социально-экономических отношениях, построить адекватную социальную политику.

Задачи исследования

- ◇ определить и оценить показатели позитивных изменений в регионе как результаты трудовой миграции (экономические, политические, культурные, политические, психологические);
- ◇ проанализировать состояние развития субъектов трудовой миграции;
- ◇ изучить самооценки психологического и физического состояния личности в условиях трудовой миграции, проанализировать ожидания индивидов в отношении перспектив своей дальнейшей жизни (степень социального оптимизма/пессимизма).

Выборка исследования

Эмпирическую базу исследования составляют данные о трудовых мигрантах, находящихся на территории Ставропольского края: статистические данные Федеральной миграционной службы по Ставропольскому краю, статистические данные Министерства труда и социальной защиты Ставропольского края; данные социологического опроса.

Выборочная совокупность составила 200 человек. Обоснованность выводов исследования подтверждается репрезентативностью выборки, которая составляет 10 % официально зарегистрированных в крае трудовых мигрантов. Опрос проведен в городах Кавминводской группы Ставрополья, на которую приходится 60 % генеральной совокупности данной категории мигрантов, – в Пятигорске, Кисловодске, Железноводске, а также в Изобильненском, Степновском районах, на которые приходится от 5 до 10 % трудовых мигрантов.

В числе опрошенных 63,5 % составляют мужчины и 36,5 % – женщины, что отражают статистические данные о гендерном составе всех трудовых мигрантов.

Интерпретация основных понятий

Миграция – процесс изменения постоянного места проживания индивидов и социальных групп, выражающийся в их перемещении в другой регион, географический район или страну.

Трудовая миграция – миграция, которая не предполагает смены постоянного места жительства, по крайней мере на первоначальном этапе, в

данном случае речь идет о заработках на стороне и выезде на короткое время, причем выезд предполагает возвращение в страну исхода.

Трудящийся мигрант, согласно Конвенции о защите прав всех трудящихся мигрантов и членов их семей, принятой Генеральной ассамблеей ООН 18 апреля 1990 г., — лицо, которое будет заниматься, занимается или занималось оплачиваемой деятельностью в государстве, гражданином которого он (она) не является.

Качество трудовой миграции отражает характеристики субъектов миграции, воспроизведение, объективные и субъективные оценки социальных изменений, социальное положение и самочувствие взаимодействующих субъектов в социуме.

Социальное самочувствие включает в себя различные аспекты эмоционально-оценочного отношения индивидов к системе сложившихся социальных отношений и своему социальному статусу и измеряется через достаточность/недостаточность объективных условий для реализации собственных притязаний; отражает восприятие индивидом благополучия собственной жизни и измеряется через удовлетворенность/неудовлетворенность своими жизненными достижениями.

АНКЕТА

социологического исследования

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Здравствуйте!

Приглашаем Вас к участию в обсуждении вопросов трудовой миграции на территории края.

Многие люди в поисках работы перемещаются на территории своей Родины и за ее пределы. Просим Вас ответить на вопросы, связанные с пребыванием в крае, трудовой деятельностью, которой Вы занимаетесь. Мы обращаемся к Вам, потому что никто глубже и точнее не сможет передать и обозначить существующие проблемы.

Ваши искренние ответы будут способствовать выявлению социальных проблем и разработке мер по улучшению положения трудовых мигрантов, открытости во взаимодействиях с местным населением.

Внимание! Для заполнения анкеты Вам необходимо выбрать вариант ответа, соответствующий Вашему мнению, и обвести цифру, обозначающую этот вариант. Вы также можете дописать свой ответ на отведенной для этого строке. Подписывать анкету необязательно.

Заранее выражаем благодарность за сотрудничество.

1. Скажите, пожалуйста, откуда Вы прибыли на территорию края? Укажите страну или субъект РФ _____

2. Что побудило Вас заняться трудовой деятельностью на территории Ставропольского края? (возможно несколько вариантов ответа)
- 1 – Возможность заработать больше, чем в других регионах России.
  - 2 – Близость Ставропольского края к границам вашего государства (края, области, республики).
  - 3 – Легче трудоустроиться по сравнению с другими регионами России.
  - 4 – Благоприятные климатические условия.
  - 5 – Знаком с местной культурой.
  - 6 – Наличие в Ставропольском крае Вашей национальной диаспоры.
  - 7 – Имею родственников.
  - 8 – Другое (что? напишите) _____
3. Вы приехали по приглашению работодателя:
- 1 – Да.
  - 2 – Нет.
4. В каком составе Вы приехали на территорию края?
- 1 – Один.
  - 2 – С семьей, родственниками.
  - 3 – С другими людьми, ищущими работу.
5. В какой отрасли Вы работаете в настоящее время?
- 1 – Сельское хозяйство.
  - 2 – Строительство.
  - 3 – Промышленность.
  - 4 – Торговля.
  - 5 – Другое (что?) _____
6. Оправдались ли Ваши надежды в связи с трудоустройством на территории края?
- 1 – Да, оправдались.
  - 2 – Не совсем оправдались.
  - 3 – Нет, не оправдались.
  - 4 – Трудно сказать.
7. К какой трудовой категории Вы относите себя в настоящее время?
- 1 – Постоянно работающий.
  - 2 – Работающий от случая к случаю.
  - 3 – Другое _____
8. На какой должности Вы работаете в настоящее время?
- 1 – Административной.
  - 2 – Инженерной.
  - 3 – Рабочей.
  - 4 – Другое (что?) _____
9. Соответствует ли сфера Вашей занятости профилю Вашего профессионального образования?
- 1 – Соответствует.
  - 2 – Не совсем соответствует.
  - 3 – Не соответствует.
  - 4 – Профессионального образования не имею.

10. Как Вы думаете, можете ли Вы потерять работу, которую имеете в настоящее время?

- 1 – Скорее, нет.
2 – Скорее, да.
3 – Затрудняюсь ответить.

11. По Вашему мнению, Вы работаете:

- 1 – С максимальной нагрузкой.
2 – С «запредельной нагрузкой».
3 – С нормальной нагрузкой.
4 – С минимальной нагрузкой.
5 – Затрудняюсь ответить.

12. Скажите, пожалуйста, могли бы Вы работать лучше?

- 1 – Да, при определенных условиях.
2 – Каких? _____
3 – Нет.
4 – Не могу.
5 – Не хочу.
6 – Трудно сказать.

13. Что Вас больше всего устраивает или не устраивает в работе? (ответ в каждой строке)

	Устраивает	Не устраивает	Затрудняюсь ответить
Взаимоотношения с руководством	1	2	3
Взаимоотношения с коллегами	1	2	3
Условия оплаты	1	2	3
Условия труда	1	2	3
Нарушение трудовых прав	1	2	3
Содержание, характер работы	1	2	3
Другое (что?)	1	2	3

14. Собираетесь ли Вы сменить работу?

- 1 – Да, сменю.
2 – Нет, но хотел бы.
3 – Нет.
4 – Затрудняюсь ответить.

15. Скажите, пожалуйста, в каких сферах жизнедеятельности Вам приходилось сталкиваться с нарушением прав? (возможно несколько вариантов ответа)

- 1 – В трудовой.
2 – Медицинской.
3 – Жилищно-бытовой.
4 – Социальной защиты.
5 – Семейной.
6 – Другой (какой?) _____
7 – Не приходилось вообще.

- 16.** Как Вы думаете, что необходимо для реализации прав трудовых мигрантов? (возможно несколько вариантов ответа)
- 1 – Укрепление законности на всех уровнях государства и общества.
  - 2 – Расширение общественного правозащитного движения.
  - 3 – Преодоление коррупции и взяточничества в органах власти.
  - 4 – Совершенствование законодательства.
  - 5 – Повышение правовой культуры представителей органов власти.
  - 6 – Повышение правовой культуры всеми гражданами.
  - 7 – Другое (что?) _____
- 17.** Что лежит в основе Вашего поведения на месте пребывания? (не более трех вариантов ответа)
- 1 – Международное право.
  - 2 – Закон РФ.
  - 3 – Общечеловеческие нормы морали.
  - 4 – Религиозные нормы.
  - 5 – Обычаи и традиции своего народа.
  - 6 – Обычаи и традиции своего круга, компании.
  - 7 – Другое (что?) _____
- 18.** Каково Ваше отношение к закону?
- 1 – Следует соблюдать закон всегда.
  - 2 – Следует соблюдать закон только в том случае, если он справедлив.
  - 3 – Следует соблюдать закон только в том случае, если он не мешает реализации личных интересов.
  - 4 – Затрудняюсь ответить.
- 19.** Удовлетворены ли Вы уровнем дохода по месту нынешнего пребывания?
- 1 – Вполне удовлетворен.
  - 2 – Скорее удовлетворен.
  - 3 – Скорее не удовлетворен.
  - 4 – Не удовлетворен.
  - 5 – Затрудняюсь ответить.
- 20.** Ваше материальное положение за последние 2–3 года стало:
- 1 – Лучше.
  - 2 – Не изменилось.
  - 3 – Хуже.
  - 4 – Затрудняюсь ответить.
- 21.** Как Вы думаете, изменится ли Ваше материальное положение в ближайшие 2–3 года?
- 1 – Думаю, что улучшится.
  - 2 – Думаю, что останется без изменений.
  - 3 – Думаю, что ухудшится.
  - 4 – Затрудняюсь ответить.
- 22.** Оцените, пожалуйста, финансовое положение Вашей семьи.
- 1 – Живем в достатке, ни в чем себе не отказываем.
  - 2 – Живем прилично, но приходится работать изо всех сил.
  - 3 – Отказались почти от всего, все средства уходят на питание.
  - 4 – Бедствуем, недоедаем.

- 23.** Ваши возможности для заработков стали...
- 1 – Лучше.
  - 2 – Как и раньше.
  - 3 – Хуже.
- 24.** Каковы основные источники Ваших сегодняшних доходов в период пребывания в крае? (возможно несколько вариантов ответа)
- 1 – Заработная плата по основному месту работы.
  - 2 – Доходы от собственной предпринимательской деятельности.
  - 3 – Постоянные подработки.
  - 4 – Случайные заработки.
  - 5 – Сезонные работы.
  - 6 – Другие источники (какие?) _____
- 25.** Где Вы проживаете в настоящее время?
- 1 – В собственной квартире.
  - 2 – На жилой площади родственников, близких.
  - 3 – В съемной квартире, комнате.
  - 4 – Другое _____
- 26.** Имеете ли Вы регистрацию по месту проживания?
- 1 – Имею временную прописку.
  - 2 – Имею постоянную прописку.
  - 3 – Не имею регистрации.
- 27.** Удовлетворены ли Вы условиями, в которых проживаете?
- 1 – Удовлетворен.
  - 2 – Не удовлетворен.
  - 3 – Если не удовлетворены, то почему? _____
- 28.** Какую долю доходов составляет оплата за жилье?
- 1 – Менее 20 %.
  - 2 – Приблизительно 20 %.
  - 3 – Более 20 %.
- 29.** Как Вы думаете, Ваши жилищные условия в ближайшие 2–3 года:
- 1 – Улучшатся.
  - 2 – Останутся без изменений.
  - 3 – Ухудшатся.
  - 4 – Затрудняюсь ответить.
- 30.** В какой области Вы испытываете наибольшие трудности? (возможно несколько вариантов ответа)
- 1 – В получении необходимого медицинского обслуживания.
  - 2 – В устройстве на работу по специальности.
  - 3 – В открытии своего дела.
  - 4 – В квалифицированной судебной защите.
  - 5 – В объективной информации о рынке труда.
  - 6 – В помощи в трудной жизненной ситуации.
- 31.** Если Вам необходима помощь, куда, как правило, обращаетесь: (не более двух вариантов ответа)
- 1 – В государственные органы и организации.

- 2 – К работодателю.
3 – В общественные организации.
4 – К родственникам и знакомым.
5 – Затрудняюсь ответить.
- 32.** Удовлетворяет ли Вас уровень медицинского обслуживания?
1 – Удовлетворяет полностью.
2 – Удовлетворяет частично.
3 – Не удовлетворяет.
4 – Не пользуюсь медицинским обслуживанием.
- 33.** Если не удовлетворяет, то почему? _____
- 34.** Устраивает ли Вас то, как Вы проводите свой отдых, досуг?
1 – Да.
2 – Нет.
3 – Практически не отдыхаю.
- 35.** Скажите, пожалуйста, на что Вам жалко потратить свое время?
1 – Занятие с семьей, детьми.
2 – Занятие любимой работой, хобби.
3 – Общение с друзьями.
4 – Участие в традиционных религиозных праздниках.
5 – Участие в государственных праздниках.
6 – На «помощь ближнему», общественная работа.
7 – Времяпрепровождение в «теплой компании».
8 – Время, проведенное на работе, дополнительный заработок.
9 – Другое _____
- 36.** Как Вы оцениваете состояние своего здоровья?
1 – Отличное.
2 – Удовлетворительное.
3 – Плохое.
4 – Являюсь инвалидом.
- 37.** Позволяет ли Вам состояние здоровья делать все, что необходимо?
1 – Да, всегда.
2 – Да, иногда.
3 – Нет, почти никогда.
- 38.** Чем Вы больше всего не удовлетворены? (возможно несколько вариантов ответа)
1 – Питанием.
2 – Экологической ситуацией в месте Вашего проживания.
3 – Медицинскими услугами, которыми пользуетесь.
4 – Санитарно-гигиеническими условиями работы.
5 – Санитарно-гигиеническими условиями проживания.
6 – Другое _____
7 – Всем удовлетворен.
- 39.** Если нет, почему? _____
- 40.** Приходилось ли Вам чувствовать за последний месяц... (возможно несколько вариантов ответа)
1 – Спокойствие, комфортность.

-
- 2 – Прилив энергии.
  - 3 – Уныние.
  - 4 – Беспокойство.
  - 5 – Подавленность.
  - 6 – Радость.
  - 7 – Счастье.
  - 8 – Оптимизм.
  - 9 – Страхи.
  - 10 – Разочарование.
- 41.** Что Вас больше всего беспокоит в повседневной жизни? (до трех вариантов ответа)
- 1 – Состояние здоровья.
  - 2 – Состояние здоровья близких.
  - 3 – Отношения в семье.
  - 4 – Работа, карьера.
  - 5 – Будущее детей.
  - 6 – Ваше собственное будущее, возможность осуществления жизненных планов.
  - 7 – Жилищные условия.
  - 8 – Уровень доходов Вас и членов Вашей семьи.
  - 9 – Отношение к лицам моей национальности.
  - 10 – Другое _____
-
- 42.** Какое суждение о путях выхода из трудностей Вам ближе?
- 1 – Выходить из трудностей самому.
  - 2 – В трудностях искать помощь у других.
  - 3 – Не отказываться от предлагаемой помощи.
  - 4 – Найти те государственные или общественные структуры, которые должны оказывать помощь.
  - 5 – Довольствоваться тем, что дают.
  - 6 – Найти тех, кто может и хочет оказать помощь.
- 43.** Как Вы оцениваете свою уверенность в завтрашнем дне?
- 1 – Вполне уверен.
  - 2 – Не в полной мере уверен.
  - 3 – Совсем не уверен.
  - 4 – Не думал об этом.
- 44.** Что (кто) является для Вас основой душевного спокойствия? (до трех вариантов ответа)
- 1 – Семья.
  - 2 – Родители.
  - 3 – Дети.
  - 4 – Друзья, коллеги.
  - 5 – Работа, занятость.
  - 6 – Земляки.
  - 7 – Соседи.
  - 8 – Люди, которые имеют такие же проблемы, как я.
  - 9 – Люди моей национальности.
  - 10 – Религия.

11 – Психологи и другие специалисты.

12 – Гадалки, экстрасенсы.

13 – Другое _____

45. Какое из приведенных ниже высказываний в наибольшей степени соответствует Вашему нынешнему положению?

1 – Живу спокойно, всем доволен.

2 – Есть отдельные проблемы, решение которых не требует больших усилий.

3 – Меня беспокоят многие проблемы, решение которых вызывает большие затруднения.

4 – Живу в постоянном беспокойстве и ожидании опасностей.

5 – Нахожусь в безвыходном положении.

6 – Другое _____

46. К какому слою населения Вы себя относите?

1 – Высокообеспеченному: денег хватает на удовлетворение потребностей без особых ограничений.

2 – Среднеобеспеченному: денег хватает на питание, жилье, одежду, образование, здоровье, отдых, товары длительного пользования.

3 – Низкообеспеченному: денег хватает в основном на питание, жилье, товары первой необходимости.

4 – Необеспеченному: денег не хватает даже на питание.

5 – Затрудняюсь ответить.

47. Если Вы сталкиваетесь с представителями другой культуры, национальности:

1 – Они меня раздражают.

2 – Они мне безразличны.

3 – Они мне интересны.

4 – Они меня удивляют.

5 – Я их принимаю, как своих.

6 – Затрудняюсь ответить.

7 – Не сталкиваюсь.

48. Осуждаете ли Вы межнациональные браки?

1 – Да, осуждаю.

2 – Нет, не осуждаю.

3 – Сам состою в таком браке.

4 – Собираюсь вступить в такой брак.

49. Что из перечисленного соответствует Вам (возможно несколько вариантов ответа)?

1 – Знаком с традициями, обычаями, которые присущи населению той страны, где работаю.

2 – Знаю язык (в той или иной степени).

3 – Имею друзей, знакомых.

4 – Жил когда-то.

50. В своем поведении Вы придерживаетесь культуры и обычаев той территории, где работаете?

1 – Да, придерживаюсь.

2 – Скорее да, чем нет.

3 – Скорее нет, чем да.

4 – Нет.

51. Какие чувства Вы испытываете, проживая на территории края?

1 – Здесь я чужой.

2 – Здесь я свой.

3 – Ни свой, ни чужой.

4 – Не задумывался об этом.

52. Я человек такой, который... (ответ в каждой строке)

	Да	Нет	Затрудняюсь ответить
Гордится своей национальностью	1	2	3
Гордится своей родиной	1	2	3
Считает, что право нации выше прав человека	1	2	3
Следует образу жизни своего этноса	1	2	3
Учитывает образ жизни другого этноса	1	2	3
Испытывает чувство стыда за людей своей национальности	1	2	3
Считает, что существуют «хорошие» и «плохие» нации	1	2	3
Считает, что каждый народ должен жить на своей исторической родине	1	2	3
Считает, что в повседневной жизни национальность не имеет значения	1	2	3

53. В какой мере отличаются традиции, обычаи, нормы поведения людей в данной местности от принятых там, где Вы проживали прежде?

1 – Значительно отличаются.

2 – Отличаются в некоторой степени.

3 – Не отличаются.

54. Какие взаимоотношения сложились в процессе Вашей производительной деятельности? (ответ в каждой строке)

	Хорошие	Скорее хорошие, чем плохие	Трудно сказать	Скорее плохие, чем хорошие	Плохие
С работниками из местных жителей	1	2	3	4	5
С работниками – трудовыми мигрантами	1	2	3	4	5

55. Есть ли разница в отношении работодателя к Вам и работникам – местным жителям?
1 – Ко мне относятся лучше.
2 – Ко мне относятся хуже.
3 – Нет разницы в отношениях.
56. Если есть разница в отношениях, то в чем она выражается? _____
57. Какие проблемы на территории края больше всего Вас касаются? (до трех вариантов ответа)
1 – Рост преступности.
2 – Рост цен, инфляция.
3 – Распространение наркомании, алкоголизма.
4 – Безработица.
5 – Терроризм.
6 – Коррупция, взяточничество.
7 – Жилищные проблемы и проблемы коммунального обслуживания (размер квартплаты, качество услуг).
8 – Система здравоохранения.
9 – Межнациональные отношения.
10 – Отсутствие у людей культурных и нравственных ценностей.
11 – Другое _____
12 – Затрудняюсь ответить.
58. Что побудило Вас искать работу за пределами вашей страны, республики, края, области и так далее? (возможно несколько вариантов ответа)
1 – Желание больше заработать.
2 – Самореализоваться, найти желаемую работу.
3 – Сменить обстановку.
4 – Поступил, как все.
5 – Дать образование детям.
6 – Заработать на лечение.
7 – Другое _____
59. Каковы Ваши дальнейшие планы относительно постоянного места жительства?
1 – Останусь жить там, где сейчас работаю.
2 – Намерен переехать в другое место в пределах Юга России.
3 – Хочу переехать в другой регион России.
4 – Не думал об этом.
5 – Другое _____
60. Ваш пол:
1 – М.
2 – Ж.
61. Ваш возраст:
1 – От 20 до 25 лет.
2 – От 25 до 35 лет.
3 – От 35 до 45 лет.
4 – 45 лет и старше.
62. Семейное положение:
1 – Холост (не замужем).
2 – Женат (замужем).
3 – В разводе.

63. Имеете ли вы детей:

1 – Да.

2 – Нет.

64. Если «да», то сколько?

1 – Один ребенок.

2 – Два ребенка.

3 – Три ребенка.

4 – Четыре ребенка.

5 – Пять детей и более.

65. Ваше образование:

1 – Высшее.

2 – Среднее специальное.

3 – Общее полное (11 классов школы).

4 – Образования не имею.

СПАСИБО!

Что можете добавить _____

_____

_____

_____

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА 1. ПРИНИМАЮЩИЙ РЕГИОН В СИТУАЦИИ МИГРАЦИИ	9
1.1. Геополитическое положение Ставропольского края	9
1.2. Экономико-географическая особенность Ставропольского края	10
1.3. Экономическое развитие Ставропольского региона	13
1.4. Региональный рынок труда и занятость населения	14
1.5. Демографическая ситуация на Ставрополье	15
1.6. Этническая стратификация населения	20
1.7. Уровень жизни и доходы населения Ставрополья	22
1.8. Социальное самочувствие населения Ставрополья	23
ГЛАВА 2. ВЫНУЖДЕННАЯ МИГРАЦИЯ И ЕЕ РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ	26
2.1. Вынужденные переселенцы как социальные интегранты	26
2.2. Динамика вынужденных переселенцев в принимающем регионе	42
2.3. Уровень жизни и доходы вынужденных мигрантов	46
2.4. Трудовая занятость и безработица среди вынужденных переселенцев	50
2.5. Образование и карьера	55
2.6. Культурно-коммуникативные и психологические особенности вхождения вынужденных переселенцев в местное сообщество	57
ГЛАВА 3. ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК РАБОЧЕЙ СИЛЫ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ	88
3.1. Особенности Ставрополья как региона, принимающего трудовых мигрантов	88
3.2. Социокультурный портрет трудового мигранта Ставрополья	98
3.3. Социальное самочувствие трудовых мигрантов в различных сферах принимающего региона	112
ГЛАВА 4. КОНФЛИКТОГЕННОСТЬ МИГРАЦИИ	129
4.1. Постановка проблемы	129
4.2. Некоторые итоги опроса 2006 г.	130
4.3. Итоги опроса 2007 г.	134
4.4. Федеральный уровень	136
4.5. Южный федеральный округ	137
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.	139
<i>Приложение 1. Динамика интеграции вынужденных переселенцев в местное сообщество</i>	141
<i>Приложение 2. Социологическое исследование «Трудовая миграция как фактор развития региона»</i>	162

Научное издание

Гриценко Галина Дмитриевна, Дмитриев Анатолий Васильевич,
Маслова Татьяна Федоровна

**Мигранты в социокультурном пространстве региона.
Социологические очерки**

Монография

Оформление *А.В. Антипов*
Компьютерная верстка *А.В. Антипов*
Корректор *Л.Н. Семенова*

Подписано в печать 29.09.08.
Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Печ. л. 11,0. Усл. печ. л. 11,0.
Уч.-изд. л. 10,56. Тираж 500 экз. Заказ №

Издательский дом «Альфа-М»
Адрес: 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в
Тел./факс: (495) 363-4270(573)
E-mail: alfa-m@inbox.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь:

- Отдел продаж «ИНФРА-М». 127282, Москва, ул. Полярная, д. 31в,
тел. (495) 363-4260; *факс* (495) 363-9212; *e-mail* books@infra.ru
- Центр комплектования библиотек. 119019, Москва, ул. Моховая, д. 16
(кор. К, Российская государственная библиотека), *тел.* (495) 202-9315
  - Отдел «Книга—почтой», *тел.* (495) 363-4260 (доб. 232, 246)
  - Магазин «Библиосфера» (розничная продажа).
109147, Москва, ул. Марксистская, д. 9, *тел.* (495) 670-5218, (495) 670-5219

ISBN 978-5-98281-158-5

